

HISTORIA ROSSICA

Дуглас Смит

Работа над диким камнем:

Масонский орден и
русское общество
в XVIII веке

HISTORIA
ROSSICA

Douglas Smith

WORKING
THE ROUGH
STONE:

*Freemasonry and Society
in Eighteenth-Century Russia*

DEKALB:
NORTHERN ILLINOIS
UNIVERSITY PRESS

1999

Дуглас Смит

РАБОТА
НАД ДИКИМ
КАМНЕМ:

*Масонский орден и русское
общество в XVIII веке*

Новое
Литературное
Обозрение

2006

УДК 061.236.6(470)"17"
ББК 63.3(2)51-453.8
С50

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слезкин, Р. Уортман*

**Редактор серии
М. Долбилов**

Смит Д.

С 50 **Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке/Авторизованный перевод с англ. К. Осповата и Д. Хитровой.** — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 224 с.: ил.

Масоны в России XVIII века в своем большинстве не были ни искателями высшей истины, ни проектировщиками политического переустройства.

Вступление в масонскую ложу было способом индивидуального социального самоутверждения. Вольный каменщик чувствовал себя членом элитарного союза избранных — аристократии духа, призванной своим моральным примером внести упорядоченность в аморфное российское общество. Такую концепцию американский историк Дуглас Смит обосновывает в сравнительном контексте общеевропейской истории масонства. Исследование опирается на разнообразные источники, включая сохранившиеся в архивах подлинные документы российских масонских лож. В книге показана связь между ритуальной стороной масонства и представлениями людей о своем месте в меняющемся обществе, изучены мотивы и проявления масонофобии.

Выводы автора дают стимул к переосмыслению взаимоотношений между самодержавной монархией и ее подданными в России эпохи Просвещения.

УДК 061.236.6(470)"17"
ББК 63.3(2)51-453.8

ISBN 5-86793-478-0

«Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia» by Douglas Smith

© Northern Illinois University Press, DeKalb, Illinois, 1999

Published by arrangement with Northern Illinois University Press

© К. Осповат, Д. Хитрова, пер. с англ., 2006

© Художественное оформление.

«Новое литературное обозрение», 2006

От автора

Я хотел бы выразить признательность всем тем, кто помог подготовить русское издание этой книги: И. Гачечиладзе, А.Л. Зорину, О. Кауфман, И.Д. Прохоровой, Т. Сафроновой, Е. Свердловой и Н.П. Соколову. Особую благодарность я хотел бы принести инициатору настоящего издания А.Р. Курилкину, а также К. Осповату и Д. Хитровой, взявшим на себя перевод.

ВВЕДЕНИЕ

23 апреля 1792 года московский генерал-губернатор князь А.А. Прозоровский отдал приказ эскадрону гусар под командованием князя Жевахова арестовать опасного преступника, масона Николая Новикова. Целую ночь они скакали до Авдотьино-Тихвинского, имения Новикова, где нашли его в постели, больного, в полусознательном состоянии. Несмотря на это, Новиков был доставлен в крытой повозке в Москву для допроса. Через несколько дней императрица Екатерина II повелела отправить масона под конвоем в Санкт-Петербург для бесед с печально известным С.И. Шешковским. В течение следующих недель Новиков давал показания о своей деятельности в качестве главы русских масонов, о связях с каменщиками при враждебном берлинском дворе и о своих отношениях с великим князем Павлом Петровичем. В конце концов он признал свою вину в публикации запрещенных книг и привлечении наследника к масонству. В августе последовал приговор — заключение в Шлиссельбургской крепости сроком на 15 лет. С воцарением Павла в 1796 году Новиков был прощен и отпущен. Он вышел из тюрьмы сломленным человеком и поселился в любимом имении, где и доживал последние годы в одиночестве¹.

Издатель, журналист, историк и масон Новиков был одной из самых заметных фигур екатерининского царствования (1762—1796). Целые поколения чтили его едва ли не как настоящего святого, «Апостола добра» и «просветителя России»². С трагической судьбой Новикова связывают и судьбу русского масонства вообще: масонское движение в России завершило свою деятельность вскоре после его ареста. Немногие из оставшихся лож быстро закрылись, и некогда бурная жизнь ордена в России остановилась.

Масонство — первое в России широко распространившееся общественное движение — оказало глубокое влияние на социальное развитие страны³. В течение XVIII века в орден вступили тысячи представителей самых разных сословий — от временщиков и могущественных аристократов до скромных ремесленников и вольноотпущенников. Гражданские и военные чиновники, философы, литераторы, художники и купцы создали обширную масонскую сеть, действовавшую почти по всей империи. Анализ социальной психологии масонов позволяет точнее описать особенности вестернизации и общей социальной стратификации императорской России (1682—1917).

Масонство в России появилось в первые десятилетия XVIII века, когда Петр I, стремясь изменить европейские представления о «средневековой» Московии, настойчиво вводил в русское общество заимствованные из Европы военные, политические, экономические и социальные доктрины. Российская элита приняла Петровские реформы, предпочтя привычки образованных голландцев и шведов обиходу своих предков. Это отразилось не только в бритье бород или смене кафтана на европейское платье — приходилось думать и вести себя по-новому. С каждым годом высшие слои русского общества все больше адаптировались к европейской культуре: они читали, учились и путешествовали; они усваивали хорошие манеры; они посещали салоны, театры и концерты; наконец, они вступали в масонский орден.

Вступление в орден обеспечивало новоиспеченному масону, помимо общения с единомышленниками, нужные связи с потенциальными покровителями и возможность сытно отобедать и выпить без домочадцев. Еще более возбуждающее действие имели разговоры о Просвещении, христианстве и — особенно — об оккультизме. Кроме того, русские братья именно в ложах учились новому, европейскому стилю поведения: обуздывая низменные страсти, они становились цивилизованными и вежливыми; этот процесс назывался у них «обработка дикого камня». Одновременно с этими уроками русские масоны осваивали понятие гражданской ответственности — масонская этика видела свою важнейшую функцию в служении государству и обществу; орден должен был помочь братьям стать исполнительными чиновниками, верными подданными и хорошими гражданами, равно как и заботливыми супругами, нежными отцами и настоящими христианами, одним словом, дать возможность самосовершенствоваться и чувствовать себя добродетельнее окружающих.

Масонское движение было востребовано в России еще и потому, что общество нуждалось в четких границах между социальными группами, подобных тем, что существовали в Европе: стратегии личной и социальной идентификации в допетровской Руси не были четко определены, Петровские реформы только усложнили ситуацию⁴. Вестернизация повлекла за собой образование совершенно новой общественной иерархии: образование, платье, манеры стали основными инструментами самоидентификации и важнейшим критерием для оценки остальных. Дело усложнилось в 1722 году с принятием Табели о рангах, в которой право рождения как основа социального статуса заменилось успехами на государственной службе. Для модернизации России Петру необходим был новый класс образованных и прилежных чиновников, которые составили бы костяк бюрократического аппарата. «Регулярное полицейское государство»⁵ чинами и деньгами должно было заплатить самым ревностным из них за службу. Благородное происхождение более не гарантировало социальных привилегий: в течение XVIII века российская элита пополнялась образованными выходцами из низших сословий, дослужившимися до высших чинов и получившими таким образом титулы, состояние и общественный престиж. Служение государству в общественном сознании осталось главным этическим императивом, несмотря даже на то, что в 1762 году вступил в силу «Манифест о вольности дворянской». Как видно, размытость границ между разными слоями общества, сложности вестернизации и этический статус службы сделали проблему социального самоопределения одной из важнейших для России XVIII—XIX веков.

В этом хаосе и беспорядке вступление в масонский орден давало важное ощущение причастности к просвещенному и добродетельному братству. Масоны получали возможность заменить суетные хлопоты светской жизни размышлениями о высших нравственных ценностях и, следовательно, увериться в своей исключительности. Кроме того, вышеописанное представление о гражданской ответственности, внушаемое масонам, точно соответствовало государственной идеологии послепетровской России. Словом, у братьев были все основания гордиться званием масона.

Стремление масонов отличаться от всего остального мира связано с еще одним существенным явлением русской истории XVIII века — зарождением гражданского общества. Несмотря на то что Россия традиционно воспринималась как государство, где отста-

лость и политическое давление тормозят развитие общества, здесь, как и в других европейских державах того времени, формировалась «публичная сфера» — жизнь за пределами службы, церкви и семьи. Так, в XVIII столетии в России появляется целый ряд новых институций: клубы, литературные и научные общества, салоны, театры и масонские ложи; возникает рынок печатной продукции — газет, журналов, книг. Представители правящего класса теперь считают себя членами особой страты, отграниченной от престолярства, — «хорошего общества». Отношение масонства к гражданскому обществу выглядит парадоксальным: будучи его полноправным элементом и посвящая свою деятельность только его благу, орден одновременно не только полагает себя лучше и чище остального социума, но и старается избежать его вредоносных влияний.

Презрение масонов к обществу обернулось недоверием к ложам со стороны публики; тайные масонские собрания вызывали подозрения и страх. Масонов высмеивают в журналах и на театральных подмостках. Братья в ответ пытаются привлечь на свою сторону едва зарождающееся общественное мнение, но терпят неудачу. Арест Новикова — одинокого и больного человека — послужил лишним свидетельством сильных масонофобских настроений, охвативших русское общество в 1790-х годах. Историки часто описывают дело Новикова как часть более масштабной кампании Екатерины против независимого общества и считают это одним из доказательств деспотического характера российского самодержавия⁶. Стоит заметить, однако, что арест Новикова был осуществлен по инициативе московских властей, а вовсе не по приказу Екатерины; кроме того, он не послужил сигналом к ликвидации масонского движения или общества в целом. Заключение под стражу Новикова позволяет судить, насколько Россия была причастна к параноидальному ужасу перед масонами, якобинцами и иллюминатами, распространившемуся по всей Европе сразу после Французской революции. В начале 1790-х годов повсеместные толки о тайных обществах как рассаднике анархии и беспорядков уже не оставляли каменщикам возможности защищаться. Процветавшее еще недавно движение пришло в упадок⁷.

* * *

История масонского движения, в особенности начального его периода, известна нам преимущественно по разным легендам, по-

этому, как формулирует выдающийся историк Ф. Йейтс, «вопрос о происхождении масонства стал одним из самых спорных в исторической науке»⁸; некоторые положительные данные об этом предмете были, однако, недавно введены в научный оборот. Основателями масонского учения были шотландские каменщики XVI—XVII веков.; они опирались на средневековые английские тексты, подробно трактующие мистическую историю их ремесла — «Old Charges» и «Old Constitutions». Именно шотландцы (а не англичане, как обыкновенно считается) в течение сотен лет создавали из смеси преданий, ритуалов, церемоний и различных институций то, что впоследствии стало известно под именем масонства⁹.

Средневековые гильдии каменщиков имели несколько отличий от прочих цеховых образований. В силу особенностей своей профессии каменщики, в отличие от остальных ремесленников, не имели постоянного места проживания и вынуждены были перемещаться по Европе. Жизнь в неуверенности и неопределенности заставляла их поддерживать связи более тесные, чем в обычной гильдии, — так развивались ложи. Первоначально они располагались рядом со строящимся зданием в простых сараях, где каменщики ночевали; затем сарай переделывали в более прочное сооружение, которое постепенно становилось центром профессиональной и частной жизни каменщиков — там можно было есть, спать, отдыхать, работать и общаться. Для каменщиков, приехавших издалека, ложа становилась временным домом. Поскольку строительство (в особенности возведение огромных соборов) иногда затягивалось на десятилетия, ложи постепенно обретали статус постоянных институций со своими обычаями и ритуалами. Наиболее строго регламентировались такие цеховые церемонии, как, например, принятие в ложу новых членов; их подвергали специальным испытаниям, позволявшим отличить настоящих каменщиков от самозванцев, и в том числе подробно расспрашивали об истории ремесла.

В тексте «Old Charges», на который опирались члены ложи в воссоздании этой истории, строительное дело провозглашалось основой всех остальных наук. Приравнивая свое ремесло к геометрии и утверждая последнюю началом семи классических свободных искусств или наук, вольные каменщики создавали грандиозный миф, прослеживавший историю масонства от библейского Иавала (легендарного основателя геометрии) через Гермеса Трисмегиста (легендарного правнука Ноя) к вавилонскому царю Нимроду, от него — к Аврааму и Саре и наконец к храму царя Соломона, на

постройке которого были заняты более 80 тыс. каменщиков. Затем, по легенде, часть их потомков перебралась во Францию, где им нашлась работа у будущего короля Карла Мартелла, и уже оттуда они попали наконец на Британские острова. Предания каменщиков, их самопровозглашенный статус архитекторов и геометров, слава, которую принесло им строительство знаменитых соборов, давали возможность превратить обычную ремесленную гильдию в мистическое и великое сообщество.

Ключевой фигурой в этом процессе был Уильям Шоу (ок. 1550—1602), главный распорядитель работ при шотландском дворе и Великий надзиратель шотландских лож, употребивший все свое могущество для придания традиционному ремеслу нового качества. Шоу организовал ложи нового типа; заложил основы масонской иерархии и тайных опознавательных знаков; выработал масонскую систему символов, относящихся к труду каменщиков: инструменты, материалы, строительные навыки и так далее — то есть создал все то, что составляло специфику масонства. Одновременно Шоу и его последователи, увлеченные неоплатоническими идеями Позднего Возрождения и разного рода оккультизмом (магией, астрологией, алхимией), ввели в средневековые легенды каменщиков многочисленные мистические мотивы: от герметизма до поклонения Египту, от мнемоники до тайных обществ розенкрейцеров. Масонская конспирация, сопровождавшаяся склонностью к разного рода тайным знакам, в особенности к иероглифам и эмблемам, восходила, по-видимому, к неоплатонической традиции поиска тайного знания в маленьких секретных сообществах.

Влияние Возрождения важно по двум причинам¹⁰. Во-первых, очевидно, что масонство XVIII века было связано с идеологией позднего Ренессанса не меньше, чем с культурой Просвещения, а неоплатоническая тяга к мистике, таинственности и поиску скрытой истины осталась и в XVIII столетии характернейшей чертой масонского учения. Таким образом, когда в век Просвещения французские, немецкие и русские масоны занимались магическими науками, они не изменяли настоящим, более возвышенным и «просвещенным» догмам масонства, но, напротив, возвращались к источникам философии ордена¹¹. Во-вторых, тем же влиянием Ренессанса можно объяснить и появление в начале XVII века братьев, не связанных непосредственно с ремеслом каменщиков. Их привлекала, по-видимому, манящая смесь средневековых легенд с оккультными доктринами (воспринятыми масонством незадолго до

этого), обещавшими обретение тайного знания и высшей истины. Впрочем, хотя некоторые неофиты были людьми благородного происхождения и вступали в ложи из интереса к герметической магии и розенкрейцерам, большая часть вновь принятых в общества все еще принадлежала к более скромным сословиям. Однако вскоре ложи получили невиданную популярность у представителей высших классов; в Шотландии настоящие каменщики вынуждены были уживаться (не всегда спокойно) с неработающими братьями в течение всего XVII и в начале XVIII века, когда собственно каменщических лож насчитывалось еще около тридцати. Время, когда ложи начинают наполняться выходцами из других социальных слоев (в особенности дворян), традиционно считается началом деятельности масонского ордена в новой, нецеховой, форме. Впрочем, по словам Д. Стивенсона, такое деление неверно, ибо предполагает отсутствие у подлинных каменщиков склонности к умозрению; на самом же деле их обряды имели глубокий символический смысл задолго до того, как в ложах стали доминировать масоны-некаменщики¹².

Иная ситуация сложилась в Англии, где масонское движение с самого начала не было по-настоящему связано с гильдией каменщиков и состояло только из дворян. Первые ложи были учреждены на севере страны (неподалеку от границы с Шотландией) в середине XVII века, когда в городе Уоррингтоне в Ланкашире был посвящен в масоны Элиас Эшмол, антикварий и астролог из Оксфорда. В XVIII веке Англия уже становится центром масонства. Не сдерживаемые консерватизмом братьев-ремесленников, английские масоны-дворяне сразу начинают менять правила ордена в соответствии со своими вкусами и интересами. Так, они добавляют к системе двух шотландских степеней третью и окончательно формируют основу масонской иерархии, более детально разрабатывают церемонии масонских собраний. В 1717 году четыре ложи объединяются в одну — Великую лондонскую ложу, контролирующую масонское движение по всей стране. В 1723 году Великая ложа издает «Установления вольных каменщиков» — документ, определяющий деятельность всех масонов. В 1725 году в ведении Великой ложи уже 70 английских лож; десять лет спустя их насчитывается более ста в одном Лондоне. Масонство становится сообществом для образованных и обеспеченных людей; в орден вступают даже члены королевской фамилии, отчего масонские собрания получают титул «занятия королей»¹³.

Одновременно со структурными переменами трансформируется философская составляющая масонства — Поздний Ренессанс сменяется ранним Просвещением. Увлечение мистикой и оккультизмом постепенно вытесняется на периферию масонского учения; на первый план выходят новые научные теории, прежде всего ньютонианство с его представлением об упорядоченности и уопостигаемости мира. Масоны безоговорочно разделяют веру в силу и разум индивидуума и посвящают себя нравственному усовершенствованию человечества. Братство, терпимость, общественная гармония и равенство становятся идеалами ордена.

Эти идеалы в Англии разделяли не только масоны, но и вообще представители образованных классов: именно в социальной терпимости и гармонии после потрясений гражданской войны видели гарантию сохранения мира. Как пантеизм и деизм служили лучшей защитой от религиозного фанатизма, так и новые формы общения, подразумевающие изначальную склонность человека к дружелюбию, и нормы этикета, заменяющие грубость изысканными манерами, считались эффективным оружием против жестокости и насилия. Вместе с разнообразными обществами того времени, у которых масоны во многом заимствовали новую этику, ложи оказываются центром кристаллизации этих идей. Масонство, объединяя людей примерно равного благосостояния, образования и культуры и стирая старые сословные границы, прививало им чувство общности и внушало представление об их самоидентификации как членов просвещенного общества, изолированного от народных масс¹⁴.

В первые десятилетия XVIII века масонство усилиями английских купцов и военных появляется и на континенте; к 1750 году масонские общества основаны уже почти во всех странах Европы. Первая европейская ложа была учреждена в Роттердаме в 1721—1722 годах. Несмотря на официальное запрещение масонства в Голландии в 1735 году, Великие ложи Англии и Шотландии продолжают тщательно отслеживать масонскую деятельность в этой стране. Ко времени основания в 1756 году Великой ложи Нидерландов, независимой от английских масонских организаций, в Голландии насчитывается уже около дюжины мастерских¹⁵.

Если Нидерланды распространением масонства обязаны в основном ганноверским британцам, то в католических странах эту роль играли якобиты. По-видимому, именно они около 1725 года основали первую ложу в Париже. Такого быстрого и полного успе-

ха, как во Франции, орден не имел нигде: общества учреждались не только в крупных центрах, но и в маленьких городках на торговых дорогах, в береговых поселениях и в традиционно отсталых южных провинциях. Впрочем, расположение к масонству испытывали не все — в течение 1730—1740-х годов парижская полиция регулярно арестовывала и допрашивала масонов¹⁶. К 1750-м годам масонские общества появились уже во всех французских провинциях, а в 1760-х годах к существующим прибавилось еще 180 лож. В канун революции Великий Восток Франции контролировал деятельность уже 650 собраний. В целом в XVIII веке от 30 до 40 тыс. французов вступили в более чем тысячу лож¹⁷. Как и в Британии, масонство привлекало в свои ряды представителей разных социальных слоев: третьего сословия, изначально составлявшего большинство во французском масонстве, и аристократии, предпочитавшей, Впрочем, собираться в особых ложах¹⁸.

Первым масонским обществом в Германии была гамбургская ложа Авессалома, основанная в 1737 году, по-видимому, английскими купцами; через три года в Берлине появилась ложа Трех глобусов. Вскоре ложи открылись во всех крупных торговых городах Северной и Южной Германии, а к началу XIX века свое масонское собрание было и в каждом провинциальном городке. Стоит заметить также, что масонство воспринималось как интеллектуальная мода, пришедшая из Франции, и потому поощрялось многочисленными французскими эмигрантами-аристократами. В общем, в Германии в XVIII веке существовало 250—350 лож, которые посещали от 15 до 20 тыс. братьев. Решающим для распространения масонства в Германии стало вступление в братство в 1738 году кронпринца Фридриха. Благодаря этому орден получил общественную значимость и сразу снискал популярность и у дворянства, и у средних классов. Среди немецких масонов были и влиятельнейшие деятели культуры, например Гете и Лессинг, и представители новой германской бюрократии. «Аристократически-буржуазный высший класс» дворян, ученые, юристы и купцы — вся немецкая элита находила в ложах место и собеседников для «утонченного общения» и способствовала тем самым успехам немецкого Просвещения¹⁹.

После Германии орден приходит и в другие страны Северной Европы. Один из членов ложи Трех глобусов основывает в 1743 году в Копенгагене первую датскую ложу. Английская и шотландская Великие ложи, претендуя на европейское главенство, в свою очередь, форсируют учреждение новых мастерских. Началом 1730-х годов

датируется появление масонов в Швеции, затем, после временно-го запрещения масонской деятельности в 1738 году, наступает бурный расцвет шведского масонства в 1750-х годах. Шведское масонское движение, как и немецкое, пользуется высочайшим покровительством: в 1773 году брат короля Густава III Карл, герцог Зюдерманландский, становится Великим мастером Великой ложи Швеции; два года спустя в орден вступает и сам король²⁰.

На юге Европы дела ордена шли значительно хуже из-за сопротивления католической церкви; в течение XVIII века Ватикан выпустил три антимасонские буллы. Так, в Испании, где английские масоны действовали (преимущественно в Мадриде и Гибралтаре) с 1728 года, король Филипп V предпринял ряд жестких мер против масонства (1740), вплоть до осуждения восьмерых братьев к работе на галерах. Однако ложи не только продолжали свою деятельность, но и находили все больше адептов среди испанцев — в 1767 году испанские масоны уже учредили собственную Великую ложу, получив тем самым административную независимость от англичан. В Португалию английские братья проникли в 1735 году, но после ареста и пыток британца Джона Кустоса (несчастливого «вздергивали 9 раз на дыбе, пороли, выжигали клейма и мучили иными способами») масонская деятельность в стране прекратилась до воцарения Хосе I, давшего масонам чуть больше свободы и безопасности. Итальянское масонство имело схожую судьбу: короткие периоды расцвета, затем запрещение и постоянное давление (главным образом, со стороны церкви)²¹.

Первая швейцарская ложа появилась в 1736 году в Женеве; три года спустя в Во был образован Совершенный союз странников. К 1787 году в стране насчитывалось уже 72 общества, однако по большей части они существовали недолго и не оставили сколько-нибудь заметных следов своей деятельностью²².

Успехи масонства в Австрии начались со времени вступления в орден в 1731 году Франца, герцога Лорренского, будущего супруга императрицы Марии-Терезии. К 1742 году относится возникновение в Вене ложи Трех пушек, состоявшей в основном из иностранных дипломатов и чиновников высшего уровня. За ней последовала ложа Трех сердец, учрежденная братьями из ганноверских масонских кругов. Усилиями австрийских офицеров масонские общества были основаны в Праге (с 1726 г.), Венгрии (с 1760-х гг.) и Галиции (ок. 1775 г.)²³. Несмотря на попытку запрещения в 1764 году (или благодаря ей), масонское движение быстро приобретало популяр-

ность и вес в Австрии в последнее десятилетие жизни Марии-Терезии и первые годы единоличного правления Иосифа II. В 1780 году в Вене действовали уже шесть лож, которые посещали примерно 200 членов. Бурный рост был остановлен в 1785 году, когда император выпустил *Freimaurepatent*, наложивший на масонскую деятельность жесткие ограничения и существенно осложнивший положение ордена в стране²⁴.

Масонское учение со временем распространилось и за пределами Европы: среди масонов были колонизаторы и исследователи других частей света, не желавшие расставаться со старыми привычками в новых условиях. Так, все крупные города британских колоний в Америке — Филадельфия, Бостон, Нью-Йорк, Чарльстон — имели собственные ложи уже к 1738 году. Восемью годами раньше ложи были основаны в Индии. В 1743 году появились масонские общества в Турции; в 1765 году — на Суматре; в 1769 и 1771 годах — соответственно на Яве и Цейлоне; в 1772 году — в Кейптауне; в 1788 году — в Китае²⁵. К концу века, как видно, масонство становится не просто международным, но по-настоящему всемирным движением.

Чем больше английские купцы, изгнанники-якобиты, французские аристократы, немецкие дипломаты и голландские моряки развозили масонство по свету, тем больше оно претерпевало бесконечные и не подвластные учету трансформации. В результате орден превратился в сложнейший конгломерат самых разных систем, иерархий, титулов, лож и ритуалов. О протеческом характере движения можно судить хотя бы по переменам, произведенным в XVII — начале XVIII века англичанами в шотландском масонстве. Необходимо пересмотреть прочно устоявшееся в науке (особенно российской) ошибочное представление о том, что настоящей, чистой формой учения было раннее английское масонство, а поверхностные французы и мистические немцы его извратили и осквернили. На самом деле именно в Англии масонство подверглось самой глубокой и длительной реформации. В 1751 году группа братьев вышла из Великой ложи — они декларировали свою принадлежность к настоящему «древнему» масонству с его особыми церемониями и обрядами, а давно существовавшие старые ритуалы объявили «современными»²⁶. Такие же нововведения, обыкновенно подававшиеся под видом восстановления древних масонских правил и чаще всего касавшиеся английской иерархии трех степеней, сформировали европейское масонство как систему конкури-

рующих норм, число которых росло с течением века. Структурное разнообразие ордена соответствовало интеллектуальной, философской и культурной разнородности учения. Появившееся на стыке двух эпох, масонство с самого начала не имело внутреннего единства; это и послужило, по-видимому, одной из причин его популярности. В учении, совмещавшем средневековые предания, неоплатонизм Возрождения и ранний просветительский оптимизм, каждый мог найти то, что искал.

Статус вечного знания, бережно сохранявшегося веками благодаря древним правилам и обрядам, в действительности маскирует новаторский характер учения²⁷. Эта коллизия в последние десятилетия обратила на себя внимание многих ученых и послужила причиной многочисленных споров об историческом значении масонства.

Историки все больше и больше стараются подчеркнуть роль масонского ордена как одного из главных источников современных социальных моделей и общества в целом. Одни видят в ложах основу политического экстремизма, инструмент воинственного антидемократического меньшинства, якобы выступающего во имя великого блага и впервые проявившего себя во времена революционного террора во Франции. Для других, напротив, орден — колыбель здорового демократического духа и цивилизованного общества, провозвестник нынешних идей толерантности, равенства и свободы.

Суждения первых восходят к книге аббата Августина де Баррюэля «Памятные записки к истории якобинства» (1797), в которой Французская революция была прямо объявлена делом рук масонов. Попытку придать этой концепции научную актуальность предпринял один из ведущих специалистов по революции Ф. Фюре, обратившийся для этих целей к сочинениям историка-консерватора А. Кошена (1876—1916). Фюре повторяет мысль последнего о том, что масонские ложи, как и другие философские общества («sociétés de pensée»), задают новую систему политических отношений, которую ученый называет «чистой демократией», — абстрактную и искусственную форму демократического общества, не имеющую ничего общего с реальной социальной практикой. Масоны стремятся к господству руссоистской «общей воли» внутри ордена; на деле же ложи являют собой «первый пример коллективного принуждения» и «тирании общества», которая, в свою очередь, оказывается способной привести в движение «всесильную машину» якобинства²⁸. Масонство предстает не секретным оружием заговорщиков, как у

Баррюэля, а «образцовым воплощением новых механизмов власти ... [и] принципов якобинства»²⁹. Однако значение масонства этим не исчерпывается: в репрессивном политическом устройстве ордена Фюре смело находит «прообраз тоталитаризма»³⁰.

В своих выводах Фюре не одинок и не оригинален. Еще в 1950-е годы немецкий историк Р. Козеллек в книге «Критика и кризис: Просвещение и патогенез современного общества» попытался связать масонство XVIII века с тоталитаризмом XX столетия³¹. Как видно из названия, автор считает политические сложности нынешнего времени продуктом идеологом XVIII века, закамуфлированных под политически безвредные формулы нравственности. В создании подобного рода утопических схем Козеллек отводит главную роль масонским ложам, где в дружеской обстановке велась жесточайшая критика абсолютизма, скрывавшая истинные политические цели масонов. Не имевшие опыта реальной власти, который мог бы умерить грандиозность их замыслов, убежденные в моральном превосходстве своих верований и вооруженные новейшим взглядом на историю, масоны дали ход наивной и безответственной критике государства, принесшей свои плоды и за пределами политической сферы. В манипуляциях утопическими иллюзиями, созданными масонами и им подобными, Козеллек видит основу современного тоталитаризма — как левого, так и правого.

Оценки подобного рода резко контрастируют с суждениями ученых противоположного лагеря — теми, кто видит в масонстве зародыш цивилизованного общества, реформистской и прогрессивной политической культуры. Так, М. Джейкоб, основываясь на пионерской работе Ю. Хабермаса, настаивает на том, что детальное исследование лож способно опровергнуть грубые обобщения Фюре и Козеллека. Ее исчерпывающая работа о европейском масонстве XVIII века дает более точную и взвешенную картину социальной активности масонов. Со всей убедительностью Джейкоб доказывает, что масонская деятельность не только не была изолирована от реальной жизни общества, но, напротив, имела целью преобразовать ее изнутри. Реформаторский пыл при этом не только не подразумевал политического экстремизма, но и вообще не предполагал политических амбиций вольных каменщиков. Скорее, замечает Джейкоб, в ложах можно увидеть «микроскопические гражданские государства», «школы конституционного правления»³². Таким образом, ложи были не закрытым кружком радикалов, состряпавших утопическую идеологию и затем с помощью банды

экстремистов безжалостно подкинувших ее ничего не подозревавшему обществу, но таким местом, где мужчины и женщины разного происхождения и образования могли свободно обсуждать социальные, интеллектуальные и философские проблемы своего времени и вместе учиться конституционализму и политике самоуправления — основам современных демократических обществ.

Две противоположные интерпретации исторического значения масонства на самом деле опираются на различные толкования концепта «Просвещения», поскольку сторонники обеих точек зрения признают ложи воплощением его принципов. Становится неясным в таком случае, не слишком ли большая роль отводится в этих спорах масонству; в этом отношении обе концепции представляются равно уязвимыми.

Во-первых, чтобы уравнивать Просвещение и масонство, необходимо располагать четкими определениями обоих явлений и их границ. Но если для масонского ордена такие дефиниции существуют, то о точном значении понятия «Просвещение» и его исторической роли споры идут до сих пор³³. По выражению Р. Дарнтона, это слово так усердно склоняли и мыслители XVIII века, и легионы позднейших исследователей, находивших новые «просвещения» от Берлина до Бразилии и от Петербурга до Пенсильвании, что оно в результате потеряло всякий смысл, будучи применимо везде и, следовательно, нигде, всегда и, следовательно, никогда³⁴. Просвещение стало синонимом смутных представлений о современности и западной цивилизации вообще, и отношение к нему соответственно диктуется восприятием этих последних: апология Просвещения означает апологию новой эры и западной культуры; критика его (например, за ложный универсализм, наивную веру в разум, за расизм и сексизм) призвана разоблачить современный Запад. Так или иначе, но о соотношении масонства и Просвещения приходится рассуждать с большой осторожностью. Даже если признать некоторый вклад масонства в Просвещение (с чем соглашается большая часть историков, в том числе и автор настоящей работы), то, как замечает Р. Фирхаус, нужно говорить об их сходстве, но не о тождестве³⁵. Масонство могло служить не только инкубатором и распространителем просветительских идей, но и противоядием от них — например, у русских братьев, осуждавших вольтерьянское вольнодумство и «развратные» учения «философов». У Екатерины II, охотно высмеивавшей масонов, ложи ассоциировались одновременно и со стариковским суеверием, и с доверчивостью модного света. В

такой перспективе соотношение масонства и Просвещения становится вовсе не очевидным.

Во-вторых, неясно, должны ли дискуссии о Просвещении влиять на оценки масонства. Другими словами, является ли критика масонства вместе и критикой Просвещения? Можно ли упрекать просветителей и в то же время характеризовать ложи как положительное достижение XVIII века? Как представляется, масонство должно быть исследовано безотносительно к своим связям с Просвещением (как его ни определять). Основным объектом такого исследования должны стать действия и слова членов ордена, а целью — описание того, как они сами понимали смысл своей деятельности.

Еще одна проблема изучения масонства — непереносимое желание историков увидеть в нем источник того или иного современного общественного явления. Но очевидно, находим ли мы в ложах XVIII века основу якобинства и затем тоталитаризма или, наоборот, корни демократии, мы в любом случае приписываем деятельности ордена то значение, которого она не имела. «Если масонские общества были рассадниками якобинства, почему оно не распространилось в Филадельфии в 1780-х гг. или в Амстердаме в 1790-х гг.?» — справедливо недоумевает М. Джейкоб³⁶. Ее работа о масонстве дает превосходный пример исследования ордена в историческом контексте. Стоит, впрочем, сказать, что ложи не были не только базой для якобинцев, но, вопреки мнению ученого, не были они и колыбелью конституционализма³⁷. В настоящей книге мы ставим своей задачей рассмотреть конкретную деятельность русских масонов XVIII века в ее непосредственной связи с историческими событиями того времени, ограничив теоретические построения рамками настоящего Введения.

Глава 1

ЖИЗНЬ В ЛОЖАХ

Какое важное размышление для нас, любезные братья! для нас Каменщиков, т.е. людей, которые исторглися из великой толпы мира и вступили в тесный союз для того, чтобы в мирной тишине и соединенными силами образовать разум свой к мудрости, а сердце к добродетели, а таким образом жить достойно великого назначения своего.

Из масонских документов

Прежде чем попытаться ответить на вопрос о том, зачем люди в России становились масонами, необходимо уяснить, что пребывание в ложе значило для ее членов. В этой главе мы обратимся непосредственно к деятельности лож, к масонским правилам и ритуалам. Однако сначала остановимся на некоторых центральных вопросах социальной истории российских лож.

МАСОНСКИЕ ЛОЖИ

В течение XVIII века в более чем сорока городах Российской империи существовало свыше 140 масонских лож; вместе они составляли обширную масонскую сеть, охватившую почти всю империю, не исключая даже далеких провинций.

Масонство пришло в Россию в первой половине века. Точную дату открытия первой ложи установить невозможно, но всего вероятней, что в 1730-х или в начале 1740-х англичане, распространявшие учение по Европе, завезли его и в Россию¹. Источники сообщают, что Джеймс Кейт, шотландец, бежавший из Англии после якобитского восстания и поступивший в 1728 году на русскую службу, в 1740—1741 годах стал провинциальным Великим мастером России. Возможно, впрочем, что датой проникновения ор-

дена в империю стоит считать 1731 год, когда Великий мастер лорд Ловелл объявил в Лондоне о назначении некоего капитана Джона Филипса на должность провинциального Великого мастера России и Германии².

У русского масонства могли быть и другие корни. Во-первых, в орден охотно вступали образованные русские, жившие за границей. В 1737 году членом одной из парижских лож стал С.К. Нарышкин, который впоследствии был посланником в Англии; будущий президент Академии наук К.Г. Разумовский, молодым человеком проходивший курс наук в Германии, состоял в берлинской ложе в 1743—1744 годах; в 1740-х годах З.Г. Чернышев, тогда служивший переводчиком в российском посольстве в Вене, а позднее — главой Военной коллегии и московским генерал-губернатором, исполнял обязанности секретаря в ложе Трех пушек. И Разумовский, и Чернышев остались масонами и после возвращения в Россию; тридцать лет спустя оба вступили в петербургскую ложу Девяти муз. Во-вторых, к становлению русского масонства могли быть причастны и каменщики из континентальной Европы: так, швейцарец барон Чуди, актер русского придворного театра и одновременно личный секретарь фаворита Елизаветы И.И. Шувалова, в середине столетия много способствовал проникновению в Россию французской масонской системы³.

Однако широкое распространение ордена в России начинается только в 1750-х годах. К 1770-м годам ложи появляются в портовых городах — Риге и Архангельске, а в столице к этому времени насчитывается уже семь мастерских⁴. В последующие два десятилетия русское масонство переживает бурный расцвет: открывается еще более сотни лож, общее же их число повышается с 14 в конце 1760-х годов до 90 к 1790 году. Первоначально центром масонской деятельности оказывается Петербург, где к 1780 году были открыты уже 30 лож — против семи в Москве, однако в течение 1780-х годов первенство захватывает старая столица, в которой новых лож основывается в среднем в три раза больше, чем в Петербурге⁵.

Впрочем, более половины всех российских лож располагались не в столицах, а в мелких провинциальных городках, особенно портовых, где сильнее всего было влияние иностранцев. К началу XIX века уже восемь лож действуют в Риге, четыре — в Ревеле, две — в Архангельске и одна — в Либаве (ныне Лиепая, Латвия). Масонство пользовалось популярностью и на западных окраинах России: приблизительно 30 лож были учреждены в землях, отошед-

ших империи в ходе разделов Польши. Как легко догадаться, к востоку от Москвы и Петербурга, в менее населенной и развитой части страны, успехи ордена были значительно скромнее: здесь действовали всего девять лож: во Владимире, Ярославле, Вологде, Нижнем Новгороде, Пензе, Симбирске, Казани, Перми и Иркутске. Также были учреждены общества к югу от Москвы — в Туле и Орле; на Украине — в Харькове; в морском гарнизоне Кронштадта; на севере — в Петрозаводске и на Белом море в Архангельске. Как правило, в нестоличных городах действовало только по одной ложе; исключения составляли западные города — в Митаве (ныне Елгава, Латвия), например, было три ложи, а в Вильне (ныне Вильнюс, Литва) — шесть. Наконец, существовали и так называемые военные ложи, не имевшие фиксированного места для собраний. Так, во время турецкой войны 1768—1774 годов в Яссах русскими офицерами и врачами была основана ложа Марса (около 1772 г.), а два года спустя в молдавских Садогурах — ложа Минервы. Судя по воспоминаниям С.Н. Глинки, ложи играли важную роль в формировании *esprit de corps* русского офицерства, стимулируя чувства взаимной ответственности, братства и несокрушимой верности императрице⁶.

Так же как и офицеры во время длительных кампаний, высокопоставленные чиновники в отдаленных губерниях стремились внести в провинциальную жизнь усвоенные в столицах культурные привычки — так были учреждены ложи в Орле, Житомире, Симбирске, Ярославле и других городах⁷. Например, ложа Возрастающего орла обязана своим появлением орловскому вице-губернатору З.Я. Карнееву, а ложу в Ярославле основал и возглавил сам генерал-губернатор Ярославской и Вологодской губерний А.П. Мельгунов.

Впрочем, большая часть российских лож просуществовала недолго. Несмотря на титанические усилия А.И. Серкова, мы не располагаем точными временными рамками их деятельности, однако с уверенностью можем утверждать, что примерно треть из них работала не более года, а приблизительно половина лож закрылась спустя пять и менее лет после основания. Однако более четверти собраний действовали от шести до пятнадцати лет, и около дюжины из них не только просуществовали дольше, но и стали важными общественными институтами в соответствующих частях империи. Так, петербургская ложа Уединенных муз Урании (или ложа Урании) процветала на протяжении двадцати лет, а виленская ложа Доброго пастыря работала по крайней мере вдвое больше.

Члены лож обыкновенно встречались в доме у одного из братьев. К примеру, в 1775 году ложа Равенства пользовалась гостеприимством князя М.М. Щербатова, историка и писателя, жившего в подмосковном Красном Селе, а в начале 1777 года братья той же ложи собирались в Ямской Слободе на даче Н.И. Бутурлина. Масоны московской ложи Трех знамен в 1780-х годах посещали дом брата фон Фриде⁸. Начиная с июля 1774 года члены Урании встречались по очереди в домах Л. Краббе, управляющего ложей, и Великого мастера В.И. Лукина. После продажи дома Лукина ложа перенесла собрания в специально арендованное (за 270 руб. в год) здание на Мойке. Наконец, 8 октября 1782 года братья отпраздновали приобретение собственной резиденции⁹. Более всех повезло ложе Постоянства (или Истинного Постоянства), которая получила место для собраний в подарок от Петра III — также масона, управлявшего собственной ложей в Ораниенбауме¹⁰. В июне 1777 года барон де Корберон, французский поверенный в Петербурге, и его друг граф Шарль-Адольф Брюль, секретарь прусской дипломатической миссии, были посвящены («sans ségémonie») в седьмую степень по масонской системе П.И. Мелиссино прямо в рабочем кабинете Корберона¹¹. Но все же столичные масоны встречались преимущественно в частных домах. Великая Английская ложа (также известная как Провинциальная ложа), кроме единственного заседания в Аничковом дворце в 1783 года, собиралась всегда в доме у И.П. Елагина на одноименном острове в Петербурге. Там встречались и члены ложи Девяти муз, основателем и Великим мастером которой был сам хозяин Елагинского дворца. Ту же должность он исполнял и при ложе Пеликана к Благотворительности, заседавшей иногда в доме брата В.П. Кокушкина, петербургского купца¹².

Схожим образом дела обстояли и в провинции. К примеру, в Симбирске 3 декабря 1784 года И.П. Тургенев учредил в собственном доме ложу Златого венца, а в 1780-х годах братья ложи Истинного патриотизма собирались в имении графа Ф.Ф. Потоцкого в Тульчине¹³. Летом 1783 г. пермская ложа Золотого ключа проводила собрания дома у своего Великого мастера и будущего губернского прокурора И.И. Панаева. Это обстоятельство несколько затрудняло работу общества. Так, в записках ложи можно встретить красноречивое указание на то, что братья постарались исполнить «обыкновенные обряды [сколько обстоятельства дозволили их употребить]»¹⁴. Однако самым необычным местом для заседаний масонского общества, пожалуй, стоит признать корабль «Ростис-

лав», приписанный к порту Кронштадта, на борту которого четырежды проводились встречи братьев ложи Нептуна¹⁵.

Количество членов ложи также могло быть различным. С одной стороны, в розенкрейцерских и других ложах, где все братья тщательно отбирались, число масонов было по традиции невелико. К примеру, собрания членов Теоретического градуса насчитывали всего девять человек. С другой стороны, весной 1784 года в Петербурге на траурное собрание ложи по смерти одного из братьев пришли почти три сотни членов Урании и гостей из других мастерских. По иным особым случаям ложу посещало от 120 до 250 членов. В основном же общества насчитывали от 12 до 50 братьев, если не считать гостей, которые часто присутствовали на заседаниях¹⁶. Число братьев редко оставалось постоянным в течение долгого времени: почти все масоны были чиновниками и потому часто переезжали с одного места службы на другое.

МАСОНЫ

Русское масонство принято считать почти исключительно дворянским движением. Однако недавние исследования заставляют пересмотреть эту точку зрения. Три тысячи российских масонов родились в самых разных семьях и имели самый разный образ жизни и социальный статус¹⁷. Масонские ложи были открыты для всех сословий российского общества, хотя число дворян среди масонов действительно превышало количество каменщиков из других социальных слоев.

Приблизительно 1100 масонов — представители офицерского корпуса армии и флота или гражданские чиновники¹⁸. Эта часть масонства почти поровну делится на гражданских и военных с незначительным перевесом в пользу последних (впрочем, точное соотношение определить нельзя, поскольку любой представитель обеих групп всегда имел возможность перейти от одного вида службы к другому). Основная их масса имеет дворянское происхождение. Однако даже эта довольно цельная группа обнаруживает известную степень неоднородности.

С одной стороны, в нее входят представители самых знатных российских семей — Голицыных, Нарышкиных, Салтыковых, Трубецких, Воронцовых, — занимавшие высшие посты в армии, государственном аппарате, при дворе и являвшие собой высший слой

того, что историки обычно называют «правлящим классом»¹⁹. Действующими масонами были более 50 отпрысков знатных фамилий — таких, например, как братья Н.И. и П.И. Панины, И.Г. и З.Г. Чернышевы, К.Г. Разумовский и князь А.Б. Куракин²⁰. Почти 60 масонов (из этих и чуть менее известных фамилий) имели чин не ниже третьего класса и представляли политическую и социальную элиту империи²¹. С другой стороны, к этой же группе принадлежали люди совсем иного социального статуса: например, Э.Ф. Гроот, бухгалтер Рижского городского суда, или Ф.Л. Занде, немец по происхождению, служивший в 1777 году лесничим в императорской усадьбе Измайлово под Москвой; всего таких масонов насчитывалось около трехсот, и их число иногда превышало количество представителей элиты. Однако большинство масонов из офицеров и чиновников располагались между этими двумя полюсами и имели средние и низшие чины. Из 800 масонов, имевших чины по Табели о рангах, более 750 были ниже третьего класса; большинство из них (около 460) служили в чинах от четвертого до восьмого класса; именно они были «политическим костяком» правящего сословия. Таким образом, государственный аппарат состоял из масонов, а масонские ложи — из чиновников царской администрации²². Степень взаимопроникновения бюрократии и масонства становится еще более впечатляющей, если вспомнить, что деятели медицины, образования и искусства также состояли на государственной службе²³.

Вторая по численности социальная прослойка внутри русского масонства — купечество (около 300 братьев). К ней примыкают масоны так называемых «свободных профессий» (банкиры, юристы, промышленники, владельцы питейных заведений); вместе с первой группой они составляют около трех четвертей от числа всех масонов, вообще имевших определенную сферу деятельности²⁴. Последняя четверть состоит из представителей широкого круга профессий и социальных слоев. В области просвещения — учителя, профессора, студенты, писатели, библиотекари, издатели и даже один геометр; в области искусств — граверы, скульпторы, архитекторы, актеры, композиторы, музыканты и суфлеры; в медицине — врачи, в том числе хирурги и дантисты, фармацевты; в сфере церкви — протестантские и православные священники. Масонами также были и ремесленники: кожевники, портные, красильщики, ювелиры, кузнецы и часовщики, а также садовники, повара, камердинеры и мелкая прислуга. В ложах состояли даже

отпущенные на волю крепостные: Иван Роди(м)онов сразу после получения свободы был посвящен в третью степень московской ложи Трех знамен, возглавляемой его бывшим хозяином П.А. Татищевым. В 1786 году крепостной А.С. Строганова А.Н. Воронихин, впоследствии выдающийся архитектор и художник, получил волю и вступил в петербургскую ложу Совершенного союза.

Представителей низших сословий привлекала в ложи прежде всего возможность знакомства и общения с более знатными и могущественными братьями. В эпоху, когда личные связи были едва ли не главным фактором карьерного роста, было вполне естественно, что многие вступали в орден ради установления близких отношений с теми, кто мог помочь в продвижении по службе или оказать другие услуги. Вопрос о том, какую роль масонство играло в механизме патронажа и как именно ложи участвовали в распределении власти, влияния и денег между придворными кланами, является сложным и мало разработанным. Д. Рансел обратил внимание на то, что многие протеже императорского советника и главы дипломатической службы Н.И. Панина были масонами. Среди них такие важные фигуры, как И.П. Елагин, генералы А.И. Бибииков, А.П. Мельгунов и Н.В. Репнин, князя Г.П. Гагарин и А.Б. Куракин (и его братья Алексей и Степан), граф А.И. Мусин-Пушкин и поэт И.Ф. Богданович, а также представители семейств Долгоруких и Апраксиных. Некоторые из них были связаны с Паниным и друг с другом семейными узами: князя Гагарин и Куракин были родственниками Панина, Репнин был женат на его племяннице, Наталье Куракиной — сестре Б.А. Куракина (отца братьев Куракиных), который сам ранее пользовался покровительством Панина²⁵.

Работы А. Серкова позволяют дополнить представление о связях русского масонства с панинской партией. Как и сам Панин, его «клиенты» старались окружить себя масонами. К примеру, среди тех, кому покровительствовал Репнин, в ордене состояли Ю.А. Нелединский-Мелецкий, И.А. Алексеев, И.И. Винтер, И.Н. Иванов, Е.В. Карнеев, П.П. Панкратьев и граф Л.К. Разумовский. В 1776 году Репнин часто посещал ложу Девяти муз, основанную другим протеже Панина, И.П. Елагиным.

Будучи директором императорских театров и личным секретарем императрицы, Елагин старался соединить роли придворного, литератора и масона, чтобы создать свою сеть протеже и «клиентов», связанную с панинской партией. Братьями его ложи Девяти муз были, помимо Репнина, драматург В.И. Лукин, актеры Г.Г. Волков

(брат Ф.Г. Волкова, «отца» русского театра), П. Уманов, А. Попов, П. Кожевников и Н. Михайлов, Ф.П. Боголюбов, секретарь императорского театра, И.С. Захаров, изначально служивший при Елагине переписчиком, итальянец Франческо Градицци, архитектор и декоратор театра, композитор Алессио Прати, придворные музыканты Энрико Филипет, Джованни Ритто и Джузеппе Шиаццо и, наконец, зять Елагина Н.И. Бутурлин²⁶. В начале 1773 года 15 членов этой мастерской учредили новую ложу Урании, состоявшую под надзором ложи Девяти муз; Великим мастером Урании был избран Лукин, «правая рука Елагина»²⁷. Последний посетил в том же году заседание Урании, на котором Лукин предложил ему почетное членство в ложе²⁸.

Однако, хотя тесная связь масонства с деятельностью панинской партии хорошо известна, не стоит переоценивать ее значение. Во-первых, масонство представляло собой явление более широкое, чем система покровительства, и могло переступать через личные привязанности или игнорировать принадлежность братьев к разным придворным кланам. Например, в ложу Девяти муз входил вместе с Паниным его «давний враг» З.Г. Чернышев²⁹. Во-вторых, Панин не был единственным вельможей, протезировавшим масонов. Тот же граф Чернышев, в 1782—1784 годах генерал-губернатор Москвы, покровительствовал московским вольным каменщикам и некоторых из них взял к себе на службу (среди них И.П. Тургенев и кн. Н.Н. Шаховской). Масонами были и семейный врач Чернышевых Иоганн фон Кельхен, уроженец Риги, и оба управляющих имениями: С.И. Гамалея и И.М. Стражев, бывший крепостной, посещавший ранее могилевскую ложу Геркулеса в Колыбели.

Широкому социальному диапазону русского масонства соответствовало и национальное разнообразие его состава. В ложах можно было найти выходцев из самых разных мест Европы: Англии, Шотландии, Франции, Испании, Дании, Швеции, Голландии, Австрии, Германии, Италии, Венгрии, Греции и Армении. Если не считать русских, самой большой по численности этнической группой в русском масонстве были немцы (преимущественно прибалтийские) и вслед за ними поляки. Большинство среди русских и поляков в ложах составляли дворяне, среди немцев и англичан — представители среднего сословия. Заседания лож могли проводиться на разных языках — русском, английском, немецком, французском и даже итальянском, — что отражает космополитическую природу масонства. Некоторые ложи ограничивались одним офи-

циальным языком, однако собрания со смешанным этническим составом часто использовали несколько языков. К примеру, в Урании сначала говорили только на русском языке, но в 1775 году, два года спустя после основания ложи, к нему был добавлен немецкий; в 1780-е годы, когда число русских братьев стало уменьшаться, русский был заменен на английский. Напротив, в рижской ложе Малого света на первых заседаниях зимой 1790 года братья использовали только немецкий (как и делалось обычно в прибалтийских ложах), но уже с осени того же года начали говорить и по-русски³⁰.

К этническим различиям прибавлялись и конфессиональные. Подавляющее большинство масонов принадлежали к трем христианским конфессиям: православию, лютеранству и католицизму, однако среди вольных каменщиков были и иудеи. 16 августа 1788 года в Уранию были приняты два еврейских купца: Исаак Левин из Потсдама и Моисей Оппенгейм из Кенигсберга. Благодаря крупным денежным пожертвованиям оба быстро продвигались по масонской иерархической лестнице: уже к концу месяца Левин был посвящен в пятую масонскую степень, а Оппенгейм — в третью³¹.

Неоднородность масонского движения в России не всегда отражалась на составе той или иной конкретной ложи. Представители отдельных социальных групп часто принадлежали к определенной ложе. Так, литераторы и деятели искусств предпочитали вступать в ложу Девяти муз, а гвардейские офицеры — в ложу Беллоны. Московский Союз иностранцев состоял почти исключительно из французских эмигрантов. В ложах, почти целиком собранных из иностранцев (ложу Святой Екатерины в Архангельске, например), число купцов, как правило, превышало количество офицеров и чиновников. В прибалтийских ложах преобладала местная знать, в Москве одна только Шотландская ложа состояла более чем наполовину из князей. По некоторым данным, большая группа рабочих, выписанных архитектором Камероном в 1780-х годах из Шотландии для постройки летней резиденции императрицы в Царском Селе, учредила Императорскую шотландскую ложу. Если ее собрания действительно проводились, это был уникальный случай для масонства XVIII века — ложа, состоявшая из настоящих каменщиков³².

Так или иначе, различия масонов между собой по преимуществу были связаны с неоднородностью их происхождения и социального статуса, что не ускользало от внимания и самих братьев — как замечал ритор ложи Трех знамен, «орден имел в своем составе множество членов всех сословий»³³. Г. Рейнбек, немецкий путеше-

ственник, посетивший Москву и Петербург в начале XIX века, с нескрываемым презрением к России описывал положение дел в русских ложах: «Масонство было очень распространено, велось с большой ревностью... Конечно, только от некоторых лож обнаружались благотворительные плоды их работ, а в остальных дух истинного масонства большей частью искажился ... собственная цель общества мало принималась в соображение... Принятия новых членов производились ... не принимая в соображение ни выбора людей, ни какой-либо другой цели, кроме получения взносов... Но это распространение масонства ... неоспоримо имело то выгодное влияние на гражданское общество, что оно сближало между собою сословия... Наконец, дело дошло до такой крайности, что императрица не один раз видела себя почти покинутой, и когда она спрашивала, где тот или другой даже из обязанных присутствовать лиц, она получала в ответ: “в ложе”»³⁴. Примером социального разнообразия в масонской среде могла служить московская ложа Астрея (1783), в которую входили офицеры, чиновники, землемеры, купцы, врач, переводчик, студент, счетовод и профессор. Среди офицеров здесь были бригадиры (5-й класс), один унтер-лейтенант (13-й класс) и два сержанта; чиновники присутствовали в диапазоне от надворного советника (7-й класс) до младшего служащего Сената³⁵. Упомянутую выше ложу Геркулеса в Колыбели, помимо вольноотпущенника Стражева, посещали А.И. Веревкин, директор экономики в Могилевском наместничестве (6-й класс), В.И. Полянский, местный чиновник 7-го класса, обучавшийся когда-то в Европе и даже успевший познакомиться с Вольтером, и И.Г. Шварц, основатель ложи и домашний учитель в семье А.М. Рахманова, также масона и председателя Могилевской уголовной палаты³⁶.

Как правило, доступа в орден не имели женщины, составлявшие, вообще говоря, довольно значительную часть общества. По масонским представлениям, они могли только отвлекать мужчин от духовных помыслов. Однако, несмотря на запрет, в Европе были дамы, принимавшие участие в деятельности братства; тогда это явление получило имя *maçonnerie des dames* или *maçonnerie des femmes*, теперь же обыкновенно говорят о так называемых «адоптивных ложах». Они появились во Франции в 1740-е годы и там же снискали наибольшую популярность. В 1774 году Великий Восток Франции официально признал *maçonnerie des femmes*, а к революции адоптивные ложи были открыты не только во всех крупных центрах, но и во многих мелких городах страны. Особенным успе-

хом они пользовались у аристократок и представительниц крупной буржуазии, хотя привлекали и дам более скромного состояния: например, актрис Comédie Française в Гааге, посещавших местную Loge de Juste. По мнению Дж. Берк, ведущего специалиста по истории *maçonnerie des femmes*, именно в адоптивных ложах дамы высшего света могли усваивать основные понятия Просвещения: «братства», «добродетели», а также в меньшей степени «равенства» и «свободы», которые во многом определяли форму их личного и общественного поведения. Стоит также отметить, что, несмотря на название, *maçonnerie des femmes* включало участников обоих полов, поскольку женщинам-масонам без надзора мужчин встречаться не дозволялось.

Тем не менее во второй половине века происходит расцвет женского масонства, высшая степень которого получает название *Amazonnerie Anglaise* (Сообщество английских амазонок) или *Ordre des Amazonnes* (Орден амазонок). Дамы, принадлежавшие к этой степени, не только стали отправлять собственные обряды и проводить собственные заседания в частичной независимости от мужей, но и начали высказывать сомнения в справедливости превосходства мужчины над женщиной. Как пишут Дж. Берк и М. Джейкоб, английские «амазонки» доходили в своих рассуждениях до того, что призывали женщин «признать несправедливость мужчин, сбросить с себя мужское иго, доминировать в браке и сравняться с мужчинами в богатстве». *Ordre des Amazonnes* был, разумеется, вполне маргинальным участком масонского движения; однако, если взглянуть сразу на все женское крыло ордена (вместе со всем *maçonnerie des femmes*), приходится оспорить существующие ныне представления о подспудном женоненавистничестве ордена и его месте в общем заговоре «мужского» Просвещения против свободной деятельности женщин в публичной сфере. Исследование Берк и Джейкоб демонстрирует принципиально иную картину: масонство не только не имело целью подвергнуть всех женщин проклятию, но, напротив, ставило своей целью их социальное и интеллектуальное развитие. Сотни европейских женщин приобщались к Просвещению в адоптивных ложах, «где впервые формулировалось то, что с полным правом можно назвать началом феминизма»³⁷.

Впрочем, женское масонство, будучи изначально весьма спорным институтом, мало распространялось за пределами Франции. По сведениям А.И. Серкова, в Российской империи действовало всего три адоптивные ложи: ложа Трех коронованных сердец, ос-

нованная весной 1799 года в Митаве, ложа Совершенной верности, работавшая с 1780 года в Вильне, и житомирская ложа Рассеянного мрака (1786). Ложа Совершенной верности, возглавляемая графиней Пржездецкой (урожденной Радзивилл), была составлена преимущественно из виленских аристократок и прочными узами связана с «мужской» ложей Совершенного соединения (согласия), некоторые члены которой входили и в ложу Совершенной верности. Учреждение ложи Трех коронованных сердец явилось следствием визита в Митаву известного авантюриста Калиостро. Основатель собственной «египетской» системы масонства, допускавшей в ложах участие вольных каменщиков обоего пола (он даже объявил свою жену Лоренцу Великим мастером), Калиостро создал ложу в Митаве для исполнения более амбициозного плана. Он намеревался заслужить доверие местных высокопоставленных братьев и сестер и с их помощью добиться открытия под своим началом адоптивной ложи в Петербурге, в рядах которой он мечтал увидеть саму императрицу Екатерину II³⁸. Одним из первых знакомцев Калиостро в столице стал прибалтийский барон Карл-Генрих Гейкинг, полковник на русской службе и масон. Командированный в Варшаву вскоре после приезда Калиостро, Гейкинг быстро проник во все масонские дела города и стал одним из учредителей адоптивной ложи, имевшей собственные церемонии, знаки отличия и степени и носившей имя Гипатии (ок. 370—415), убитой христианами в Александрии женщины-философа, математика и астронома, сторонницы неоплатонического учения. По словам Гейкинга, ложа состояла из «дам высшего общества и выдающейся любезности» и пользовалась большим успехом³⁹.

Есть и еще одно свидетельство существования женского масонства в России. Во введении к своему известному труду «Доказательства заговора против всех религий и правительств Европы...», впервые опубликованному в Эдинбурге в 1797 году, Дж. Робайсон описывает встречи с российскими масонами в начале 1770-х годов и, в частности, упоминает следующее: «Мое масонское звание позволило мне получить самое изысканное удовольствие от посещения женской *Loge de la Fidelité*, где каждая церемония проникнута высшей степенью изящества, во всем видно внимательное уважение к прекрасным сестрицам, которые напевают старинную песню о братской любви с самой утонченной чувствительностью. Я не думаю, что парижское масонство 45 степеней может доставить мне такое наслаждение. Я столь многого успел достигнуть в ней, что

удостоился чести назначения братом-ритором»⁴⁰. Если *Loge de la Fidelité* действительно существовала, то, скорее всего, она состояла при английской ложе Совершенного союза, которую посещал в Петербурге Робайсон. Однако, к сожалению, никаких подтверждений словам Робайсона мы не имеем.

МАСОНСКИЕ ПРАКТИКИ

В большинстве лож масоны встречались два или три раза в месяц⁴¹. Типы собраний (они также именовались «ложами») варьировались в зависимости от их назначения. Чаще всего собирались ложи принятия, на которых либо новые братья посвящались в масонский орден, либо старые — в новую степень. Такие ложи получали название по той степени, в которую принимался новый брат: для новичков собиралась ученическая ложа, для перешедших во вторую степень — товарищеская и так далее. Различные дела общества обсуждались братьями в ложе совета. Ежедневные вопросы решались в рамках ученической ложи совета, открытой для всех независимо от степени, а для решения серьезных проблем собиралась ложа, состоявшая только из братьев, посвященных в степень мастера⁴². В поучительных ложах масоны получали сведения по истории ордена, учили значения разнообразных ритуалов и символов или слушали наставительные речи⁴³. В траурных ложах произносились восхваления в честь умершего брата; по масонским законам они собирались трижды: две — в месяц кончины оплакиваемого масона и третья — в течение следующего месяца⁴⁴.

Часто ложи (особенно ложи принятия) заканчивались обедом: братья вкушали богатую трапезу, пели масонские песни, иногда слушали короткую назидательную речь и — самое главное — «стреляли в пушки», то есть поднимали тосты и пили, стараясь соблюсти известную долю умеренности⁴⁵. Одно заседание часто включало в себя сразу несколько лож. К примеру, 26 апреля 1774 года заседание Урании было открыто мастерской ложей, в которой два брата товарищеской степени были посвящены в степень мастера, а затем продолжилось ученической ложей совета, куда были приглашены масоны ученической и товарищеской степеней⁴⁶. Помимо регулярных заседаний, братья также встречались по особым случаям. Наиболее заметным из них было празднование дня Иоанна Крестителя 24 июня, когда масоны проводили целый день в

исполнении специальных ритуалов и церемоний в честь покровителя ордена: сначала церковная служба, затем речи, чтение стихов, короткая прогулка по близлежащему парку или лесу и, наконец, роскошный обед⁴⁷.

Заседания назначались, как правило, на 5 или 6 часов вечера, в зависимости от времени года (летом — в более поздний час, зимой — в более ранний). Вначале исполнялся краткий вступительный обряд, потом оглашались общие законоположения ордена и протоколы предыдущего собрания. После этого переходили к повестке дня — инициации нового брата, поучительным речам, объяснению масонских иероглифов, решению разного рода мирских вопросов — о том, например, где взять деньги на украшение ложи и не купить ли за 50 руб. виолончель у одного из братьев, чтобы избавить другого, обыкновенно услаждавшего слух братьев во время трапез, от необходимости возить массивный инструмент на каждое заседание (действительный случай из истории ложи Урании)⁴⁸. Затем братья вносили свои пожертвования в общую кассу ложи; доходы тут же подсчитывались, а сумма аккуратно заносилась в протокол. Заканчивались заседания краткой молитвой и церемонией закрытия, после которой братья могли или уехать восвояси, или остаться на обед.

Управление ложей, как правило, осуществлялось семьей избранными братьями, занимавшими важнейшие масонские должности. На вершине иерархической лестницы стоял Мастер, или Великий мастер, наделенный максимальными полномочиями и председательствовавший на каждом собрании ложи. Первый и второй Великие надзиратели помогали ему в поддержании порядка и проведении различных ритуалов и церемоний. Втроем они составляли ядро ложи: в их отсутствие она не могла собираться⁴⁹. В обязанности секретаря входило ведение переписки, чтение вслух масонских уставов и правил перед заседаниями, а также речей по особым случаям и, главное, подробное и точное протоколирование всего, что происходило в ложе. Основной деятельностью ратора была подготовка кандидатов к вступлению в орден или следующие степени. Он должен был детально расспросить новичка о причинах, по которым он стремится быть посвященным в братство, и проверить его знание и понимание масонства. Наконец, любая ложа имела своего казначейщика, ведавшего финансовыми делами, и обрядоначальника, определявшего ход и форму каждого конкретного мероприятия⁵⁰.

Кроме того, в большинстве лож было еще несколько братьев, выбранных для исполнения иных — менее важных — должностей. Так, вход в ложу охранял страж, допускавший только масонов с соответствующим удостоверением и приглашенных посетителей. Стол к обеду сервировали братья-служители. В кронштадтской ложе Нептуна среди служителей были еще и три музыканта, услаждавшие слух братьев во время обеда, церемонии инициации и так далее. Также были собиратели милостыни, принимавшие взносы братьев в кассу ложи⁵¹.

* * *

У каждой ложи был собственный набор уставов и положений — без этого она не могла быть официально признана остальными масонскими мастерскими. В новую ложу такие документы обычно доставлялись из какой-нибудь старой и авторитетной; это были не только общие законы и правила масонства, но и подробнейшие инструкции по проведению всевозможных обрядов и церемоний, которые затем определяли всю дальнейшую деятельность мастерской. Около 1780 года братья казанской ложи Восходящего солнца получили из московской Провинциальной ложи собрание уставов в четырех голубых книжках, скрепленных ярко-красной гербовой печатью московской ложи. Этот крупнейший из сохранившихся свод официальных документов русского масонства XVIII века содержит в себе тексты пятидесяти двух Общих законов и является ценнейшим источником для изучения русского масонства⁵².

Законы, разумеется, были неоднородны: от самых общих — вроде предписаний любить масонов всего мира — до вполне конкретных предметов: как и где носить тот или иной масонский знак. Немалая часть уставов посвящена регулированию финансовых дел: ложи обеспечивали себя сами и потому вынуждены были постоянно заботиться о новых поступлениях в кассу. Из-за этого был введен вступительный взнос в 15 руб., не распространявшийся, впрочем, на некоторых достойных, но несостоятельных кандидатов. Также масонам вменялось в обязанность давать по 50 коп. каждому брату-служителю, а хорошо обеспеченным новичкам приходилось делать дополнительные вклады в кассу ложи. Те же правила действовали и в случае посвящения масона в следующую степень: товарищеская обходилась брату в 15 руб., а мастерская — вдвое дороже⁵³.

Помимо добровольных пожертвований в казну, братья ежемесячно вносили плату в счет текущих расходов ложи, а те, кто участвовал в особых мероприятиях, заранее оплачивали свою долю⁵⁴.

Еще одна весомая часть Общих законов регламентировала поведение масона во время заседания ложи. Прежде всего брат должен держаться спокойно и прилично. Так, в §8 запрещается «разхаживание, хлопанье дверьми и громкий разговор», а § 19 указывает, что «во время принятия, благотворения, или другой какой либо работы» братья не должны покидать ложу или даже «переменять свое место» без особого разрешения. Вообще за работой (как именовали свою деятельность сами масоны) не допускались не только разговоры (даже шепотом), но и «всякая неблагопристойность, словами или делом, какого бы то рода ни было». Если же брат являлся на собрание ложи пьяным или приходил в это состояние во время обеда, товарищи должны были проводить его до дома, убедившись в том, что «никто из посторонних сего порока в нем не приметил». Кроме того, масон не мог себе позволить «грубых шуток, невежливости, хохотанье, и насмешки над братом или над каким нибудь непросвещенным»; также строго запрещалось «браниться а кольми паче драться в ложе». А братъ слово в ходе заседания или, тем более, вмешиваться в речь своего товарища можно было лишь с разрешения одного из Надзирателей.

Общие законы не только не допускали ссор и разногласий между братьями, но и всячески поощряли в масонах чувство общности и взаимного уважения. Войдя в ложу, масоны, разделенные в мирской жизни социальными барьерами, должны были стать частью настоящего братства — поэтому и слово «брат» было единственным возможным обращением к любому из членов ордена. Суровые взыскания предусматривались для того, чьи слова о другом брате могли бы вызвать «гнев, ненависть, недружбу, спор или ссору»⁵⁵.

В Законах жестко регламентировалось не только внешнее поведение масонов в ложе, но и темы их разговоров. Так, каждому, «кто [бы] он ни был», запрещалось обсуждать проблемы религии, а также «законных и государственных дел и распрей». Строгое наказание ожидало масона за употребление имени Господа всуе и произнесение «диавольскаго имени». То же относилось и ко всем «колким выражениям»⁵⁶.

Действие Общих законов вовсе не ограничивалось пределами ложи; они содержали также ряд положений, касающихся жизни

масона вне ордена: «Всякой брат обязан вести жизнь святую и непорочную в чистоте души и тела, и стараться во всю свою жизнь и во всех своих делах оказывать благопристойность и справедливость: он должен быть милосерд к своему ближнему, а особливо к братьям; доволен малым и необходимым; спасти души братии от всяких поставляемых им сетей, печалей и сокрушений. Благородное спокойство есть особливо тот предмет, к которому всякой каменщик стремится; он старается владычествовать над своими чувственными и душевными, или умственными страстями... Во всех своих делах, мыслях и чувствованиях должен он стараться быть светилом пред человеками, и собою посрамлять и устыжать всякой порок»⁵⁷. Другими словами, масон всюду должен был являть собой «пример кротости, смирения и целомудрия»⁵⁸.

Для поддержания такого строгого порядка требовалась хорошо отлаженная система взысканий. В первую очередь, нарушения уставов карались денежными штрафами, сумма которых зависела от тяжести содеянного. За легкие проступки (к примеру, если брат забыл взять с собой пропуск или какой-нибудь масонский символ) налагался штраф в 5 коп., более серьезные «преступления» обходились дороже: разговоры в неположенное время — 10 коп., беспричинное отсутствие масона на заседании — 15 коп., наконец, публичная брань — 1 рубль. Если в результате своей «невоздержанности» брат напивался допьяна во время обеда, он должен был заплатить 5 руб. в первый раз и вдвое больше в случае рецидива. Теми же 5 рублями карались разговоры на запрещенные темы. Самый крупный штраф (25 руб.) полагался за разглашение тайны масонских собраний «какому нибудь неистинному брату или совсем непросвященному». Деньги с нарушителей взымали и сдавали в кассу ложи «брата сборщики». Если провинившийся отказывался платить, штраф увеличивался вдвое. Любые разногласия между оштрафованным братом и сборщиками устраняли Надзиратели; если их посредничество было неудачным, дело передавалось Мастеру, который имел право либо вынести его на суд всей ложи, либо принять окончательное решение единолично⁵⁹.

За более серьезные проступки масонов ждало наказание в виде временного или постоянного исключения из ложи. На три месяца отлучались от ордена те, кто за мзду помогали непосвященным обрести членство в ложе или более высокую степень. Тем же сроком карались ослушники, не желавшие подчиняться решениям Мастера или Надзирателей. Наконец, постоянное исключение гро-

зило братьям, позволившим себе «грубость» по отношению к Мастеру. Вообще, законы многое оставляли на усмотрение высших иерархов ложи. Так, сообщения о серьезных нарушениях устава, например систематическом пьянстве брата или приглашении им в ложу непосвященного, как правило, передавались непосредственно обладателям высших должностей по данной масонской системе, которые и принимали решения о наказании отступника⁶⁰.

Судя по всему, несмотря на настойчивое внедрение Общих законов в умы братьев, сами масоны исполняли их не всегда. Так, для строгого исполнения уставов, касавшихся поведения каменщика вне ложи, потребовалось запустить механизм взаимного надзора брата за братом: «Каждый брат, увидев в поступках другого брата, в ложе ли то или в не оной, какую либо неблагопристойность, могущую и ему и братству учинить стыд или соблазн, обязан тот час, для его же спасения и оказания верности своея к братству, донести Великому Мастеру и надзирателям своей ложи; к сему наипаче обязаны собиратели милостыни и все офицеры яко долженствующие непрестанно бдеть над поступками братии, как в ложе так и в не оной»⁶¹. Братья, заметившие за своими товарищами какие-либо проступки, должны были осторожно известить об этом Мастера или Надзирателей и затем ждать их решения «терпеливо в глубокой тишине»⁶².

Насколько точно исполнялись масонские законы в ложе Восходящего солнца, неизвестно: протоколы ее заседаний не сохранились. Однако мы располагаем подобными документами из других лож, например петербургской Урании, где действительно описаны многочисленные случаи наказаний братьев за неподобающее поведение. Так, по рекомендации Мастера ложи В.И. Лукина на собрании 21 декабря 1773 года брату Степану было запрещено участвовать в следующем обеде и предписано «за его пьянство и безобразной поступок», на ближайшем заседании Великой провинциальной ложи «стоять на коленях у двери», пока остальные братья будут трапезничать. Почти двадцать лет спустя, в ноябре 1790 года, четыре брата были исключены из ложи на несколько месяцев за учиненные ими беспорядки. Некоторым приходилось еще хуже. Брат-служитель Шмидт в 1788 году был удален из ложи после постоянных жалоб братьев на его поведение, а Казнохранитель ложи, некий Мелле, вообще был изгнан из ордена за воровство из общей кассы; о его «дурном поступке» сообщили в Великую провинциальную ложу и все близлежащие мастерские, а его

бывшим товарищам было приказано не вести с ним разговоры о масонстве. Изгнанию подвергались даже братья, приглашенные в ложу Урании из других собраний: после того как некий Николай Поморский «как в продолжение столовых работ, так и по окончании оных учинил столь много непристойного, что и упоминать о том неприятно», ему был запрещен доступ в ложу. Руководство Урании посчитало это решение, принятое мастерской ложей, настолько важным, что настояло на его оглашении перед следующим заседанием⁶³.

Такой же жесткий контроль осуществлялся и в других ложах. В декабре 1788 года в письме к провинциальному Великому мастеру И.П. Елагину некий доброжелатель сообщал о скверном поведении и опасных разговорах двух членов новообразованной ревельской ложи Надежды невинности бессмертной. В 1790 году ложа Малого света в Риге вынесла замечания по крайней мере двум братьям, повинным в злоупотреблении спиртным и пренебрежении своими обязанностями. Три года спустя из ложи Молчаливости (Молчания, Скромности) были исключены девять масонов: восемь — за долги и еще один — за неподобающие речи. В списке членов ложи Астрея за 1783 год напротив имени Е.Б. Сырейщикова, профессора и масона мастерской степени, можно найти пометку: «исключен до исправления в поведении»⁶⁴. Известен также по крайней мере один случай, когда рядовые братья пытались взять в свои руки контроль над руководством ложи. Не дождавшись ответа на письмо с жалобами на несоблюдение приличий за обедом и пропуски в чтении масонских законов на заседаниях, четыре масона ложи Конкордии продолжали настаивать на исполнении своих требований, за что и были обвинены в дурном поведении и немедленно исключены из ложи⁶⁵.

Самым тяжким среди всех этих преступлений стоит признать выходку И.Г. Шварца, известного московского масона и профессора университета. Во время праздника в Кунцево он вдруг вышел из себя и в припадке ярости проткнул шпагой одного из братьев. Его товарищи сумели быстро утихомирить Шварца и спасли тем самым жизнь его жертве, однако буян не понес за свой проступок никакого наказания. Можно предполагать, таким образом, что и масонские законы не для всех действовали одинаково⁶⁶.

«ОБРАБОТКА ДИКОГО КАМНЯ»

Как известно, масоны не только осознавали свою деятельность как путь к самосовершенствованию, но и полагали ее исключительно важной для всего общества, ибо свою прямую задачу они видели в формировании нового человека. Главная цель ордена — «исправлять самих себя» — подразумевала: каждый брат должен сделаться «полезным сочеловеком» и являть собою «пример благочестия и добродетели»⁶⁷. Эта последняя, определявшаяся как «способность, или преклонность души поступать согласно с законом естественным и правилами веры, которые обязывают человека исполнять должности как в отношении к Богу, так и самому себе и ближнему»⁶⁸, достигалась нравоучением, которое, как показывает У. Гарет Джонс, во второй половине XVIII века скорее было связано с английским концептом «morals» (мораль), а не с более расплывчатым французским «mœurs» (нравы)⁶⁹. «Словарь Академии Российской» так определял слово «нрав»: «1) Природная или приобретенная наклонность, расположение к чему-нибудь доброму или порочному... 2) Обыкновение, обычай, введенный употреблением в каком-нибудь народе; образ, поступок [sic], принятый каким-либо народом»⁷⁰. Нравы, таким образом, толковались и как результат врожденных наклонностей, и как сумма благоприобретенных привычек. В этом втором значении корень «нрав» дан в понятии «нравоучение» — приведем дефиницию из того же словаря: «часть любомудрия, содержащая в себе наставления, правила, руководствующие к добродетельной жизни, к обузданию страстей и к выполнению обязанностей и должностей человека»⁷¹.

По масонским представлениям, «путь добродетели» лежит через нравоучения, осуществляемые орденом⁷². Ложа для масонов — «училище, преподающее истинные правила, которым следуя человек достигает до познания натуры, себя и Бога». Исполняя эти «спасительные правила», человек неминуемо должен прийти к добродетели и счастью⁷³. Как демонстрирует выдержка из обряда посвящения в мастерскую степень, масонам никогда не давали забыть об этом пути: «Возчувствовав свое несовершенство и слабости, вы вступили в наше общество, с намерением исправить себя и сделаться совершеннее. С первого шагу вступления вашего, вам старались впечатлевать правила истинной добродетели, проникая к сердцу вашему всеми путями, какия открыты человеку»⁷⁴.

«Правила истинной добродетели» братья могли найти в нескольких масонских документах, самыми известными из которых были «Устав, или правила свободных каменщиков» и «Истолкование устава, или правил, и Общие законы свободных каменщиков»⁷⁵. Оба текста содержат девять особых правил — нравственных обязательств масона. Первое из них — долг перед Богом и религией как основой жизни: масон должен «исполнять все нравственные должности» по Божьему закону и быть примером «просвещенного благочестия без лицемерия и лжесвятости, или фанатизма»⁷⁶. Следующее правило говорит об обязательствах масона перед его земным государем и родиной: «Чти правителей государства. Люби отечество. Исполняй со всякою точностию все обязанности доброго гражданина»⁷⁷. Последние трактуются в «Истолковании...» и более предметно — как обязательство быть «храбрейшим воином, правосудейшим судьей, кротчайшим господином, вернейшим слугою, нежнейшим отцем, постояннейшим мужем, преданнейшим сыном»⁷⁸.

Кроме Бога и отечества масон служит человечеству в целом и своему ближнему в частности. Уважения и любви достоин каждый, ибо, по каменщическому учению, все произошло от единого божественного источника. Масон должен осуществлять «деятельное, умное и повсеместное благотворение», быть «ласковым и услужливым», свободным от «скупости и тщеславия», чтобы заечь в окружающих «огнь добродетели»⁷⁹. Особым образом подчеркивается в правилах долг каждого каменщика перед своими братьями и орденом. Узы братства должны вытеснить конфессиональную, национальную и социальную общность; при необходимости масон обязан пожертвовать жизнью ради своего товарища. Вступив в ложу, масон принимает все эти «нравственные обязательства» и полностью подчиняет себя братству: «Воля твоя в ордене покорена воле законов и высших»⁸⁰.

Краеугольным камнем законов было представление о необходимости постоянного морального совершенствования, достигаемого, по масонскому учению, путем самопознания: «Входи часто в сердце твое, испытай сокровеннейшия в них силы. Познание самого себя есть основание каменщических правил. Душа твоя есть дикий камень, который очистить должно. Принеси Богу в жертву исправленные и покоренные твои страсти»⁸¹. Как дикий необработанный камень имеет неровную поверхность и острые края, так и душа человека обезображена и покрыта рубцами необузданных

страстей и желаний. В своем естественном состоянии человек — беспомощное и потерянное создание, беззащитное перед пороками, которые управляют его мыслями и поступками и развращают душу.

Понимание человека как существа «со страстями рожденного и привыкшего к зло-прелестному владычеству их» должно было сразу передаваться новым членам братства. Уже на церемонии посвящения новичку предлагалось «отрящи мглу страстей», ибо они «затмевая внутренний свет, ведут ... к ослеплению»⁸². В ходе того же обряда на вопрос Великого мастера о важнейшем обязательстве масона Первый Надзиратель отвечал: «убегать пороков и успевать в добродетелях». Среди прочих пороков особым образом законы выделяли «гордость, корыстолюбие, неумеренность, подозрение и ненависть», а среди добродетелей — «скромность, благонравие, предосторожность и милосердие»⁸³.

После того как новообращенный масон узнавал о тяжком бремене своих страстей, порабощающих душу, его главной задачей становилось избавление от них. В ложе ему неустанно напоминали об этом. В одном масонском документе в списке обязанностей каждого масона фигурировала «любовь ко смерти страстей своих» — «единое средство освободиться из плену пороков»; для этого масон должен «наложить цепи на свои чувства, возбуждающие волнения страстей»⁸⁴. Когда Великий мастер во время посвящения вопрошал, зачем масон приходит в орден, Первый Надзиратель отвечал: «Побеждать свои страсти»⁸⁵. Также и самое обозначение «свободный каменщик» заключало в себе понятие о человеке, упорным трудом *освободившем* себя от страстей и пороков⁸⁶.

Одоление страстей достигалось путем постоянного наблюдения за собственной жизнью и беспощадного самоанализа. Один из русских масонов так объяснял этот процесс: необходимо «всемигновенно бдеть над всеми движениями мысли и сердца своего, разсматривать всякую свою склонность и всякое действие оной. Коль скоро целью их есть какое либо плотское удовольствие или умственная гордость; то не суть они истинны и не принадлежат к обету нашему»⁸⁷.

В помощь новичкам на стене каждой ложи вывешивался особый документ, содержащий 12 главных правил самоочищения. Приведем некоторые из них:

2. Испытывай в каждый вечер прожитый день.

4. Обращайся на истории жизни твоей. Что было хорошего и худого в моих родителях, первых учителях, юных друзьях, и в школах, в которых я вырос?.. Действительно ли имею ныне те хорошие свойства, которых основание положили во мне оныя обстоятельства, или в чем я стал хуже? Какие книги читал я наиболее; и какой вред они мне делали? Какие суть самые благородные, какие самые худые дела в жизни моей, которые могу упомнить?

6. Исследывай свою фантазию — воображай себя во всяком положении, и спрашивай, как бы я это снес? как бы при этом поступил?.. Какие люди мне не нравятся, которых однако ж почитаю добрыми, и какое участие в сем неудовольствии имеют пороки мои? — Каков я в гневе, в любви, в радости, при сценах несчастья, при обидах?⁸⁸

Написанный И.П. Тургеневым черновик исповеди, по-видимому предназначенной для прочтения в ложе, демонстрирует всю серьезность отношения масонов к самонаблюдениям:

Главный грех мой есть, в разсуждении тела, — невоздержанье, и любимая страсть моя есть сластолюбие или, лучше сказать, обжорство, ибо тонкого вкуса и в пище я не имею. От сей склонности к обжорству происходит и склонность моя к блудодеянию, и так сильна во мне, что я каждый день борюсь с нею. Не могу до такого ощущения дойти, чтобы воображение мое чисто было от сего скверного порока. Сию склонность причисляю и к скотской моей душе; от обжорства же, отягощающего желудок ... усиливается порок сложения моего [тучность. — Д.С.] и лень⁸⁹.

Описывая свои душевные пороки, Тургенев был не менее строг к себе:

Что касается до духовных моих страстей, то, кажется мне, главная в них есть гордость, являющая себя в приятности слушать похвалу людскую, а паче тех людей, коих я высоко почитаю. В виде заслуженных хвалы сей не знаю, чего б ни предпринял и ни исполнил я. В гордости духа моего усматривается малодушие. Сим именем называю я и потачку к жене и моим домашним... Признаюсь в сем пороке и в знак откровенности

моей не постыдился бы описать здесь в подробностях потачки мои, ей сделанные, кои сочтены мною и кои я, к стыду моему, все знаю... Итак: обжорство, леность — невоздержание; любление хвалы, потачки жене — малодушие, которое, понеже гордость велит скрывать оное, производит лицемерие... и притворство⁹⁰.

Система масонских символов, иероглифов и аллегорий служила средством внедрения этих правил. Все, что масон видел, читал или слышал в ложе, демонстрировало ему важность самосовершенствования. Так, уже на церемонии посвящения новый брат должен был выучить значения символов, изображенных на специальном ковре ученической степени⁹¹: солнце, луна и звезды напоминали, что ученик должен «бдети над своими действиями днем и ночью», а циркуль — что эти «действия» должны поверяться разумом. Далее, мастерок (или «лопатка») предназначался для «обработки дикого камня» — человеческого сердца, изборожденного рубцами «высокомерия, гнева, отчаяния, слабости и пороков». Каждый новый масон получал персональный мастерок; его носили на себе вместе с другими знаками. Дикий камень должен был стать неузнаваемым после масонской огранки — «очищенным, обсеченным... и сглаженным»⁹².

Поведение брата отражало его успехи в преодолении страстей и пороков: «да будут нравы твои непорочны и чисты, душа твоя права, пряма и смиренна»⁹³. По представлениям масонов, грубость неочищенной души воплощалась в неукротимом темпераменте и скверных манерах; напротив того, брат, уже прошедший *обработку дикого камня*, имел уравновешенный, спокойный характер и строго исполнял «все правила честности, правды и благопристойности»⁹⁴.

Эта корреляция объясняет степень серьезности и тщательности, с которой правила поведения масонов трактовались в Общих законах. Всякого рода отступления от приличий понимались как знак более общего недуга — необузданных страстей, недостаточной самодисциплины и развращенности. Масон же был обязан воплощать чистоту нравов и не имел права забывать об этом. Так, во время посвящения в мастерскую степень брата просили поставить ноги вместе, в форме прямоугольника; эта фигура символизировала «благонравное житие», а также «порядочную исправность и осторожность, требуемая от него при всех его поступках»⁹⁵.

Добронравие, образцом которого должен быть каждый каменщик, подразумевало не только скромность и кротость в обхождении, но и личную склонность брата к свершению благих дел и исполнению общественного долга. В октябре 1782 года С.И. Гамалея в своей речи «О добронравии», обращенной к братьям ложи Девкалиона (названной по имени сына Прометея, создавшего новую человеческую расу — лелегов), специально подчеркивал, что добронравие не в том только заключается, чтобы быть «ласковым, снисходительным, кротким, милосердным и услужливым», но и «не иное что есть, как добро нравящееся, добро любимое; ... добро только совершенно нравящееся, что притом зло уже не нравится... Таковому человеку всегда добро нравится, всегда он добро делать привык, т.е. он добр сделался, хорош, изуряден, полезен, совершен»⁹⁶.

Все эти добродетели: благопристойность в словах и делах, а также беззаветное служение Богу, государю, отечеству, ближнему и, главное, самому ордену — символически были заключены в важнейшем масонском обряде — присяге, всегда приносившейся на церемонии посвящения. Перед Богом и своими товарищами по ложе каждый новый масон клялся в верности церкви, государству и братству и обещал употребить все свои силы, чтобы перемениться к лучшему и стать «во всех ... деяниях предусмотрительным и мудрым, в действиях ... осторожным, в словах ... умеренным, в должностях ... праведным, в предприятиях ... чистым, в образе ... обхождения человеколюбимым, благородным, добросердечным и преисполненным любви ко всем человекам»⁹⁷.

Ложа мыслилась как школа для такого рода перемены — только в ней можно было получить знания, необходимые для духовного перерождения и зафиксированные в уставах и ритуалах. Если масон полностью и искренне подчинялся им, он обретал возможность вырваться из тюрьмы ослепляющих страстей и научиться жить в гармонии с законами природы и веры. Успехи брата в добродетелях должны были сказываться и на его мирской жизни; тем самым через единичные примеры можно было улучшить и нравственный климат общества в целом. Как замечал в одной из своих речей Г.Н. Нелединский, масон «должен и паче еще служить в обществе и пешись о благе временном и вечном ближняго своего ... требуется дабы мы очищая сердце и просвещая разум исправляли весь мир жизнью и делами своими, представляя в них пример благочестия и добродетели»⁹⁸.

* * *

Впрочем, формулы добродетелей и нравственности были свойственны отнюдь не только масонской риторике. Очевидно, например, что, когда князь Щербатов писал: «лутчая сила и лутчее блаженство государства основано есть на добрых нравах»⁹⁹, он апеллировал не к масонскому братству, а к единому мнению всего образованного общества.

Для рассмотрения широкого интеллектуального контекста, в котором действовало масонство, имеет смысл обратиться к знаменитому «Наказу» Екатерины II (1767). Из него хорошо видно, что политика в екатерининской России была, как пишет Д.М. Гриффитс, прежде всего «делом общественной морали»¹⁰⁰: важнейшее значение в документе приобретают понятия «добродетель» и «чистота нравов», которые трактуются как необходимые составляющие социальной стабильности и эффективного управления государством. В особом дополнении к «Наказу» «О благочинии, называемом инако Полициею» «целомудрие нравов» обозначается как второй по важности предмет «тщания» полиции — после «отправления службы Божией» и перед здоровьем народа¹⁰¹; также и один из четырех видов преступлений, наиболее серьезно угрожающих государству и обществу, определяется как «нарушение чистоты нравов»¹⁰². Вслед за многочисленными просветителями от Монтескье до Беккариа Екатерина призывает «не столько ... наказывать преступления, как предупреждать оные». Это положение имеет два следствия: во-первых, правительство должно приложить «более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями», а во-вторых, добродетель должна поощряться как своего рода гарантия от правонарушений. Первое из этих условий преподносилось в «Наказе» как «самое надежное, но и самое труднейшее средство» борьбы за исполнение законов. Государственная программа Екатерины, таким образом, зиждилась на воспитании в обществе добрых нравов¹⁰³.

Неудивительно поэтому, что система российского образования при Екатерине была сосредоточена преимущественно на нравственном развитии молодежи. Так, автор основного учебного пособия того времени — «О должностях человека и гражданина» — И.И. Бецкой, главный советник императрицы в этой области, начал свое сочинение главой об «образовании души», где подробно описывал пороки, которых должно избегать, и достоинства в по-

ведении, показывающие чистоту нравов и истинную добродетель человека (например, «любочестие», «спокойствие духа», «благопристойность», «праводушие») ¹⁰⁴. Также Бецкой подчеркивал, сколь важно оказывать друг другу помощь в исполнении долга перед Богом, ближним и самим собой. «Образование души» — то есть стремление к добродетели путем усвоения хороших манер и «добрых нравов» — считалось актуальным не только для детей: так, нравоучение преподавалось в Московском университете в числе трех основных философских дисциплин (вместе с метафизикой и логикой). От студентов требовались не только абстрактные познания в этой области — в 1770-е годы при поступлении в университет нужно было представить письменное подтверждение своего «хорошего поведения» ¹⁰⁵. Воспитанию морали много времени уделялось и в провинциях: например, Юлиус фон Канитц, директор казанской гимназии, на протяжении семи лет читал публичные лекции «для образования и удобрения нравов» ¹⁰⁶.

Интерес к моральному состоянию общества отражался и в появлении бесконечных «правил поведения». Мы можем найти их, к примеру, в тех же юридических текстах Екатерины. «Узаконения», которые, как мы помним из «Наказа», должны были «вселить добрые нравы», появились в 1782 году в виде «Устава благочиния, или полицейского», содержавшего «Правила добронравия» и «Правила обязательств общественных». Одиннадцать лаконично сформулированных положений в духе общей христианской морали, питавшей и масонские заповеди, наставляли подданных императрицы в том, как им обращаться с ближними, а также какими быть мужьями, женами, родителями и детьми. Душевные качества, которыми, согласно «Правилам», должны обладать государственные чиновники, также были похожи на те, что столь старательно воспитывались в ложах: «1) Здравый рассудок. 2) Добрая воля в отправлении порученного. 3) Человеколюбие. 4) Верность к службе Императорского Величества. 5) Усердие к общему добру. 6) Радение о должности. 7) Честность и бескорыстие» ¹⁰⁷.

Еще более показательны особые нормы поведения, действовавшие в конкретных обществах и даже домах. На частных вечерах в Зимнем дворце строго карались гости, нарушившие такие, например, установления: «Шляпы, трости, чины оставлять за дверьми; не иметь пасмурного вида; не горячиться и не спорить...» ¹⁰⁸. Посетителям имения князя А.Б. Куракина Надеждино в Саратовской губернии обязательно вручались отпечатанные типографским спосо-

бом правила этикета, которым они должны были следовать во время своего пребывания в усадьбе¹⁰⁹. Пристрастие к кодификации приличий и подражанию чужим манерам в России было так велико, что дало повод к пародиям: в 1792 году в журнале «Зритель» И.А. Крылов напечатал сатиру, состоявшую из семи правил, следуя которым молодой человек, независимо от своих настоящих качеств, в обществе всегда может произвести впечатление остроумного и образованного¹¹⁰.

Сведения о морали и манерах русский читатель получал из весьма популярной тогда нравоучительной литературы, появившейся в России еще в петровское время («Юности честное зерцало») и долго остававшейся по преимуществу переводной¹¹¹. В таких изданиях, как, например, «Карманная книжка честного человека, или Нужные правила во всяком месте и во всякое время» (СПб., 1794 [пер. Г. Бажанов]), «Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете» (1762) или «Должности честного человека» (1798), юношей учили быть скромными, честными и никогда не обманывать, сдерживать проявления чувств и страстей, дружить с добродетельными людьми и избегать лжецов; нравоучения снабжались историческими примерами, герои которых должны были стать образцами для молодежи, и, конечно, детальными правилами и инструкциями по поведению в свете¹¹². Кроме того, авторами обязательно подчеркивалось серьезное социальное значение индивидуального самосовершенствования: становясь «честным человеком» — надежным, прилежным и правдивым, читатель одновременно улучшает нравственный климат общества в целом¹¹³.

Ведущую роль в распространении нравоучительной литературы в России сыграло масонство. Прежде всего речь идет о журналах «Утренний свет» (1777—1780), «Московское ежемесячное издание» (1781) и «Вечерняя заря» (1782). Обыкновенно их именуют «масонскими», так как они издавались вольными каменщиками, однако скорее стоило бы рассматривать их содержание на фоне общего корпуса нравоучительных сочинений того времени. Так, редакторы «Утреннего света» старались публиковать только такие статьи, «которые казались ... способнейшими для вкоренения и утверждения добрых нравов». О том, что положение это выполнялось неукоснительно, можно судить хотя бы по заглавиям: «Рассуждение Сенекино о честном житии, в котором преподается учение, как жить добрым человеком...» или «Рассуждения на некоторые выбранные места из Тацита»¹¹⁴. Впрочем, в этом отношении масон-

ские печатные органы не выделялись из общей журнальной продукции своего времени — тем же нравоучительным целям была подчинена и редакционная политика таких, например, журналов, как «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселения служащих» (1755—1764), «Праздное время в пользу употребленное» (1759—1760) или «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784)¹¹⁵. Даже писатель и издатель И.П. Пнин, всегда выступавший против масонства, в своем «Санкт-Петербургском журнале» охотно публиковал статьи, призывавшие читателей освободиться из тюрьмы страстей и пороков и стать достойными гражданами¹¹⁶.

Понятия морали и хороших манер составляли, таким образом, основание политической, социальной и интеллектуальной жизни России XVIII века. С их помощью у российских образованных классов формировались не только представления об общественном порядке, но и вообще взгляд на современный мир. Важность этих понятий была очевидна для всех — от императрицы до школьного учителя в провинции и его учеников, от могущественных аристократов до рассеянных по всей стране читателей столичных журналов.

Значение этого комплекса идей можно видеть в его взаимосвязанности с разнообразными историческими тенденциями и явлениями той эпохи: укреплением абсолютистского государства, выработкой принципов моральной философии и зарождением общественного сознания. Так, Г. Ойстрах показывает, что в основе мощных европейских монархий XVII—XVIII веков с их блестящими дворами, многочисленными армиями и огромными бюрократическими аппаратами — например, Франции при Людовике XIV (1643—1715) — лежал новый тип человека, преисполненного чувством долга, послушанием, умеренностью и самообладанием. Источник этого типа Ойстрах находит в неостоицизме — учении, которое появилось в XVI столетии и обосновало необходимость подчинения общества государству. «Свою цель адепты неостоицизма видели в усилении власти государства и армии, — пишет исследователь, — и одновременно с этим они требовали строгой самодисциплины и исполнения долга от самого правителя, твердой нравственности от армии и чиновничества и, наконец, послушания, бережливости и трудолюбия от остального народа»¹¹⁷. Соответственно человек, отвечающий идеалам неостоицизма, должен обладать «твердостью, стойкостью и терпением»; больше, чем «материальным благам», уделять внимание «внутренним ценностям»; посвятить себя службе обществу — patria — и под добродетелью

тельным человеком понимать прежде всего достойного гражданина; «вера же его должна быть истинной и деятельной»¹¹⁸. Неостоицизм, опиравшийся во многом на сочинения Сенеки и Тацита, стал к началу XVII века весьма популярным в высшем обществе Франции и Голландии, а со временем и во всей Европе¹¹⁹. Влияние его, сильное и в XVII—XVIII веках, сказалось в философских системах Паскаля, Спинозы, Гроция и Пуфендорфа.

Этика неостоицизма, безусловно, отразилась и на масонском учении. В самом деле, источники самых характерных черт каменщицеской морали — таких, как сосредоточенность на самонаблюдении и самоконтроле, умеренность и дисциплина, служение государству, отечеству и своему ближнему, — можно легко найти в неостоицизме. Это демонстрируют не только публикации в «Утреннем свете» переводов из Сенеки и Тацита, но и тот факт, что сами масоны считали своей важнейшей целью укрепление государства. Так, когда в 1777 году В.Я. Алеевцева, правителя канцелярии белорусского губернатора, вызвали к себе сам губернатор и архиепископ Могилевский и потребовали объяснить его участие в ордене, он легко справился с этой задачей, убедив оппонентов в том, что именно масонские ложи могут превратить пьющих и неуправляемых чиновников в прилежных и аккуратных исполнителей. Для вящей убедительности Алеевцев сравнивал «шалунов и своевольников», наводнивших канцелярию, с их коллегами-масонами: последние всегда тихо работали за своими столами, платье содержали в чистоте, а волосы убирали в опрятные косички¹²⁰. Этот случай, после которого Алеевцев снискал доверие и губернатора, и архиепископа (последний даже хотел направить к чиновнику несколько монахов для исправления), ясно показывает действие той системы общественной дисциплины в «регулярном полицейском государстве» раннего Нового времени, установлению которой много способствовали неостоицизм и масонство¹²¹.

Неостоицизм, как и вообще комплекс представлений о сильном государстве, отвечал общеевропейскому стремлению к миру и стабильности после многочисленных войн и конфликтов XVI века¹²². На их фоне учение нестоиков не только воспринималось как противоядие от хаоса и беспорядка, но и обусловило важную роль моральной философии в интеллектуальной жизни Европы, сотрясаемой великими научными открытиями эпохи, которые потребовали ревизии представлений о человеческой природе и месте человека в обществе. Мальбранш, Шефтсбери, Хатчесон и

Вольф сформировали «систему нравственности» как основу морального поведения. Моральная философия вместе с описанием природы человека и набором правил его поведения показывала пути достижения добродетели и счастья, устанавливала границы добрых нравов и хороших манер, определяла обязанности каждого по отношению к Богу, государю и ближнему¹²³.

Особенно нужной нравственная философия оказалась в Англии, где гражданская война XVII века смела все общественные устои. Для предотвращения таких же страшных событий в дальнейшем требовалось освобождение от страстей и фанатизма, в первую очередь религиозного. Дикие порывы должны были уступить умеренности и терпимости; этот процесс Г. Баркер-Бенфилд называет «исправлением мужского поведения»¹²⁴. В конце столетия разворачивается довольно бурная общественная кампания против всякого рода жестокости, грубости и вообще дурных манер: только в Лондоне к началу XVIII века действует уже около 20 организаций подобного толка; самая известная из них — Общество исправления нравов (основано в 1692 г.). Однако суровые англичане упорно не желали цивилизоваться, и борьба с переменным успехом велась на протяжении всего XVIII века¹²⁵. Хотя нельзя сказать, что варварское поведение совершенно ушло в прошлое, сменившись всеобщим улучшением нравов, все же «реформаторам» с помощью нравственной философии (в частности, сочинений Шефтсбери) удалось доказать, что именно хорошие манеры обеспечивают общественную стабильность. Они стали пониматься как условия существования мирного, гармоничного и процветающего социального порядка, в котором устранена угроза фанатизма и проявления необузданных страстей, а основные человеческие инстинкты ограничены общественными установлениями.

Возникновение масонства явилось еще одним результатом того поиска новой этической системы, который привел к формированию моральной философии и идее исправления нравов. В ложах масоны пытались создать собственный нравственный кодекс, основанный на самопознании; следование ему приводило брата к добродетельной жизни, то есть строгому исполнению его многочисленных общественных обязанностей. Многие в этом кодексе исходят от неостоицизма, хотя не стоит ограничивать источники масонского учения им одним: стремление к разумному и доброму поведению связано с целым рядом понятий и принципов, свойственных моральной философии вообще.

Идея смягчения манер и нравов легко проецируется и на другую интеллектуальную парадигму того времени. «Обрабатывая дикий камень», масоны старались воспитать в себе учтивость и добронравие — здесь масонское учение сходитя с более широким комплексом представлений о «цивилизованности». Ж. Старобинский, посвятивший специальную работу семантике слова «цивилизация» в конце XVII — XVIII веке, в частности, пишет: «Благодаря ассоциации между “буквальным” образом *блеска* и гладкости с представлением о совершенстве ручной труд *полировки* (*expolitio*, *exoptatio*) на уровне переносного смысла делает равнозначными глаголы *polir* и *civiliser*. “Цивилизовать” (людей или вещи) — значит устранять всякие “грубые” неровности и шероховатости, сглаживать любую шершавость, устранять всякие зазубрины, делать так, чтобы соприкосновения происходили гладко и мягко. Напильник и полировальный станок — вот инструменты, которые в фигуральном смысле позволяют превращать грубость и неотесанность в вежливость, обходительность, культурность»¹²⁶.

Свой путь к добродетели масоны описывали через те же метафоры. Это можно видеть на примере выдержки из статьи «Нравоучительные правила», опубликованной в 1780 году в «Утреннем свете»: «Люди поправляются, исправляют нравы обыкновенным между собою обращением, так как людины округливаются и бывают гладкими, бившись одна с одною»¹²⁷. Также и В.Н. Зиновьев, посетивший в 1786 году Манчестер, в путевой дневник занес следующие наблюдения: «Ласка и учтивость людей в здешней земле отменная и я не могу довольно оными нахвалиться и приписываю сие своему мало-заслуженному счастью... Я думаю, что человек, стараясь узнать свои недостатки, не может оные лучше исправить, как путешествием; подобно камню, который, трением своим с множеством других, глаже делается и, полируя, так сказать, — себя, иногда неровности других, которые с ним сталкиваются, ровняет»¹²⁸.

Образ «отполированного камня» был для Зиновьева не просто данью масонской символике, хотя он действительно вступил в берлинскую ложу в 1784 году, а несколько лет спустя стал известен в масонских кругах Лиона¹²⁹: учтивость и благовоспитанность для него были важны более, чем для его немецких и французских братьев, ибо в масонстве он (как и другие его соотечественники, побывавшие за границей) видел средство «цивиловать» русские нравы, «грубые» и «варварские» по сравнению с манерами европей-

цев. Уже в Петербурге в 1790 году Зиновьев писал: «Нравы у нас так расстроены, что нигде таких вещей не делается, как у нас»¹³⁰.

Варварство русских — общее место европейских описаний России. Ш.Ф.П. Массон, проведший в империи десять лет, в своих мемуарах постоянно говорит о дурных манерах и «варварстве», которое «выражается в грубости нравов»¹³¹. Суждение Массона, весьма характерное для этой эпохи, связано с популярным тогда делением народов на «цивилизованные» и «варварские»; о нем, в частности, писал Л. де Жакур в Энциклопедии. Место России с ее «азиатскими манерами» в этой классификации было очевидно¹³². Впрочем, совершенно безнадежным такое положение не было: схема допускала возвышение «варварских» народов до «цивилизованных» путем исправления нравов. Россия, по мнению некоторых иностранцев, двигалась именно по этому пути. Так, например, французский посланник при екатерининском дворе Луи-Филипп де Сегюр писал: «Вид Петербурга вселяет двойное удивление; здесь слились век варварства и век цивилизации, X и XVIII столетия, азиатские и европейские манеры, грубый скиф и утонченный европеец...»¹³³.

Масонство предлагало русским возможность сменить их «азиатские» нравы на «европейские», варварскую грубость на утонченность манер. Однако здесь самим масонам грозила опасность завести «цивилизаторский» процесс слишком далеко, то есть превратить учтивость и любезность в самоцель, за которой уже не видно стремления к истинной нравственности — иными словами, сделаться в глазах общества только шеголями, петиметрами, перенимающими в погоне за модой европейский стиль поведения¹³⁴. Необходимо было найти золотую середину между этими полюсами — ибо значимость хороших манер была очевидна всем, и даже те, кто осуждал повальную галломанию, всего менее хотели выглядеть неотесанными варварами, не знающими правил приличия. Так, М.М. Щербатов, автор трактата «О повреждении нравов в России», яростно обличавший вестернизацию русского общества, все же замечал, что Петр Великий «прилагал намерения являющиеся ему грубые, древние нравы смягчить»¹³⁵. Так или иначе, но уже к этому времени понятие «цивилизованности» — со всеми его структурными оппозициями: грубости и утонченности, городского и природного, цивилизованности и варварства — прочно вошло в русское общественное сознание и сформировало его взгляд на мир. Представление о «цивилизованности» включало в себя идею морали и внут-

ренной добродетели, отражающейся в учтивом поведении¹³⁶. Масоны подходили к этому вопросу с обеих его сторон: смягчали свой нрав и очищали душу. Если масон в обществе был любезнее и приветливее остальных, тем вернее это доказывало превосходство его внутренних качеств — то есть близость к той цели, к которой он так старательно шел с помощью братьев по ложе.

Глава 2

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В XVIII СТОЛЕТИИ

В июне 1769 года издававшийся Н.И. Новиковым еженедельник «Трутень» поместил следующее объявление:

Издатель Трутня, во утешение Всякой всячине, своей современнице, не хотел напечатать сего письма, но по справедливости не мог он в том отказать г. Правдулюбову, тем паче, что он от Всякия всячины отдан на суд публике; итак, благоразумные и беспристрастные читатели сей суд по форме или и без формы, как им угодно, окончать могут. Оправдание г. Правдулюбова здесь следует¹.

Это объявление было репликой в знаменитом споре «Трутня» с журналом «Всякая всячина». В полемических выступлениях Новикова исследователи обычно усматривали гражданское мужество оппозиционного журналиста, бросающего вызов властвующей императрице. Однако, как показано в последних работах У. Гарета Джонса, такая концепция событий 1769 года была сознательно сфабрикована критиками XIX века, приписавшими журналистам прошедшего столетия собственные политические устремления. Что же касается Новикова, то он полемизировал со «Всякой всячиной» только о должном употреблении сатиры — другое дело, что этот обмен мнениями перемежался, в соответствии с общим духом эпохи, взаимными оскорблениями и притворными обидами².

Выводы Джонса имеют непосредственное отношение к предмету настоящей работы. Легенда о грандиозном противостоянии императрицы и Новикова прямо связана с мифологическими представлениями о русском масонстве, в существенной мере искажающими действительную картину его развития. Согласно установившемуся мнению, спор 1769 года был первым звеном в общей цепи событий, обусловивших арест Новикова двадцать три года спустя.

Преследование Новикова историки считали закономерным следствием борьбы Екатерины против масонства вообще. Такое объяснение рассматриваемых событий, сводящее историю к противостоянию свободы и тирании, с точки зрения фактографической представляется сомнительным. Во-первых, полемика о сатире была начисто лишена политических обертонов. Во-вторых, мы не можем утверждать положительно, что «Всякая всячина» транслировала идеи самой императрицы, а не непосредственных редакторов журнала. В-третьих, значительно преувеличивается личный интерес Екатерины к делу Новикова и преуменьшается роль московского генерал-губернатора А.А. Прозоровского³. И, наконец, арест Новикова, несмотря на его высокое положение в масонской иерархии, сам по себе не мог привести ни к распаду масонских лож, ни к исчезновению оппозиционных настроений в обществе.

Здесь, вообще говоря, уместно поставить вопрос о соотношении масонства и общества в России XVIII века. Принято считать, что в эту эпоху сформировалось русское «благовоспитанное» и «просвещенное» общество. Что же обозначается этими словами? Ответ на этот вопрос необходим для понимания социальной функции русского масонства — ведь орденские ложи существовали не в вакууме, а вписывались в общую систему новых для России социальных институтов.

РУССКАЯ «ПУБЛИКА»: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

В споре 1769 года, о котором мы говорили выше, обе стороны апеллируют к мнению «публики» — «благоразумных и беспристрастных читателей», как выражается Новиков в приведенном отрывке.

Словом «публика» обозначалось в ту эпоху благовоспитанное общество. Существование такого слоя в России XVIII столетия подтверждают свидетельства современников, однако в научной литературе внимания ему почти не уделяется; принято думать, что русское общество было совершенно подавлено могущественным государственным аппаратом и представляло собой лишь тень аналогичных страт, зародившихся в более «просвещенных» западноевропейских странах вроде Франции и Англии⁴. Однако, как показывают работы последних лет, это представление нуждается в пересмотре⁵. На протяжении XVIII—XIX веков в России складывалось общественное мнение, с течением времени приобретающее все большее влияние на государственные дела⁶.

Как отметил Николас Рязановский, русское просвещенное общество возникло в результате реформ Петра I и его наследников⁷. Точнее говоря, его формирование было обусловлено несколькими взаимосвязанными процессами, главные из которых — стремительная вестернизация, становление абсолютистского государственного аппарата и рост экономической и торговой деятельности в конце XVII — XVIII веке. Как раз в это время в Европе зарождались концепты «общества» и «общественного мнения». Под воздействием пионерских работ Юргена Хабермаса в последнее десятилетие представители различных дисциплин обратились к изучению «публичной сферы» и ее влияния на общественные процессы при Старом режиме. Их работы, посвященные механизмам возникновения новых форм социальной аффилиации (салонов, кофеен, ученых обществ и т.п.) и соответствующих им форм общения, предоставляют необходимый герменевтический инструментарий для описания русского гражданского общества⁸.

В Европе поле для публичной деятельности появилось после оформления абсолютистских государств с их постоянным бюрократическим аппаратом и армией⁹. В России, как мы уже сказали, аналогичные процессы происходили в царствование Петра I; именно к этому времени относятся первые упоминания слов «публика», «публичный» и «публикация»¹⁰. «Устав генеральный» (1720) различает «публичные» дела от «приватных»; показательно, что оба эти слова включены в список иностранных слов, поясненных в конце текста. «Публичный» там переводится как «всенародный», а «приватный» — как «особый»¹¹. В тексте 1730 года словосочетание «на публике» оказывается синонимом выражения «на государстве»¹². Слово «публика» связано, таким образом, с деперсонализированной сферой деятельности бюрократических институтов. Возникновение «регулярного полицейского государства», которое блестяще описал Марк Раев, ознаменовало кардинальный сдвиг в представлении о функциях государственной власти. Власти Московского царства подавляли и ограничивали действия своих подданных; созданный Петром абсолютистский режим, напротив того, должен был провоцировать положительные перемены в общественном благосостоянии, освобождая скрытую до поры созидательную энергию общества¹³. По этой причине государственные органы обретают статус «публичных»; таковы были Уложенная комиссия и губернские приказы общественного призрения. Во второй половине века к этому значению слова «публика» добавилось и другое

— «публикой» стало называться сообщество подданных, которым адресовались действия власти¹⁴. Так, в двухтомном «Российском, с немецким и французским переводами, словаре...» Ив. Нордстета «публике» соответствует по-русски «общество», по-французски «le public», по-немецки «das ganze Volk» и «das Publikum»¹⁵.

Несмотря на распространенность слова «публика», оно не учтено в «Словаре Академии Российской». «Общество», выступающее у Нордстета синонимом «публики», академический словарь определяет двояко: «1) Народ под одними законами, под известными уставами, правилами, купно живущий... *Человек рожден для общества. Человек обязан быть полезным обществу...* 2) Сословие людей; собрание многих лиц, имеющих в виде одинакое намерение или тот же предмет. *Общество ученых мужей. Общество купеческое...*»¹⁶. Как видно, словом «общество» мог обозначаться как весь социум, так и отдельный его сегмент. Оба этих толкования присутствуют и у Нордстета, который дает два ряда иноязычных эквивалентов для слова «общество»: «die Gemeinde, Versammlung ... Gesellschaft... la communauté, société, le commun», с одной стороны, и «eine Gesellschaft von gelehrten Leuten, une société de gens de lettres» — с другой¹⁷.

Хотя Нордстет отождествляет «общество» и «публику», значение второго слова, по всей видимости, было более узким. «Публика» представляла собой определенную группу внутри «общества». Аналогичное значение имело и немецкое «Publikum», первоначально заимствованное в латинском написании («Publicum») и обозначающее государство или общество. Однако уже к середине XVIII века этим словом стала называть себя особая социальная страта, отделенная и от государства (*der Staat, das Gemeinwesen*), и от простонародья (*das Volk, das Gemeinde*), — образованное высшее общество¹⁸. Это значение слова развилось из другого — «публикой» именовалась аудитория концерта, спектакля, газеты или журнала. Временные сообщества, возникавшие по определенному поводу и на ограниченный срок, породили представление о существовании единой общественной прослойки. Принадлежность к ней не зависела от традиционных критериев происхождения и служебного положения, но определялась образовательным уровнем и экономической обеспеченностью, необходимыми для участия в культурной деятельности. Такая деятельность и сопутствующие ей институты — книготорговля, периодическая печать, театры, клубы, кофейни — способствовали оформлению «die bürgerliche Gesellschaft» — гражданского общества¹⁹.

Похожую картину мы наблюдаем и в России. С одной стороны, словом «публика» обозначалась зрительская или читательская аудитория; И.А. Крылов упоминает о чрезвычайном скоплении публики на представлении пьесы «Алхимик» 13 июня 1793 года²⁰. Данное значение слова остается основным в современном русском языке, как, впрочем, и в немецком. С другой стороны, этим словом начали обозначать и автономную страту, представлявшую собой совокупность всех аудиторий; иначе она именовалась «хорошим обществом» или просто «обществом».

Как и в Европе, русское хорошее общество противопоставляло себя черни. Это видно, в частности, из объявления о возобновлении деятельности Кунсткамеры, помещенного Академией наук в «Санкт-Петербургских ведомостях» 19 мая 1780 года. В объявлении, адресованном «почтенной публике», желающим посетить музей предлагалось покупать билеты заранее. Любопытно отметить, что из числа «публики» исключались ливрейные лакеи и простонародье, которым, согласно объявлению, визиты в Кунсткамеру были запрещены²¹. Более ста лет спустя В.И. Даль напишет в своем знаменитом «Толковом словаре»: «у нас публикою зов[ется] общество, кроме черни, простого народа»²².

Необходимо отметить, впрочем, что, если в Европе различие между высшим обществом и низшими классами было прежде всего социальным, в России к этому добавлялась еще огромная культурная дистанция между вестернизированным дворянством и остальным населением, по большей части сохранявшим традиции допетровской Руси. Манера поведения или стиль одежды не только обозначали общественное положение индивидуума, но свидетельствовали о его (не)адаптированности к западной системе культурных стандартов. Это, вообще говоря, принципиально для понимания структуры русской дворянской элиты первой половины XVIII века. К концу столетия ситуация немного меняется — «европейские» элементы прочно интегрируются в жизнь русского общества, и даже националистически настроенные теоретики, осуждающие в эту эпоху последствия западного влияния, опираются на заимствованные из Европы интеллектуальные парадигмы.

Вышесказанное, однако, нисколько не помогает очертить границы русского «хорошего общества» (или «публики»). Согласно установившемуся мнению, оно тождественно дворянскому сословию. А. Глсон в недавнем исследовании утверждает, что русское общество XVIII века, действительно включавшее в себя высших

чиновников из благородных родов, было сообществом аристократическим, но не чиновничьим. Джон Ле Донн доказывает, что вплоть до последних десятилетий XIX столетия гражданское общество в России состояло исключительно из представителей правящего класса — наследственного дворянства²³.

Вряд ли можно оспорить доминирующую роль аристократии в русском обществе XVIII столетия. отождествлять эти понятия, однако, тоже нет оснований. Как показывает М. Раев, критерием принадлежности к хорошему обществу было не происхождение, а — прежде всего — образовательный уровень²⁴. Возможность получить приличное образование зависела в определенной степени от происхождения, но никак не являлась прерогативой дворянских детей, особенно в ту эпоху, когда система образовательных учреждений создавалась по всей стране, а дворянское сословие не обладало, в сущности, социальным единством. Э. Виртшафтер показывает, что состав и экономическое положение русского дворянства менялись на протяжении XVIII века. По своему имущественному и социальному статусу дворянство, «с одной стороны, приближалось к основанию трона, с другой — примыкало к крестьянству»²⁵. Даже Ле Донн, разделяющий всех жителей России на правящий класс и подвластное ему население, признает неустойчивость дворянства как такового и констатирует существование некоторой промежуточной прослойки, размывавшей границу между двумя стратами русского общества. Эту прослойку составляли, согласно Ле Донну, губернские и уездные городские чиновники, предводители гильдий, дети солдат и священников, зажиточные крестьяне²⁶. Кроме того, в публичной сфере с дворянами соседствовали люди недворянского происхождения, среди которых были государственные чиновники всех уровней, дворянские жены, купцы, священники, профессора, литераторы и другие представители свободных профессий. От основной массы престоляродья этих людей отличала некоторая образованность и определенная финансовая обеспеченность, обуславливавшая, в частности, их манеру одеваться и вести себя. В каком-то смысле структура русской публики аналогична западной — в Европе общество также составлялось в основном из торговцев (собственно буржуа), но из образованных чиновников, а затем ученых, офицеров, писателей и др.²⁷

Споры о границах хорошего общества велись и в XVIII веке. Так, А.П. Сумароков в предисловии к своей трагедии «Димитрий Самозванец» опровергает мнение аристократов, считающих, что

только благородное происхождение, богатство и высокий чин (а не образование и тонкий вкус) выделяют человека из числа простонародья:

Слово публика, как негде и г. Вольгер изъясняется, не знаменует целого общества, но часть малую онаго, то есть людей знающих и вкус имущих... В Париже, как известно, невежд не мало, как и везде; ибо вселенная по большей части ими наполнена. Слово чернь принадлежит низкому народу, а не слово: Подлой народ; ибо подлый народ суть каторжники и протчия презренные твари, а не ремесленники и земледельцы. У нас же имя всем тем дается, которые не дворяня. Дворянин! Великая важность! Разумный священник и проповедник величества Божияго, или кратко Богослов, Естествослов, Астроном, Ритор, Живописец, Скульптор, Архитект и прочие по сему глупому положению члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрения и поругания! Истинная чернь суть невежды, хотя бы они и великия чины имели, богатство Крезово, и вели бы свой род от Зевса и Юноны, которых никогда не бывало; от сына Филиппова победителя или паче разрушителя вселенных, от Июлия Цезаря утвердившего славу римскую или паче разрушившего оную. Слово Публика и тамо, где гораздо много ученых людей, не значит ничево²⁸.

Несмотря на очевидную тенденциозность этого отрывка, несомненно, что аристократы и интеллектуалы недворянского происхождения равно претендовали на принадлежность к хорошему обществу. Кроме того, как видно из текста Сумарокова, вопрос о границах этой нестабильной социальной страты оставался спорным и животрепещущим. Автономность ее как бы постулировалась в рамках той интеллектуальной и социальной парадигмы, которую приняла на вооружение русская образованная публика второй половины столетия. Тем не менее характер этой публики даже среди ее членов допускал порой взаимоисключающие толкования. С одной стороны, в ней видели беспристрастного и просвещенного арбитра в различного рода спорах — об этом свидетельствует, например, приведенный фрагмент из «Трутня». С другой стороны, общество могли считать собранием невежд и варваров, лишенных разума и вкуса. В этом ключе рассуждает Сумароков, обличая в цитированном предисловии московскую театральную публику, оказавшую плохой прием его пьесам и недостойную его усилий и таланта²⁹.

Причины такой разногласия многообразны. В определенной степени она обусловлена поливалентностью самого термина, который мог употребляться в различных и часто противоположных друг другу значениях. С одной стороны, это свидетельствовало о стремлении русского общества вписать новый для него социальный концепт в уже существующую систему сословных представлений. С другой, неопределенность понятия «публика» была связана с объективной разнородностью обозначаемой этим словом прослойки, объединявшей интеллектуалов-недворян с аристократами, постыдившимися бы такого соседства. Фактически можно говорить о существовании нескольких «публик» в эту эпоху.

Тем не менее существовали определенные культурные процедуры и социальные институты, обеспечивавшие единство «публики» как таковой. Во-первых, это был рынок печатной продукции. Газеты, журналы и книги первоначально распространялись только в столицах, но к концу века стали поступать и в провинции, объединяя все грамотное население России и связывая его с остальным миром. Во-вторых, зарождались новые формы общения, расширявшие привычные рамки служебных и домашних связей; это было вызвано появлением театров, салонов, клубов, литературных кружков и научных обществ. Подобные процессы в царствование Екатерины II охватили не только Москву и Петербург, но и другие города России³⁰. Все это позволяет утверждать, что для России, как и для Европы, XVIII столетие стало, по выражению современного историка, «веком общения»³¹.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ

Рынок печатной продукции, рассчитанной на интересы «публики», сформировался в основном при Екатерине II. Этому предшествовали разительные перемены в русском книгопечатании. В допетровские времена его практически не существовало — в собственности государства была только одна печатня, еще несколько находилось в распоряжении монастырей, в западных районах страны. За весь XVII век все эти печатни выпустили менее 500 книг³². В следующем столетии, в особенности во второй его половине, картина радикально меняется; бюрократический аппарат укрепляющегося полицейского государства (а вслед за ним и частные лица) начинает осознавать действенность печатного слова. В 1752—1774

годах были запущены восемь новых типографий. К 1770 году Российская академия наук владела 17 печатными станками и являлась одним из крупнейших издательств Европы. Указом от 15 января 1783 года Екатерина дозволила учреждение частных типографий и тем самым поощрила дальнейший рост русского книгопечатания. За последнюю четверть XVIII века около 30 частных лиц или товариществ открыли собственные типографии в Москве или Петербурге; еще некоторое количество арендовало казенные печатные станки. Кроме того, к 1801 году в более чем двадцати губерниях работало 26 русскоязычных издательских предприятий³³.

Умножение типографий естественным образом привело к увеличению объемов печатной продукции. В 1755—1775 годах количество ежегодно издаваемых книг и журналов на русском языке выросло с 50 до более чем 200; к середине 1780-х годов эта цифра перевалила за 400. В одном Петербурге выходило 16 журналов. В 1775—1801 годах было выпущено 8000 отдельных изданий — в три с лишним раза больше, чем за предыдущие 200 лет³⁴. Такое изобилие способствовало росту книжной торговли — если в 1770-х годах в двух столицах было около 15 книжных лавок, то к началу 1790-х годов их стало более 50. Столько же лавок насчитывалось к концу века в провинции³⁵.

В это же время складывается общенациональный книжный рынок. В первой половине столетия он был ограничен Москвой и Петербургом, а в екатерининское царствование охватил и провинцию. Хотя провинциальные издания редко доходили до столиц, в обратном направлении книжная продукция поступала хорошо. А.Т. Болотов описывает в своих воспоминаниях, как в последней трети века обитатели города Богородска стали подписываться на всевозможные журналы, прибытие которых ожидалось с большим нетерпением³⁶. Особенно популярны были издания Новикова; так, его журнал «Утренний свет» (1777—1780) имел более 700 подписчиков из числа провинциальных жителей. За пределами Москвы и Петербурга новиковской продукцией торговали более 20 книгопродавцев. Широту распространения столичных изданий показывает, например, список подписавшихся на еженедельник «Зеркало света» (1786): они проживали от Ревеля на западе до Перми на востоке и Астрахани на юге³⁷.

Расширялся и репертуар печатной продукции. Если в 1708—1725 годах основную ее массу (60%) составляли государственные документы (указы, законы, манифесты), то к 1787 году на них при-

ходила только четверть от общего числа изданий, а преобладать стали книги из гуманитарной сферы (художественная литература, исторические сочинения, философские трактаты)³⁸. Сдвиг этот произошел потому, что отбор текстов для публикации, производимый ранее государственными структурами, стал по большей части делом издателей, руководствовавшихся, в частности, рыночной конъюнктурой. Им необходимо было удовлетворять интеллектуальные запросы все возрастающей читательской массы, неоднородной по своим интересам. Как указывает Гэри Маркер, к 1780-м годам «в русском обществе могли найтись читатели почти для любой книги, читаемой на Западе»³⁹. Однако не все издатели старались просто угодить вкусам публики; некоторые из них, как, например, Новиков и П. Богданович, видели в книгопечатании общественное служение и старались, по примеру английских коллег, преподносить обществу серьезные книги, способствующие его просвещению. Этим издателей огорчала популярность приключенческих и любовных романов, которыми они вынуждены были торговать, чтобы окупать свою деятельность⁴⁰.

Таким образом, в конце XVIII века в распоряжении русских читателей был широкий выбор книг и журналов. Разнообразие их соответствовало социальной неоднородности читающей публики, включавшей людей различного происхождения, общественного положения и несходных занятий. Еще И.И. Дмитриев писал в 1789 году, что в России читают не только «просвещеннейшие из нашего дворянства», но и люди «всех состояний: купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами»⁴¹. Печатная продукция, кроме прочего, порождала у грамотной части общества ощущение единства и автономности, особенно заметных при сравнении с неграмотным большинством. Читатели книг и журналов начинали сознавать себя членами «почтенной публики», к которой так часто адресовались писатели и журналисты. Как показал У. Джонс, этот эффект возник не случайно; издатели, подобные Новикову, сознательно стремились к нему. Подписчикам «Трутня» должно было представляться, что все они принадлежат к одному клубу⁴².

Однако не только книги и журналы объединяли русскую публику. Одновременно с книгопечатанием развивались новые формы личного общения; благодаря им складывалось в России новое, гражданское общество.

ВСТРЕЧИ ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА

В конце 1718 года Петр I по предложению петербургского обер-полицмейстера А.М. Девьера выпустил указ об учреждении так называемых «ассамблей». Указ гласил:

Ассамблеи слово Французское, которого на Русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное; в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава⁴³.

Ассамблеи регулярно устраивались в частных домах (в частности, у канцлера Ф.А. Головина и князя А.Д. Меншикова) и представляли собой вечера с танцами, картами, выпивкой и закуской. По замыслу царя, их должны были посещать все высшие сановники империи, а также офицеры, чиновники, богатые купцы и ремесленники (корабельщики, например) с женами и детьми⁴⁴. Ассамблеи создавали неизвестную до этого русской элите ситуацию неформального — «светского» — общения, участники которого могли выбирать себе собеседников, приходить и уходить по своему желанию.

Учреждение ассамблей открывает череду преобразований, сформировавших в XVIII веке русскую общественную жизнь. Хотя собрания гостей происходили в домах высшей знати и в допетровские времена (самые известные из них — приемы у кн. В.В. Голицына в конце XVII в.)⁴⁵, ассамблеи совершенно перевернули старорусские традиции — и именно поэтому понадобился специальный царский указ, подробно определявший порядок проведения таких собраний, состав гостей и формы их поведения⁴⁶. Новизна ассамблей обуславливалась несколькими факторами. Во-первых, старая московская знать вела жизнь довольно аскетическую и предавалась увеселениям только по случаю семейных торжеств и православных праздников; введенные Петром регулярные вечеринки, сопровождавшиеся светской музыкой и свободным общением, разрушали этот уклад. Во-вторых, непривычным было участие царя в частных приемах. В старые времена цари не посещали обыкновенно своих подданных, а допускали их к себе. Хотя и позднее двор оставался главной целью русского дворянина, пристрастие Петра к ассамб-

леям существенно увеличивало социальный престиж частных домов, приобретавших в течение XVIII века все больший вес в общественной жизни⁴⁷. В-третьих, ассамблеи разрушали социальные преграды, не позволявшие боярину позвать в гости ремесленника или купца. В Московской Руси они соприкасались только в рамках ритуализованных церемоний, подчеркивавших и закреплявших существующее неравенство⁴⁸. Напротив того, в ассамблеях гости, принадлежавшие к разным социальным слоям, оказывались равны, а привычная социальная иерархия релятивизировалась.

Ассамблеи совершили переворот в судьбе русских женщин. До преобразований Петра представительницы высших сословий России были практически полностью изолированы от мира. Их жизнь протекала в основном в теремах, и они почти не имели случаев общаться с мужчинами. Когда они все-таки выезжали на церковную службу и в гости к родственникам мужа или отца, их возили в закрытых каретах и прятали за занавесями. Как пишет авторитетный исследователь, русские женщины «последовательно исключались из общественной жизни» и подвергались «жесточайшим ограничениям». Петр, имея в виду утвердить европейские формы общения и одновременно разрушить старую систему родовых связей, буквально освободил женщин из теремов и вывел их в свет. Этот факт не позволяет согласиться с тем утверждением, что русское просвещенное общество XVIII века не включало в себя женщин. Напротив, введенная Петром модель светского общения, сохранявшая свое влияние на протяжении всего столетия, требовала участия обоих полов⁴⁹.

Петровское нововведение пало на благодатную почву. Ко второй половине XVIII века дворцы знати в Петербурге и его окрестностях стали центрами оживленной светской жизни. Многие влиятельные аристократы держали так называемые «открытые дома», где один за другим проходили пиры, балы, маскарады и концерты. В столице существовало от 15 до 20 салонов⁵⁰; вместе с высшей знатью салоны Л.А. Нарышкина и А.С. Строганова, например, посещали актеры и актрисы, художники, музыканты и литераторы⁵¹.

Одним из самых оживленных мест такого рода был литературный салон И.И. Шувалова, куда в разные годы наведывались известные писатели и поэты — Сумароков, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин и И.Ф. Богданович. Здесь происходили бесконечные литературные дебаты, в том числе знаменитые ссоры (зачастую пьяные) между вечными противниками — Ломоносовым и Сума-

роковым. В.В. Тузов и В.Г. Рубан, издатели журналов «Поденщина» и «Ни то ни се», вели в гостиной Шувалова споры, начатые на страницах журналов, и выискивали себе новых подписчиков. Однако у Шувалова бывали не только литераторы; его гостями в разное время были императрицы Елизавета и Екатерина II, император Петр III, княгиня Дашкова (президент Российской академии, директор Российской академии наук и драматург), Н.И. Перепчин (знаменитый покровитель искусств и банкир), Кирилло Каменецкий (личный врач Шувалова и автор популярного гербария). Гости Шувалова играли в карты и обсуждали новости, литературные и политические⁵².

Известностью пользовался и литературный салон, располагавшийся в доме поэта М.М. Хераскова и его супруги, поэтессы Е.В. Херасковой. Там тоже бывали многочисленные «любители наук» — поэты Богданович, В.И. Майков и А.А. Ржевский, будущий секретарь императрицы Екатерины А.В. Храповицкий и его сестра М.В. Храповицкая-Сушкова. У Херасковых они читали свои сочинения и переводы, которые потом нередко публиковались в журнале «Вечера», издававшемся членами этого кружка. В «Вечерах» появился первый русский перевод «Жалобы, или Ночных мыслей о жизни, смерти и бессмертии» (1746) Э. Юнга, приписываемый Храповицкой-Сушковой и представляющий собой одно из первых произведений русского предромантизма⁵³.

Канцлер А.А. Безбородко собирал у себя на Ново-Исаакиевской улице уважаемых иностранцев, высших сановников империи, знаменитых писателей и ученых. В доме С.В. Салтыкова на Малой Морской каждый вторник проходили «les mardis européens» — танцевальные вечера, на которых собиралось все высшее общество. На той же улице находился и более демократичный салон отставного генерала А.И. Арбенева, где представители древней знати сталкивались лицом к лицу с людьми самого простого происхождения. Ф.Ф. Вигель вспоминал: «...знатные люди говорят, что ездят в дом Арбенева посмеяться, а если бы сказать правду, то для того, чтобы повеселиться. Радушие в этом доме было старинное, всякий вечер наедет молодежь, дом набьется битком, все засмеется, все запляшет; правда, зажгутся сальные свечи, для прохлады разнесется квас; уж ничего прихотливого не спрашивай в угощении, но зато веселье, самое живое веселье, которое, право, лучше одной роскоши, заменившей его в настоящее время»⁵⁴.

Мода на танцы, впервые распространившаяся в 1730-е годы, довольно скоро охватила все слои столичного общества. Танцевальные вечера устраивали все — офицеры, разного рода иностранцы, портные и даже лакеи. Они арендовали площадь у богатых господ, нанимали музыкантов и продавали входные билеты. На одних вечерах бывали в основном гвардейские офицеры, на других с офицерами соседствовали купцы и моряки, на танцы к лакеям приходили такие же лакеи. В высшем обществе было принято приезжать на балы по приглашениям; на вечеринки попроще мог прийти любой. Чтобы привлечь побольше женщин, устроители таких вечеринок входную плату взимали только с мужчин — обычно она составляла от 50 копеек до рубля, в зависимости от социального положения посетителей⁵⁵. К концу века закрепилось разделение танцевальных вечеров на аристократические балы и более свободные «английские» вечеринки, собиравшие смешанную публику из дворян и купцов⁵⁶.

В Петербурге проходили и публичные концерты. В середине столетия их часто устраивал граф Алексей Разумовский, морганатический муж императрицы Елизаветы. Эти концерты давались в длинном павильоне, находившемся неподалеку от Аничкова дворца. Потом павильон перешел в собственность Григория Потемкина, который тоже любил устраивать концерты и маскарады; так, зимой 1780 года «Санкт-Петербургские ведомости» извещали столичных жителей, что в доме графа Остермана за 5 рублей можно купить билеты на три концерта некоего Лолли, имеющих состояться во дворце Потемкина⁵⁷. В этом же павильоне музыканты выступали и в 1790-х.

В теплое время года общество любило посещать многочисленные сады и парки, раскиданные по Петербургу и его окрестностям. Чаще всего местами для прогулок и летних празднеств становились императорские сады — Царицын луг (позднее — Марсово поле), Летний сад и сады Екатерингофа. Во время этих мероприятий благородные гости были надежно отделены от любопытствующего простонародья; так, в 1780 году некий г. Кинетти в преддверии фейерверка на Царицыном лугу сообщал «почтеннейшей публике», что билеты на сидячие места «близь большой галереи» продаются по 1 рублю в «кофейном доме, что в Летнем саду, у г. Марсани»⁵⁸. Социальная дистанция между дворянством и низшими слоями общества получала таким образом действительное и зримое воплощение.

Многие известные хозяева салонов, вроде Строганова и Безбородко, летом открывали для гостей свои сады, и общество собиралось там по праздникам. В один из таких садов, находившийся на Круглом острове, вход был платный — билет на одно посещение стоил 20 копеек, на все лето — 2 руб. 50 копеек. В июне 1759 года в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» было помещено объявление, сообщавшее, что по четвергам и воскресеньям сад Кадетского корпуса открыт «всякого чина и достоинства людям, кроме господских служителей в ливрее». В этом саду располагался летний домик, в котором посетитель мог найти русские, немецкие, французские и голландские газеты; там же находились бильярдные столы. Гостям предлагались самые разнообразные угощения: лимонад и кофе, мороженое и сласти, а также обеды, рассчитанные на шесть и более человек и приготовленные корпусным поваром Отто Луко⁵⁹.

Весной 1793 года барон Эрнест Ванжура, придворный пианист, принимавший участие в управлении императорскими театрами, открыл на Мойке первый общественный увеселительный сад («воксал»), где по средам и воскресеньям происходили маскарады, танцы и т.д. Любой желающий мог, заплатив рубль за вход, потанцевать под музыку одного из двух оркестров, посмотреть представление летнего театра или поглазеть на выставленные в саду диковинки — от силачей и «великанов» до львов и других редких животных⁶⁰.

Предприятием барона Ванжуры театральная жизнь столицы не ограничивалась. В XVIII веке Петербург переживал подъем театрального искусства. Оно было известно в России и до Петра, однако в то время спектакли ставились только при дворе и в домах некоторых знатнейших бояр. Имея в виду учредить первый публичный театр, Петр I в 1702 году предложил известному актеру Иоганну Кунсту с женой и семью товарищами покинуть Данциг и переехать в Москву. Кунст принял это предложение, приехал в Россию и начал было работу во вновь построенном здании на Красной площади, но вскоре скончался. Его место занял московский немец Отто Фюрст. В первое время спектакли Фюрста пользовались некоторым успехом, однако затем и это предприятие провалилось. В 1706 году театр Фюрста перевели в Кремль, а затем закрыли. Тем не менее вскоре он был возобновлен в подмосковном селе Преображенское младшей сестрой царя, Натальей Алексеевной. По ее воле на подмостках театра игрались религиозные, дидактические и

комические пьесы. Через некоторое время театр Натальи Алексеевны переместился в Петербург и там продолжал свою деятельность до смерти царевны в 1716 году⁶¹.

Кроме того, при семинариях и духовных академиях существовали так называемые «школьные» театры. В Славяно-греко-латинской академии в Москве спектакли ставились с 1700 года; к 1750 году школьные театры возникли в Ростове, Астрахани, Новгороде, Твери, Тобольске и Петербурге, где представления начались в 1720 году по инициативе Феофана Прокоповича. В школьных пьесах в основном пропагандировались реформы Петра⁶².

Особенную роль в становлении русского театра сыграл Сухпутный шляхетный корпус, основанный в 1731 году. Его ученики сформировали собственную труппу, дававшую спектакли как в самом корпусе, так и при дворе. До конца 1750-х годов эта труппа с успехом играла пьесы Расина, Мольера, Шекспира и даже одного из выпускников корпуса — Сумарокова, режиссировавшего эти постановки⁶³.

Несмотря на то что аудитория большинства этих спектаклей была довольно ограничена, к середине XVIII столетия театр не был уже исключительно аристократическим развлечением. В царствование Елизаветы Петровны (1741—1761) «почтенные торговцы» и простые купцы с женами начали посещать оперный театр в Летнем саду, куда до тех пор допускалась только привилегированная публика⁶⁴. 30 августа 1756 года указом Елизаветы был основан первый постоянный публичный театр в России. Директором его стал Сумароков. Сначала театр располагался в каменном доме графа Головкина на Васильевском острове, а затем переехал в более удобное здание оперы; входные билеты стоили 1 и 2 рубля. Несколькими годами ранее, в 1756 году, на Большой Морской улице открылся и частный немецкий театр⁶⁵.

При Екатерине II театральная аудитория продолжала расти. По этой причине в 1783 году на окраине города воздвигли Большой каменный театр, превышавший своими размерами все предшествующие сооружения и вмещавший до 2 тыс. зрителей. Существовал и другой театр — «городской», или «деревянный». Во главе его стоял Карл Книпер, немецкий импресарио, подвизавшийся до этого в Москве. Расцвет «деревянного» театра пришелся на 1770—1780-е годы, когда там ставились многочисленные комедии, комические оперы и балеты⁶⁶.

В последние десятилетия XVIII в. петербургские театры превратились в излюбленное развлечение столичных жителей. Если в 1754 году Елизавета, расстроенная малым количеством зрителей на представлении французской комедии, обязала столичную знать посещать спектакли под страхом штрафов, то в конце 1760-х годов всеобщее пристрастие к театральным зрелищам уже высмеивалось на страницах сатирических журналов⁶⁷. Несмотря на то что в театре полагалось смотреть на сцену, многие предпочитали болтать со своими соседями, выпрашивая последние сплетни. В 1770-х годах «Вечера», еженедельник херасковского кружка, поместил разгневанное письмо некоей дамы, осуждавшее нарушителей театральной тишины. Они, по словам анонимного автора, мешают наслаждаться спектаклем и не имеют ни малейшего представления о том, как должно вести себя «в собраниях» и в «обществе»⁶⁸.

Многочисленная необразованная публика, набивавшаяся в театры и громким разговором фраппировавшая просвещенных зрителей, вызывала всеобщее раздражение⁶⁹. Следствием этого стало разделение театральной аудитории на хорошее общество, занимавшее ложи, и простонародье, для которого в Большом каменном театре даже построили особый вход, ограждавший «господ» от столкновения с «мужиками»⁷⁰.

Однако благородное происхождение или высокий чин еще не обеспечивали хороших манер. В том же письме, помещенном в «Вечерах», особенно подчеркивалась неотесанность русских дворян, хотя они, по мнению автора статьи, как раз должны были знать правила хорошего тона. Общая непросвещенность даже благородной публики способствовала возникновению при дворе и во дворцах вельмож закрытых частных театров, подобных Эрмитажному. Собиравшееся там высшее общество было надежно защищено от невежества и грубости более низких сословий⁷¹.

Сторонники более интеллектуальных развлечений, чем театр, могли посещать открытые собрания академии, приглашавшей туда всех «любителей полезных наук». Первое такое собрание торжественно открылось в доме дипломата П.П. Шафирова 27 декабря 1725 года и было запrotоколировано специальным секретарем. На этом собрании присутствовало около 400 человек. Физик и философ Г.Б. Бюлфингер выступил там с речью в честь создания академии, а Я. Герман рассказывал об успехах математиков в изучении географической долготы. Обе речи произносились на латыни и поэтому были доступны малому числу слушателей. Однако уже к

1750 году академики начали выступать по-русски или раздавать слушателям русские переводы латинских речей, так что аудитория их заметно увеличилась. Со временем расширился и круг тем, затрагивавшихся в ученых речах; это тоже делалось с целью привлечь побольше слушателей. Так, например, после Лиссабонского землетрясения 1755 года Ломоносов произнес свою «Речь о рождении металлов от трясения земли», а через несколько лет С.Г. Домашнев, будущий директор академии, рассуждал о том, почему XVIII век именуется «философским». Кроме того, сотрудники академии еженедельно читали публичные лекции, объявления о которых печатались в газетах⁷².

Посетителей также принимали Кунсткамера и Библиотека, одновременно открытые на Васильевском острове осенью 1728 года и находившиеся в ведении академии. Кунсткамера с первых дней своего существования пользовалась такой популярностью, что в 1770-х годах вход в нее сделали платным, чтобы хоть как-то уменьшить приток посетителей. Всех их — людей высшего света, купцов, мелких чиновников и студентов — привлекали диковинные экспонаты Кунсткамеры — восковая фигура Петра Великого в полный рост, тело младенца с шестью пальцами, необычной формы куриное яйцо из г. Соликамска Пермской губернии и т.д.⁷³ Востребованной оказалась и академическая Библиотека — если сначала она работала только два раза в неделю по два часа и обслуживала почти исключительно сотрудников академии, то после 1752 года режим был изменен — по четыре часа каждый будний день. Только так удалось удовлетворить всех читателей, среди которых были придворные, государственные сановники, литераторы, профессора, офицеры, переводчики, академические студенты и, наконец, сами академики⁷⁴.

Академическая библиотека не осталась единственной в столице. С 1780 года Кадетский корпус открыл свое книжное собрание для «всех ученых и любителей наук» (кроме плохо одетых). В 1756 году публичная библиотека возникла при Вольном экономическом обществе; там устраивались выставки и открытые лекции⁷⁵. Особеного внимания заслуживают общества чтения и так называемые «кабинеты для чтения», пользовавшиеся популярностью среди духовенства, купцов и мещан. Первым из таких обществ было Немецкое, основанное академиком А.И. Гильденштетом в 1777 году и в середине 1790-х насчитывавшее 60 членов. Они ежегодно платили десятирублевые взносы, тратившиеся на покупку книг. Приобре-

тенные книги затем переходили от одного члена общества к другому, а обойдя всех, снова продавались. Примеру Гильденштета последовали другие. В 1780 году недолго существовало Французское общество, а в 1793 году библиотекарь по имени Бюссе создал Немецко-французское общество для чтения, вскоре разросшееся до 40 человек. Несмотря на названия, все эти общества включали в себя природных русских и распространяли русские книги наряду с немецкими и французскими. Успех обществ для чтения побудил многих книгопродавцев открыть при своих магазинах платные читальни (или, как их именовали в газетных объявлениях, «публичные библиотеки»). В последние десятилетия века таких читален в столице было шесть. Большинство из них принадлежало выходцам из Западной Европы, однако русские торговцы тоже не оставались в стороне. Так, М. Овчинников в 1784—1799 годах содержал при своем книжном магазине платную читальню под названием «Российское заведение для чтения»⁷⁶.

* * *

Общественная жизнь Москвы немногим уступала столичной⁷⁷. После того как в 1720-х годах учрежденные Петром ассамблеи получили распространение в Петербурге, Феодосий Яновский, глава Святейшего синода, начал устраивать их в Москве, собирая на вечеринки подчиненное ему духовенство. Со временем для гостей открылись и дома высшей московской знати⁷⁸. Бесконечные концерты и балы давались зимой и осенью во дворцах Головкиных, Чернышевых и Владимира Орлова на Никитской улице⁷⁹. После 1750 года по количеству такого рода увеселительных мероприятий Москва превзошла Петербург — в старой столице балы и маскарады ежемесячно устраивались до 50 раз⁸⁰. В 1775 году вернулась из Петербурга в Москву чета Херасковых; они возобновили свой салон, ставший и здесь средоточием литературной жизни города⁸¹. В это же время действовали салоны князя М. М. Щербатова и братьев Юрия и Николая Трубецких, у которых собирались литераторы, художники, путешественники и другие представители хорошего общества⁸². Обыкновенно в эти дома попадали по личному приглашению хозяев, однако так было не везде. Например, весной 1756 года «Московские ведомости» известили читателей, что генеральская вдова Лицкина продает билеты, ценой в 1 рубль, на серию концертов, которые состоятся в ее доме в Немецкой слободе⁸³.

Были и более диковинные развлечения. В доме князя Ю.В. Долгорукого на Тверской улице разместился бродячий зверинец, привезенный в Москву «итальянцем Антонио Белли с компанией». За 25 копеек каждый желающий мог увидеть «разных зверей, как то: леопарда самого большого сорту и чрезвычайной красоты, мандрилью с синим лицом ... некоторые птицы и льва набитого»⁸⁴. В доме купца Телепнева около Никитского монастыря демонстрировался «маленький безногий человек и его искусство с разными удивительными штуками»⁸⁵.

Особенной популярностью среди московской публики пользовались загородные императорские резиденции (Петровский и Царицын дворцы, Измайлово), а также открытые для посещения поместья аристократов⁸⁶. Самым знаменитым из них было Кусково — владение рода Шереметевых, в котором регулярно происходили разного рода празднества, роскошные пиры, устраивались потрясающие фейерверки и драматические представления. В Кусково выстроили многочисленные постройки, служившие для увеселения гостей. Бродя по парку, они могли любоваться строениями в китайском, голландском или итальянском стиле и предаваться размышлениям в Храме молчания или Философском домике, где надпись над дверью предлагала всем входящим «обрести покой». Кроме того, в парке находился «воксал», где играла музыка и можно было танцевать. Наконец, каждое лето по четвергам и воскресеньям давал представления кусковский открытый театр.

В Кусково сохранялась традиция старых гуляний — в торжественные дни туда стекалось до 50 тыс. человек, среди которых были представители самых низших общественных слоев. Тем не менее благородная публика не смешивалась с ними. Для знатных гостей, приезжавших к Шереметевым по индивидуальным приглашениям, готовились иные развлечения — если зрелищем фейерверка мог наслаждаться любой, то посетить Храм молчания или Философский домик позволено было только избранным⁸⁷.

Однако не только имения богатых господ служили местами для общественных увеселений. В конце 1760-х годов антрепренер Мельхиор Гротти открыл первый московский «воксал» около Донского монастыря, в саду, арендованном у князя П.Н. Трубецкого. Через несколько лет, когда началась эпидемия чумы, Гротти и князь Урусов перевели свое предприятие в загородный дом гр. Салтыкова, где все лето дважды в неделю развлекали аристократическую публику балами и драматическими представлениями⁸⁸. После

отъезда Гротти московским «воксалом» заведовал англичанин Майкл Мэддокс⁸⁹. В 1783 году он приобрел у купца Саввы Яковлева довольно большой участок земли в районе Таганки и разбил там новый увеселительный сад. В саду Мэддокса посетителей ждали обычные для такого рода мест развлечения. Сначала на летнем театре игралась оперетта или одноактная комедия; за представлением следовал бал или маскарад, а затем гости переходили к угощению, если только не было фейерверка, посвященного какому-нибудь торжественному событию. Кроме парка на земле Мэддокса находилась прогулочная галерея, освещавшаяся по ночам, и бильярдная. М.И. Пыляев сообщает, что к середине 1790-х годов «английский воксал» приобрел огромную популярность и зачастую привлекал по несколько тысяч гостей, каждый из которых платил рубль за вход и еще четыре — в том случае, если хотел остаться на ужин⁹⁰.

Мэддоксу также принадлежал самый большой частный театр в Москве — Петровский⁹¹. Он был построен в 1780 году и, в отличие от большинства существовавших театров, рассчитанных на несколько сот человек, вмещал две тысячи зрителей⁹². Плата за посещение Петровского театра варьировалась от рубля до тысячи — столько стоила годовая аренда самых дорогих лож. Согласно свидетельству одного из посетителей театра, англичанина Вильяма Тука, он был обычно заполнен, даже ложи не пустовали⁹³.

Общедоступность театров вроде Петровского устраивала не всех. Как и в столице, московская аристократическая публика предпочитала закрытые увеселительные мероприятия, огражденные от вторжения черни. По воспоминаниям современницы, «в наше время и не езжали так часто по публичным театрам, как теперь, оттого, что приличнее считалось бывать там, куда хозяин приглашает по знакомству, а не там, где каждый может быть за деньги»⁹⁴. Мода на закрытые театральные представления и концерты распространилась в ту же эпоху и в Англии и соответствовала некоторым общим тенденциям социальной стратификации в Европе⁹⁵.

В Петровском театре давались не только спектакли, но также балы и маскарады, для которых были выстроены особые залы. Маскарады проводились в ротонде — роскошном строении, вмещавшем несколько тысяч человек и освещавшемся при помощи сорока с лишним хрустальных канделябров. На Великий пост часто давались концерты, также привлекавшие обширную аудиторию. Билет на маскарад стоил рубль, на концерт — от двух до пяти руб-

лей. Наконец, в помещениях Петровского театра даже читались публичные лекции; так, однажды некий врач Филидор демонстрировал там различные эксперименты⁹⁶.

Однако в основном научные мероприятия происходили в Московском университете, основанном в 1755 году. Многие из них были открыты для широкой публики и способствовали интеграции университета в общественную жизнь старой столицы⁹⁷. Университетские мероприятия были двух видов — публичные акты и публичные курсы. С.П. Шевырев в «Истории императорского Московского университета» рассказывает о так называемых «актах»: «Акты в университете совершались с обыною торжественностью ... [торжественные дни] сопровождалась актами и публичными диспутами студентов, речами учеников Гимназии на древних и новых языках... Высшее духовенство, знатные особы Москвы, иностранцы и все образованное общество принимали постоянное участие в этих торжествах... Университет к своим торжествам приглашал ... объявлениями, на больших листах, печатанными по-Латыни и по-Русски»⁹⁸. Печатные экземпляры речей раздавались посетителям сразу после собрания⁹⁹. Университетские «акты» не только служили местом встречи высшего общества, но и занимали значительное место в интеллектуальной жизни Москвы. Во время диспутов зачастую обсуждались новейшие идеи; так, гнев митрополита Московского Амвросия вызвало выступление Д.С. Аничкова, публично излагавшего свое «Рассуждение ... о начале и происшествии натурального богопочитания...»¹⁰⁰.

Помимо «актов», в университете пять дней в неделю читались публичные лекции. Публика узнавала о них из «Московских ведомостей» и специальных каталогов, издававшихся университетом. Одним из самых популярных лекторов был Иоганн Георг Шварц, профессор философии и видный масон. Его лекции по эстетике привлекали огромное количество слушателей. Благодаря своему успеху Шварц даже смог сформировать группу адептов из числа университетских студентов и влиятельных горожан. По воскресеньям у себя дома он излагал им свою теорию истории и познания. Слухи об этих частных лекциях возбудили такое любопытство среди московской публики, что Шварц был вынужден перенести их в университет. Эта популярность, впрочем, не оградила ученого масона от зависти его коллег¹⁰¹.

Для публики была открыта и университетская библиотека. «Любители наук» могли пользоваться ее фондами три часа по сре-

дам и воскресеньям¹⁰². Позже в Москве появились и другие библиотеки. Новиков содержал популярную читальню при своем книжном магазине, а после 1778 года такие читальни начали создавать и французские книгопродавцы¹⁰³.

* * *

Публичную жизнь, однако, вели не только столичные жители, особенно в последние десятилетия XVIII века. Расширившийся рынок печатной продукции соединил обе столицы с провинциями, а последние связал между собой. Изданный Петром III «Манифест о вольности дворянской», разрешавший дворянам не служить, и проведенные Екатериной II в 1770—1780-х годах административные реформы способствовали переезду некоторой части дворянства в провинцию. С одной стороны, это привело к быстрому росту провинциальной читающей публики; с другой — к развитию в губернских городах новых форм общения по столичному образцу¹⁰⁴.

Екатерининские преобразования сыграли в этом процессе решающую роль. Благодаря им значительно увеличилось количество провинциальных чиновников — если в 1774 году, до начала реформ, местное администрирование в губерниях осуществлялось бюрократическим аппаратом из 12 тыс. человек, то к 1781 году эта цифра поднялась до 22 тыс., а к концу столетия едва не достигла 30 тысяч¹⁰⁵. Новое чиновничество привезло с собой и новые социальные практики. Учреждение каждой новой губернии сопровождалось разного рода праздничными мероприятиями — балами, маскарадами, музыкальными представлениями, оперными спектаклями, фейерверками и публичным чтением стихов¹⁰⁶. После этих торжеств светская жизнь в губерниях не заканчивалась, и местное общество съезжалось у губернатора. Каждые три года в губернаторском доме проводились съезды дворянских собраний, учрежденных Екатериной в 1775 году. Съезды эти происходили обычно в декабре или январе и сопровождались чередой балов и банкетов. Молодые люди в гостях у губернатора танцевали, играли в разные игры, флиртовали; дворяне постарше обсуждали литературу, искусство и даже политику. Некоторые губернаторы, располагавшие обширными книжными собраниями, открывали у себя дома род публичной библиотеки. Так поступил, например, Г.Р. Державин. Будучи в 1780-х годах тамбовским губернатором, он устраивал по четвергам

концерты, а по воскресеньям — танцевальные вечера. По торжественным дням организовывались театральные постановки. Довольно быстро губернаторские дома перестали быть единственным местом светского общения провинциальной публики, и местная знать также открыла для гостей двери своих домов¹⁰⁷.

Как и в столицах, в провинции театр занимал довольно значительное место в общей структуре дворянского досуга. Спектакли в основном игрались у губернатора; актерами были местные дворяне и чиновники. В 1787 году воронежский наместник В.А. Чертков создал театр под руководством князя Ухтомского; роли в этом театре исполняли представители местной знати, в том числе дети губернатора. Вскоре, однако, в Тамбове, Вологде, Калуге, Харькове и других городах любителей сменили профессиональные труппы, игравшие уже не в частных домах, а в специально отстроенных зданиях¹⁰⁸. В некоторых местах этот процесс начался еще раньше; так, в Ярославле уже в 1750 году функционировал частный театр Федора Волкова, существовавший только на средства от кассовых сборов. В 1760 году писатель и драматург М.И. Веревкин открыл театр в Казани. Зрительный зал этого театра, хоть и вмещал до 400 человек, зачастую бывал переполнен¹⁰⁹.

Несмотря на то что в провинции тогда не существовало ни академий, ни университетов, тамошняя публика не была совсем лишена интеллектуальных развлечений. Во множестве существовавшие семинарии ежегодно или раз в два года устраивали богословские диспуты, на которые съезжалась вся местная знать. Из учебных мероприятий, демонстрировавших выучку семинаристов, эти диспуты превратились в своего рода светские рауты — там читались стихи, исполнялась музыка и подавались угощения¹¹⁰. Кроме того, во второй половине столетия открылись публичные библиотеки в Туле, Калуге и Иркутске. Самой большой из них была иркутская библиотека, созданная в 1782 году на добровольные пожертвования и обслуживавшая посетителей бесплатно¹¹¹.

КЛУБЫ, КРУЖКИ И ОБЩЕСТВА

Как мы видели, русскую публику объединяли книги, салоны, театры, увеселительные сады, библиотеки и университетские аудитории. На протяжении XVIII столетия к ним прибавились разнообразные клубы, кружки и общества.

Первым клубом в России было, по-видимому, «Общество Нептуна», действовавшее в начале века в Сухаревской башне в Москве, где располагалась новообразованная Навигацкая школа. Об этом «тайном обществе» известно немного; в нем состояли царь Петр, князь А.Д. Меншиков, шотландский астроном и математик Генри Фаркюгарсон, оратором Общества был Феофан Прокопович, а возглавлял его Франц Лефорт. Точно не известно, чем занимались члены общества во время ночных собраний; считается, что они проводили научные эксперименты, подобно тому как это делалось в клубах «виртуозов», модных в то время в Англии¹¹². «Общество Нептуна» не вызвало подобной моды в России, и клубы стали здесь распространяться только в конце века¹¹³.

Один из первых клубов был основан в начале 1770-х годов Шустером, петербургским жителем из немцев. Этот клуб назывался Большой Бюргер-клуб и пользовался огромной популярностью; там встречались чиновники, русские и иностранные купцы, богатые ремесленники и люди творческих профессий. Клуб даже занимался благотворительностью: он установил пенсию для 150 нищих и стариков, а также оплачивал содержание и воспитание нескольких сирот¹¹⁴.

Около 1790 года П.И. Мелиссино образовал Филадельфическое общество, привлекавшее в основном столичную молодежь. Цели этого Общества до конца не прояснены; недоброжелательный наблюдатель утверждает даже, что его члены «предавались разгулу страстей»¹¹⁵. В 1783 году в Петербурге возник Американский клуб, наследовавший шуштеровскому. К 1800 году он насчитывал 600 членов. Кроме того, действовали танцевальные и музыкальные клубы. Самый знаменитый из них, основанный в 1785 году гробовым мастером по фамилии Уленглуг, предназначался для «нечиновных лиц мещанского и купеческого сословий» и просуществовал до середины XIX века. Второе танцевальное общество открылось в январе 1790 года. Городское музыкальное общество, созданное в 1772 году и включавшее 300 членов, все пять лет своей деятельности собирало многочисленную аудиторию на своих еженедельных концертах. Члены общества каждый год платили по 10 рублей. Эти средства частично шли на поддержание принадлежавшего обществу оркестра. Другое музыкальное общество, образованное через год после первого, давало концерты каждую субботу, а зимой ежемесячно устраивало балы и маскарады. 15 рублей, вносившиеся ежегодно каждым из 500 членов, тратились на оплату солистов, оркестра из

50 музыкантов и аренду помещения в доме петербургского полицей-мейстера Н.И. Чичерина. После закрытия этого общества в 1792 году три столичных богача, Демидов, Сикстель и Бланд, создали музыкальное общество, состоявшее из 400 человек. Действовало оно всего четыре года, но вскоре после его закрытия, в 1802 году, были заложены основы Филармонического общества¹¹⁶.

Наибольшей известностью в Петербурге пользовался Английский клуб. История его такова. В одной столичной гостинице, принадлежавшей некоему голландцу, периодически встречалась группа иностранцев. В 1770 году голландец вынужден был продать свое заведение, а завсегдатаи гостиницы встали перед необходимостью найти новое место для своих встреч. Один из них, английский купец Фрэнсис Гарднер, предложил товарищам образовать «особое, самостоятельное общество, или клуб». 1 марта 1770 года после единодушного голосования был образован Английский клуб с девизом «Concordia et Laetitia»¹¹⁷. Он включал в себя 50 членов, большинство из которых, как нетрудно догадаться, составляли англичане. Со временем Английский клуб стал одним из самых престижных заведений в России. Он просуществовал более века, и его членами были Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.М. Сперанский.

За первые четыре года количество членов Английского клуба выросло в четыре раза и следующие несколько лет оставалось на отметке в 250 человек. К 1780 году наплыв кандидатов стал так велик, что было решено принять еще 50 человек. С этих пор членство в клубе оставалось знаком высокого социального статуса. В Английский клуб, как и во многие другие столичные общества, входили англичане, немцы и русские. Среди них были драматург В.И. Лукин, историк И.Н. Болтин, писатель А.Н. Радищев, личный секретарь императрицы Екатерины А.В. Храповицкий, а также представители знатнейших русских родов — князя Голицыны, Юсуповы, Одоевские и Волконские, — хотя, конечно, большинство русских членов клуба носили не столь громкие имена. Быть членом Английского клуба могли только мужчины¹¹⁸.

После некоторых блужданий клуб поместился около Красного моста во дворце графини Скавронской. Аренда помещения стоила 1300 руб. в год. Члены клуба могли приходиться туда во «все часы дня и вечера». Они должны были, однако, покинуть помещение до полуночи, чтобы дворецкий и его помощники успели убраться и отдохнуть. В распоряжении членов клуба были читальня с русски-

ми и иностранными газетами, бильярдная комната и карточные столы (хотя все азартные игры строго запрещались). В буфете всегда имелся широкий выбор напитков; к тому же несколько раз в неделю в клубе подавался обед. Вечерами иногда устраивались торжественные приемы или балы¹¹⁹. По этой причине расходы на содержание клуба к 1800 году составляли 40 тыс. рублей в год (в 1770 г. эта сумма была в пять раз меньше). Необходимые средства обеспечивались в основном членскими взносами, выросшими в 1771—1795 годах с 15 до 50 рублей. Эти деньги, однако, не целиком шли на нужды клуба — начиная с 1772 года ежегодно часть из них жертвовалась в пользу бедных¹²⁰.

Учитывая значительное количество членов клуба и размах его финансовых операций, неудивительно, что возникла необходимость в создании устава из 12 пунктов. Согласно этому уставу, клубом управляли шесть начальствующих членов, избравшихся на шесть месяцев. Чтобы войти в клуб, кандидат должен был получить рекомендацию одного из действительных членов, который затем представлял его кому-нибудь из административного комитета. После этого имя кандидата и его рекомендателя в течение недели было вывешено в клубе на специальной доске, чтобы все члены успели навести справки о достоинствах своего будущего товарища. Каждый первый четверг месяца созывалось специальное собрание, рассматривавшее кандидатуры новичков. Необходимый кворум составлял 30 человек; решение выносилось простым большинством голосов. Из тех, кто не прошел эту процедуру, клуб имели право посещать только некоторые иностранные гости; чтобы оградить собрания от чужаков, членам клуба выдавались специальные карточки, служившие пропусками при входе¹²¹.

Установления клуба предписывали его членам «надлежащее» поведение — так, например, за попытку вынести из помещения клуба газету взимался штраф в 5 рублей. Кроме того, существовали механизмы разрешения споров между членами. В случае серьезного конфликта каждый его участник должен был выбрать одного или двух посредников. Посредники, рассмотрев суть дела, составляли вердикт, подлежащий неукоснительному исполнению. Массон, своим поведением оскорблявший общество, должен был быть исключен. Все постановления такого рода фиксировались в протоколах общества¹²².

Организации, аналогичные петербургскому Английскому клубу, создавались в конце XVIII века и в Москве. В 1790 году неко-

торое количество московских аристократов, купцов и иностранцев образовали собственный Английский клуб, располагавшийся сперва на Знаменке, а потом в доме князя Гагарина. Как и петербургское заведение, московский клуб предлагал своим членам пообедать в уютной обстановке, сыграть на бильярде или в карты, почитать или поболтать друг с другом. Этот клуб также обладал разработанной системой установлений. Он был закрыт в царствование Павла I²³.

Более удачно сложилась судьба московского Дворянского собрания, основанного М.Ф. Соймоновым и князем А.Б. Долгоруким на месте недолго просуществовавшего Дворянского клуба, возникшего за три года до того. Сначала члены собрания встречались в частных домах, затем у него появилось собственное здание со знаменитым Колонным залом, где каждый вторник тысячи представителей московского дворянства, от князей до вчерашних разночинцев, собирались на балы, концерты и маскарады²⁴. Повидимому, в Москве имели место купеческие клубы; был и Иностранный клуб, где 29 марта 1780 года давали концерт немецкий пианист и его жена²⁵. В Москве, кажется, существовали и сообщества гуляк — так называемый Еввин клуб, в начале 1790-х два года собиравшийся в Немецкой слободе. По словам мемуариста, входившие туда мужчины и женщины, принадлежавшие иногда к высшим слоям общества, еженедельно предавались «невиданному разврату»²⁶.

Клубы возникали и в провинции. В Кронштадте адмирал С.К. Грейг создал среди своих офицеров Морское общество, целью которого было «смягчение и улучшение нравов»²⁷. В сентябре 1792 года был основан ревельский клуб Согласия. Членами его были представители различных состояний, отличавшиеся примерной нравственностью. В клубе они могли читать газеты, играть в карты или на бильярде и принимать участие в балах, маскарадах и концертах. Детально разработанный устав регулировал все действия членов клуба — от избрания управительного комитета до выбора бальных туфель. Нарушители одного из тридцати трех правил платили штраф от 25 копеек до 25 рублей. Вырученные таким образом суммы поступали в пользу бедных²⁸.

Помимо клубов, существовало около дюжины ученых обществ и студенческих кружков, намеревавшихся улучшить общественное благосостояние через поощрение и пропаганду научных достижений. Первым и самым значимым в этом ряду было Вольное эко-

номическое общество, одно из самых старых в Европе. Его основали в 1765 году несколько влиятельных вельмож и ученых. Общество должно было способствовать развитию сельского хозяйства и экономическому подъему в стране. С этой целью Общество заказывало и выпускало в свет специальные отчеты, а также серию «Трудов...», выставлявших его идеи «на всеобщее рассмотрение публики»¹²⁹. Кроме того, Общество устраивало выставки и публичные лекции, содержало публичную библиотеку.

По примеру Вольного экономического общества создавались другие организации, ставившие своей задачей распространение знаний посредством печати. В 1768 году Екатерина учредила «Общество, старающееся о переводе иностранных книг» во главе с директором Академии наук В.Г. Орловым. Управлялось оно секретарем императрицы Г.В. Козицким. В деятельности Общества принимали участие такие видные литераторы, как Богданович и Я.Б. Княжнин. За пятнадцать лет своего существования оно выпустило более ста томов переводов. Круг переводимых авторов был очень широк — от древнегреческих писателей до современных французских философов.

Следуя высочайшему почину, Новиков в 1773 году основал «Общество, старающееся о напечатании книг», через год, однако, распавшееся. Затем возникло «Общество любителей наук», издававшее в 1778—1781 годах журнал «Санкт-Петербургский вестник»; в августе 1785 года второстепенный поэт и публицист Ф.В. Кречетов создал «Всенародно-вольное всему человечеству к благоденствованию общество». Оно включало около 50 человек и, по всей видимости, действовало вплоть до 1793 года, когда Кречетов был арестован на волне охранительных настроений, усилившихся в России после Великой французской революции. Несколько выпускников Московского университета и молодых чиновников, в числе которых был А.Н. Радищев, в 1784 году организовали в Петербурге «Общество друзей словесных наук». Его органом был журнал «Беседующий гражданин»¹³⁰.

Глава Общества М.И. Антоновский ранее возглавлял в Москве Собрание университетских питомцев, основанное в марте 1781 года и продолжавшее традицию студенческих обществ, заложенную еще в царствование Елизаветы. Собрание имело целью «исправлять испорченные склонности» студентов литературными упражнениями и поучительными речами, наставлявшими их быть полезными «любезнейшему отечеству». По словам одного из членов Собра-

ния, его участники должны были научиться «не только ... успевать в науках, но и жить по правилам благонравия»¹³¹. Довольно сильное влияние на деятельность этого Общества имел И.Г. Шварц, создатель «Педагогической семинарии» и «Дружеского ученого общества», которое видело свою задачу в интеллектуальном и нравственном просвещении российской публики вообще и своих членов в частности: «Сих различествующих друг от друга ... соединило между собой драгоценное употребление в пользу праздного времени, любовь к наукам и общее и частное благо»¹³². Деятельность Общества была довольно разнообразна — оно издавало книги, способствовало развитию новых для России научных дисциплин, поддерживало студентов, в том числе в финансовом отношении.

Фактически Дружеское общество существовало с 1779 года; торжественное его открытие состоялось в ноябре 1782 года в доме П.А. Татищева, покровителя Общества. Церемония, предварявшаяся выпуском специальной брошюры, привлекла широкую аудиторию, среди которой был московский генерал-губернатор и влиятельный масон З.Г. Чернышев¹³³.

Масонские связи Шварца, позволявшие ему находить знатных патронов для своего Общества, и его популярность среди студентов вызывали ревность университетского начальства. Куратор Московского университета И.И. Мелиссино увидел в начинаниях Шварца угрозу для своего детища — Вольного российского собрания, состоявшего из преподавателей и студентов университета и лично возглавлявшегося ректором. Вольное собрание было создано в 1771 году по примеру Французской академии для усовершенствования русского литературного языка. В его журнале — «Опыте трудов Вольного российского собрания...», выходявшем в 1774—1783 годах, среди прочих материалов публиковались некоторые важные исторические документы¹³⁴. Воспоминания С.А. Тучкова, состоявшего членом Вольного собрания, позволяют судить о некоторой престижности этого общества: «Таковое предложение [о вступлении в собрание], конечно, было лестно для самолюбия молодого человека, начинающего вступать в свет»¹³⁵.

Отрицательный ответ Шварца на предложение Мелиссино слить два конкурирующих общества только усилил все нараставшее недовольство университетской профессуры. В конце 1782 года Шварц вынужден был покинуть университет¹³⁶. Тем не менее Дружеское общество, преобразованное после смерти своего основателя в Типографическую компанию, просуществовало до 1791 года.

Вольное российское собрание, напротив того, распалось к 1784 году. Предпринятая Мелиссино в 1789 году попытка возобновить его под названием Общества любителей российской учености не увенчалась успехом¹³⁷.

Несколько ученых обществ образовалось и в провинции. Так, например, около 1788 года Е.А. Болховитинов, преподаватель семинарии и богослов, создал в Воронеже кружок, объединявший священнослужителей, студентов семинарии и представителей местного дворянства. Каждый из членов этого кружка наделялся прозвищем по имени кого-либо из прославленных итальянских монархов. Встречи кружка сопровождалась застольями, но зачастую там обсуждались серьезные философские и научные труды. В 1798 году кружок Болховитинова способствовал учреждению воронежской типографии, следующие два года исправно выпускавшей разнообразные книги¹³⁸.

В 1759 году архангельский историк, этнограф и книготорговец А.И. Фомин (позднее входивший в Вольное экономическое общество) вместе со своим коллегой В.В. Крестининым основал первое в России историческое общество. Оно существовало девять лет, и за это время его члены собрали множество исторических документов. Часть из них была затем передана ботанику академику Лепехину, приехавшему в Архангельск в 1771 году¹³⁹.

Была еще одна категория профессиональных сообществ. К ней принадлежало, например, Коммерческое общество, организованное в 1784 году петербургскими купцами. Как и Английский клуб, это Общество предоставляло своим членам возможность обсуждать торговые дела или просто отдыхать в уютной обстановке в фешенебельном доме на Английской набережной. По своему престижу это Общество почти сравнялось с Английским клубом¹⁴⁰. Кроме того, в столице существовали еще два купеческих клуба — английский и немецкий. Про них известно только то, что каждую зиму они давали балы¹⁴¹.

В июне 1775 года 14 столичных жителей во главе с Иоахимом Гротом, настоятелем церкви Св. Екатерины на Васильевском острове, основали «на смертные случаи общество» — нечто вроде страховой компании¹⁴². Туда принимались «всякого звания люди» в возрасте от 20 до 40 лет, «выключая служащих на войне». За несколько месяцев количество членов Общества выросло до 100; к 1780 году в него вступило более 250 человек¹⁴³. Среди них было несколько представителей господствующих классов, вроде графа

Р.И. Воронцова и сергиевского протопопа Василия Музовского, но большинство относилось к купеческому или чиновничьему сословию. В рядах Общества состояли серебряных дел мастера, парикмахеры, придворные музыканты, торговцы, академики, профессора, актеры и книгопродавцы. В Общество вошли две дюжины супружеских пар, в том числе знаменитый актер И.А. Дмитревский с женой А.М. Дмитревской (урожденной Мусиной-Пушкиной), одной из ведущих русских актрис. Состояли в Обществе и одинокие женщины, как, например, вдова придворного зубного врача. Около двух третей членов были иностранцы¹⁴⁴.

Вступительный взнос в этом Обществе составлял 10 рублей. По смерти одного из членов остальные платили еще по 2 рубля, и эти деньги шли наследникам покойного¹⁴⁵. Всеобщим голосованием избирались «настоятели», в свою очередь назначавшие помощника, и рассыльные из числа членов, чьи «трезвость, верность, честность» не вызывали сомнений. За нарушение устава полагались денежные штрафы; собранные таким образом средства жертвовались в пользу бедных¹⁴⁶. Чтобы отвлечь от себя подозрения в хитроумном мошенничестве, Общество извещало публику о своих целях и действиях. Его устав был опубликован; регулярно печатались списки членов Общества и объявления о предстоящих собраниях. Об их результатах публика извещалась через «Санкт-Петербургские ведомости»¹⁴⁷.

* * *

На протяжении многих столетий европейцы, посещавшие Россию, пытались объяснить разительное отличие русского социального устройства, политической системы и культурной жизни от европейских моделей. Самая известная попытка в этом роде была предпринята маркизом Астольфом де Кюстином, автором «России в 1839 году». Кюстин описывает страну, задавленную гнетом самодержавия; в подтверждение своего взгляда он ссылается на тот факт, что в Петербурге нет многих привычных для Европы социокультурных институций — кофеен, где образованная публика могла бы свободно обсуждать последние новости, или регулярно выходящих газет и журналов, которые предоставляли бы свои страницы для политических дискуссий¹⁴⁸.

Книга Кюстина в течение последующих полутора веков определяла европейский взгляд на Россию. Еще в середине 1950-х го-

дов сотрудники американского посольства в Москве искали в этой книге разгадку «непостижимой русской души». Каждый, кто был в России, знает, что многие горькие истины, сформулированные Кюстином, верны; однако даже такая благожелательная читательница его сочинения, как Ирена Грудзинска Гросс, находила там многочисленные штампы и передержки, обусловленные откровенной русофобией автора. По ее мнению, Кюстином двигало не столько желание понять Россию, сколько потребность реабилитировать в собственных глазах послереволюционную Европу. Сконструированный Кюстином образ России позволял вернуть Европе потерянный было после Великой французской революции облик цивилизованного сообщества, а обвинения в варварстве переадресовать жителям деспотической восточной державы¹⁴⁹.

Как бы точен ни был Кюстин в своих описаниях, его взгляды на положение дел в России диаметрально противоположны тем, что господствовали в XVIII веке. В «век Екатерины» происходил расцвет русской образованной публики — автономной общественной страты, единство которой обеспечивали выходящие в России книги, создававшиеся театры и салоны, клубы и общества. Существование этой страты необходимо ставит вопрос о том, каким образом она соотносится с аналогичными явлениями европейской социальной жизни. К сожалению, сравнительная история гражданского общества в Европе еще не написана, и окончательного ответа на данный вопрос нет, — тем более что существующие исследования главным образом сосредотачиваются на концепте «гражданского общества», но не рассматривают конкретные механизмы его реализации¹⁵⁰.

Тем не менее представляется возможным обозначить основные отличия русской просвещенной публики от аналогичных страт в западноевропейских государствах. Во-первых, в Европе намного интенсивней происходит развитие культурных институций; соответственно намного больше людей оказывается затронуто их деятельностью. В Лондоне в XVIII веке в ночные клубы ежевечерне приходило около 20 тыс. человек; орден вольных каменщиков располагал во Франции примерно тысячей лож; в Германии существовало около 50 академий, литературных и ученых обществ¹⁵¹. Эти цифры, однако, не означают превосходства Европы над Россией. Согласно таким авторитетным теоретикам, как Адам Фергюсон или Монтескье, гражданское общество представляет собой узкую группу лиц, объединенных взаимным доверием, то есть лично знако-

мых между собой¹⁵². Нетрудно заметить, что этому определению отвечает скорее русская публика, чем западноевропейская.

Во-вторых, в России складываются непривычные для Европы отношения между обществом и государством. Вообще говоря, гражданское общество предполагает разграничение публичной и частной сфер социального существования. В России оно наметилось при Петре I и Екатерине II. Однако эта тенденция не была достаточно сильной, и на протяжении XVIII века границы между обществом и государственным аппаратом оставались в высшей степени призрачными. Как уже неоднократно отмечалось, отправление властных функций в России по большей части было делом частного волеизъявления уполномоченных лиц, а не формализованной бюрократической процедуры. Джон Ле Донн называет этот процесс «присвоением коллективной власти». Вследствие такого присвоения наделенные властью и влиянием вельможи становились средоточием русской общественной жизни. Показателен в этом отношении, например, тот факт, что дававшиеся Шереметьевыми в Москве и в Кусково частные представления составляли ощутимую конкуренцию профессиональным театрам¹⁵³.

Согласно идее Э. Виртшафтер, неразличение частного и публичного, общественного и государственного вообще характерно для русского общества, в принципе не знающего «четких границ», будь то границы между городом и деревней или между разными социальными слоями¹⁵⁴. Однако их не было и в Европе. Как справедливо отмечает Э. Селигман, гражданское общество XVIII столетия первоначально возникало как поле «социальной смежности». Оно было открыто для всех обеспеченных мужчин и женщин, получивших хорошее воспитание и составлявших культурную элиту. Оппозиционность общества по отношению к государству, столь важная для XIX века¹⁵⁵, не была столь значима в эту эпоху. Вообще говоря, данный критерий диктуется восходящей к Токвилю историографической парадигмой, которая связывает зарождение гражданского общества с подъемом среднего класса, утверждающего свои права в борьбе с существующей государственной системой. Исследования, использующие эту парадигму, относят зарождение русского гражданского общества к концу XIX века¹⁵⁶.

Принципиальный характер имеет и вопрос о роли женщин в русском обществе XVIII века. Историки европейского Просвещения спорят о том, способствовало ли оно женской эмансипации или, наоборот, ограничило свободу женщины и ее социальную ак-

тивность. Для России этот вопрос решается однозначно — возникновение благовоспитанного общества впервые позволило русским женщинам принимать участие в публичной деятельности¹⁵⁷. Женщины вместе с мужчинами участвовали в культурной, интеллектуальной и общественной жизни, посещали салоны, танцевали на балах, смотрели спектакли, гуляли в увеселительных садах и беседовали в клубах. Это относится не только к таким исключительным фигурам, как императрицы Елизавета и Екатерина или княгиня Дашкова, но и ко многим менее знаменитым русским женщинам. Так, поэтесса Е.А. Княжнина в довольно нежном возрасте уже публиковала свои сочинения на страницах литературного журнала «Трудолюбивая пчела», издававшегося ее отцом, А.П. Сумароковым; позднее, выйдя замуж за драматурга Я.Б. Княжнина, она стала хозяйкой популярного в Петербурге литературно-артистического салона. Писательница, поэтесса и переводчица М.В. Храповицкая-Сушкова входила в херасковский кружок и публиковалась в нескольких периодических изданиях. Актриса А.М. Дмитриевская входила в петербургское «на смертные случаи общество»¹⁵⁸. Эти примеры не означают, однако, что женщины имели равные с мужчинами права и возможности. Их, в частности, не допускали в некоторые общества, в том числе в масонский орден. Более того, растущая самостоятельность и социальная активность женщин вызывала некоторый общественный протест. Следы его находят в фонвизинском «Недоросле», где домашнее самовластие Простаковой осуждается, как можно предположить, с точки зрения традиционных патриархальных ценностей. Однако эта позиция не была господствующей; П.С. Свистунов, например, опубликовал в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» (1759—1760) серию статей в защиту женского образования¹⁵⁹. Подводя итог, можно сказать, что с развитием светской жизни вопрос о месте женщины становился наконец предметом публичного обсуждения, в котором участвовали не только мужчины.

Существование гражданского общества в России XVIII века, какой бы малозначительной ни казалась эта страта, должно учитываться при исследовании русского масонства. Масонами были многие посетители салонов и театров, члены светских клубов и ученых обществ, подписчики журналов и клиенты книгопродавцев. Высокие степени в орденской иерархии занимали хозяева известных салонов — Херасков, Щербатов и Шувалов. С.К. Грейг, основатель Морского общества в Кронштадте, состоял в ложе Непту-

на, получил там степень мастера, а в 1780-х годах некоторое время был даже Великим мастером. П.И. Мелиссино, перед тем как основать Филадельфическое общество, создал в Петербурге ложу Молчаливости, где в 1770-х годах он также был Великим мастером. Членом этой ложи Мелиссино оставался по крайней мере до 1787 года. Там же в 1786—1787 годах состоял его брат, И.И. Мелиссино, основатель Вольного российского собрания. Важную роль в русском масонстве играли видные члены Дружеского ученого общества Шварц, Новиков и П.А. Татищев; А.И. Фомин, один из основателей исторического общества в Архангельске, состоял офицером ложи Св. Екатерины, а в 1787 году способствовал учреждению ложи Северной звезды. Самый характерный случай представляет собой Английский клуб в Петербурге — в первое десятилетие его существования подавляющее большинство членов клуба были масонами¹⁶⁰.

Хотя масоны были полноценными членами русского просвещенного общества и разделяли с ним разнообразные культурные практики и формы социальной активности, членство в ордене представляло особую сторону их жизни. Причастность к международному масонскому братству по своей символической значимости была несоизмерима с членством в ученом обществе, не говоря уже про посещение балов или увеселительных садов. Причин тому несколько. Во-первых, как показал наш анализ масонского быта, братья придавали огромное значение процессу индивидуального самосовершенствования. Во-вторых, символическими значениями наделялся сам институт ложи и ордена вообще, и каждый из братьев, посещая вместе с непосвященными парки или университетские аудитории, чувствовал себя носителем высшей, хоть и скрытой, истины.

Глава 3

УБЕЖИЩЕ ДОБРОДЕТЕЛИ, ХРАМ ПРЕМУДРОСТИ

...и тот в чувстве радостного отличия своего отдался от толпы мира, сказать может: я доволен.

МАСОНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В одном масонском документе говорится:

Масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидит и не преследует, и цель его может определиться так: изгладить между людьми предрассудки каст, условных различий происхождения, мнений и национальностей; уничтожить фанатизм и суеверие ... споспешествовать всеми силами общему благу и сделать таким образом из всего человеческого рода одно семейство братьев, связанных узами любви, познаний и труда¹.

Как видно из этих строк, любовь к ближнему была одной из главных заповедей масонской этики. Так, «Общие законы свободных каменщиков» повелевали иметь «искреннюю любовь ко всем людям»; «Истолкование Устава, или правил» гласило: «всякое существо страждущее и воздыхающее имеет священное над тобою право». Там же приводилось «золотое правило»: «Люби ближнего своего как самого себя». Истинный масон не признавал разделявших человечество границ и везде чувствовал себя как дома: «Все-ленная есть отечество каменщика, и из принадлежащего человеку для него нет ничего чуждого»².

Давно отмечено, что эти лозунги имели в предреволюционной Европе вполне актуальное политическое звучание и фактически обозначали протест против традиционных государственных и ре-

лигиозных институтов. Тем не менее нельзя усматривать в масонских декларациях осуждение любых форм социального неравенства. Евангельские заповеди не мешали вольным каменщикам приписывать себе превосходство над непосвященными; поэтому и двери ордена никогда не были открыты для всех желающих. Приходится признать, что, несмотря на «искреннюю любовь ко всем людям» и своеобразный духовный космополитизм, вольные каменщики утверждали собственные принципы иерархического членения общества.

В основе масонской схемы социального устройства лежало противопоставление ордена всему, что находилось за его пределами. Как мы уже видели, в XVIII веке масонские ложи представляли собой одну из многочисленных форм функционирования новообразовавшегося гражданского общества; в этом смысле организация вольных каменщиков стоит в одном ряду с салонами, студенческими кружками и экономическими ассоциациями. Своеобразие ордена обуславливалось избранной им моделью взаимоотношений с внешним миром. Согласно концепции масонов, орденские ложи служат островками добродетели в мире, исполненном грехов и пороков. В «Истолковании...» говорится, что изначальное равенство исчезло, когда одни люди подчинили себе других³. Ложи не должны были быть «в обществе заключенными и неизвестными; но когда насилие, хитрость и злость преодолели», праведники вынуждены были скрыться и учредить тайное братство⁴. Остальных людей масоны именовали «профанами» или «непросвещенными». Считалось, что они живут в плену своих страстей и заблуждений, и каждый из них являет собой «дикий камень». Вместе они образовывали «толпу ... профанских, в тме бродящих»⁵. Сталкиваясь с «естественным, неочищенным человеком», вольный каменщик обязан «подать ему собою хороший пример, и не должен никогда его презирать»⁶. Нравственное превосходство должно было сделать масона «почтенным в глазах непосвященных»⁷.

Принципы, управлявшие деятельностью лож, совершенно исключали их из греховного и суетного мира. Масонская ложа служила «убежищем добродетели» и школой истины. Она представляла собой «величественное здание, определенное для укрепления весьма ослабленных союзов человечества и нравственности»⁸. Само пространство ложи становилось сакральным; уставы запрещали устраивать масонские собрания «в трактире или в другом каком либо публичном месте» и обсуждать дела ордена «в публичных со-

браниях, или на улицах»⁹. И так, братство вольных каменщиков было жестко отделено от остального общества. Не отвергая его законов, масоны не позволяли им действовать внутри лож. «Общие учреждения свободных каменщиков» гласили: «Но берегись вводить в храмах наших льстивыя отличности, нами непринимаемыя, остави твои достоинства и знаки любочестия за дверями а входи к нам с спутницами токмо твоими, с добродетелями. Какое бы твое светское звание не было, уступи в ложах наших добродетельнейшему, просвещеннейшему»¹⁰. «Общие законы свободных каменщиков» предписывали: «Уважай законные степени общества: в храмах наших мы не знаем никаких, кроме тоя, которая есть между добродетелию и пороком. Берегись вводить какую либо светскую отмену, могущую нарушить равенство, и не стыдись пред посторонними людьми честного человека, которого ты лобызал как брата между нами»¹¹.

Тем не менее надо отметить, что, подобно многим другим обществам, масонский орден принимал в свои ряды только людей образованных и обеспеченных, а для «черни» его двери были закрыты. «Магазин свободно-каменьщической», собрание масонских «речей ... песен, писем ... и других ... кратких писаний», вышедшее в 1784 году, утверждает следующее: «Подло и несправедливо судить о масонских ложах как о слабой и бессмысленной черни. ... ложи Каменьщиков никому, кроме черни, не затворены. Закрывая двери свои от слабых, злых и порочных, отверзают они их без различия мужам заслуженным и знатым, а особливо добродетельному»¹². Согласно орденским правилам, лица, не обладавшие личной свободой (например, крепостные), могли допускаться в ложи только на правах прислуживающих братьев¹³.

Кроме того, в орден, изначально представлявший собой исключительно мужскую организацию, не принимались женщины (за несколькими важными исключениями). Обосновывалось это тем, что женщина отвлекала бы каменщиков и ослабляла бы соединявшие их братские узы. Новопосвященным братьям сообщалось: «Правда, здесь в собраниях наших мы присутствия их лишаемся, дабы приманчивая их красота не учинила нас соперниками, и не произвела ревности и раздора»¹⁴.

Это рассуждение исходит из представления о слабости человека, не позволяющей ему преодолеть телесное влечение к женщине и вынуждающей его ради духовного спокойствия отказываться от женского общества. Подобный взгляд выражен и в других ма-

сонских текстах. Так, в одной песне говорится: «Признай, и будь согласна с нами, / Ты нежная любовь, / Что ты владеешь над сердцами, / Вспаляя нашу кровь»¹⁵. Кроме прочего, здесь можно увидеть извечный мужской страх перед женщиной, способной свратить человека с истинного пути. В той же песне говорится, что, если бы Самсон был вольным каменщиком, он никогда не поддался бы на обман Далилы. Из этого, однако, легко заключить, что масоны не столько боялись невинных женских чар, сколько подозревали женщин в сознательной злонамеренности.

Отсюда проистекает и другое объяснение данного запрета. В некоторых масонских сочинениях утверждается, что женщина непригодна для масонской деятельности. В 1781 году Новиков поместил в «Московском ежемесячном издании» перевод анонимной речи, произнесенной, по всей видимости, в какой-то английской ложе. Там говорилось: «По окончании упражнений соединяемся для изливания веселия сердец наших без всякого притворства. Здесь нет между нами ни *болтунов*, ни *клеветников*, или злословящих; работа наша посвящена *тишине*. А посему и можем мы сказать в фигуральном смысле: она производится в тайных местах, в которых никогда не поет петел, глас раздору не достигает в оныя; а шум, крик и необузданный гнев женщин никогда не слышится»¹⁶. Согласно этому тексту, женщины неспособны к духовному просвещению и перерождению.

Осмелимся утверждать, что положения масонских уставов, запрещавшие женщинам участвовать в ордене, соответствовали более или менее бессознательному желанию мужской части русского общества противостоять резкой социальной экспансии женщин в послепетровские времена. Однако доказательств этому почти нет. В документах вольных каменщиков (уставах, описаниях ритуалов, письмах и речах) истинные масоны противопоставляются не столько женщинам, сколько другим мужчинам. Расстояние, отделяющее масона от женщины, может быть преодолено; между вольным каменщиком и непосвященными лежит пропасть. В одной адоптивной ложе, объединявшей мужчин и женщин, бытовала такая песня: «Дружба среди обычных людей — просто тень или одеяние. У нас это чувство, крепкое и искреннее»¹⁷.

Интересно и символическое соотношение масонских лож с традиционными государственными и религиозными институциями. Вольные каменщики не отрицали необходимости этих институций; считалось, однако, что они не способны предоставить всех

знаний и навыков, нужных для духовного самосовершенствования. Перед посвящением в орден кандидата спрашивали, искал ли он добродетель в «религии и гражданских узаконениях»¹⁸. Желавший вступить в орден как бы признавал, что «мирские» институции не способны помочь ему в его духовных исканиях. Таким образом, орден оказывался главным, если не единственным, прибежищем мудрости и добродетели. Сами масоны именовали себя «всемирным сообществом добродетельных душ» и «высокопочтеннейшим братством»¹⁹.

Автономность ордена подчеркивалась и семиотическими средствами. Был выработан так называемый «масонский язык» — ряд слов и оборотов (вроде метафоры «дикого камня»), складывавшихся в устойчивую систему эзотерического словоупотребления²⁰. Кроме того, существовал набор масонских иероглифов, а также специальные жесты (в том числе знаменитые рукопожатия), помогавшие братьям опознать друг друга вне ложи. При этом каменщики не боялись привлечь к себе внимание; масонские знаки должны были наглядно показать непосвященным символическую границу между суетным миром и тайным братством истинных праведников²¹.

Принимая в орден нового члена, масоны прежде всего заботились, чтобы он не мог своим поведением скомпрометировать братство. В одной из уставных грамот прямо говорилось: «Ищущий, на которого жалоба была всенародна, или перед судом, в том, что он особливые мнения в чистом христианском учении имеет, или таковой, о котором идет слух, что он учинил грубые и бесчестные преступления, или человеческие пороки, тот исключается из ордена и чрез единой черной бал». От кандидата требовались доказательства «доброго его жития» и хороших «качеств»²². В августе 1783 года чиновник Иван Ашитков, которого Иван Херасков рекомендовал ложе Золотого ключа в Перми, заслужил единогласное одобрение братьев благодаря «доброму своему поведению»²³. Этот критерий был настолько важен, что вольные каменщики иногда пренебрегали возрастным ограничением (запрещавшим принимать в орден сыновей масонов до 21 года, а всех остальных до 24) ради кандидатов «мужественного и благонравного поведения»²⁴. Даже шведская система, введенная в России в 1770-х годах и уделявшая большое внимание происхождению братьев, признавала все-таки, что личная добродетель важнее благородного рождения. Так, князь А.Б. Куракин, рекомендуя в 1777 году вышестоящим братьям в Стокгольме одного английского купца, писал: «...хотя г. Егер состо-

яния не знатного ... добронравие его всем известно и ... он может в том нам поспособствовать, чтобы английскую ложу, более прочих здешних лож благоустроенную, к себе преклонить, коей и члены весьма почитаются и братству много чести доставят»²⁵.

Основные положения масонской этики сформулированы в песне, пользовавшейся популярностью среди русских братьев:

Если честности кто знает,
 Всегда правду наблюдает,
 Притом скромн любит жить,
 Тот масоном может быть.
 Кто друзей не облыгает
 И законы дружбы знает,
 Тщится правдой с другом жить,
 Тот масоном может быть.

...
 Тот, кто бедным помогает
 И от бед их защищает,
 Добродетели хранит,
 Тот масоном может быть²⁶.

Процедура принятия в масоны символически оформлялась как переход из хаотичного и суетного мира в братство праведников и обладала всеми чертами инициационных обрядов, обозначающих, по словам Мирчи Элиаде, «коренную перемену онтологического состояния или общественного статуса»²⁷. Мекленбургский дворянин и влиятельный масон барон Г.Я. Шредер, поступивший в начале 1780-х годов на русскую службу, писал в своих записках, что из всей его жизни только три события достойны упоминания — рождение 8 июля 1757 года, вступление в ложу Трех звезд в Ростке 17 февраля 1776 года и посвящение в мастерскую степень 8 апреля 1778 года — «важный год в моей истории»²⁸. Крайний случай в этом смысле представляет собой судьба И.М. Стражева. Это был крепостной М.И. Веревкина, принятый при содействии своего господина в могилевскую ложу Геркулеса в Колыбели и получивший фамилию по отправлявшейся им масонской должности стража. Затем Стражев получил вольную и занялся торговлей в Витебске; для него вступление в орден в буквальном смысле стало началом новой жизни²⁹.

Вступительный ритуал метафорически воспроизводил духовный путь человека, пришедшего к масонству³⁰. Сначала будущего масона вели в тесную и темную каморку — «темную» или «черную храмину», символизировавшую непросвещенный мир. Там челове-

ка оставляли в одиночестве и с повязкой на глазах, обозначавшей «естественную нашу слепоту и невежество». Лишенный возможности воспринимать окружающее, он должен был «взор свой обратить внутрь себя»³¹. Кроме того, новоиспеченный масон снимал с себя верхнюю одежду и отдавал все имевшиеся у него металлические предметы (деньги, драгоценности, медали), обозначая тем самым отказ от «льстивых отличностей» суетного света.

После этого будущего брата все ближе и ближе подвели к священному средоточию ложи, к свету, озарявшему все деяния вольных каменщиков и проникавшему в сердце каждого масона. Однако символическая дистанция между ложей и внешним миром была очень велика, и путь к свету лежал через несколько промежуточных стадий.

В начале вступительной церемонии — так называемого «путешествия» — человек назывался «кандидатом», затем он становился «ищущим», «страждущим», «требующим» и, наконец, «братом». Каждой из этих градаций соответствовало особое пространство. Войдя в темную комнату, «кандидат» нарекался «ищущим»; выйдя оттуда и пройдя через преддверие ложи, он обретал статус «страждущего». Войдя в ложу, «страждущий» три раза обходил ее по кругу, изображая постепенный путь души к добродетели. Потом он подходил к алтарю и приносил клятву. Но и тогда на его глазах оставалась повязка, а сам он стоял в стороне от прочих братьев. Чтобы войти в их число, он должен был увидеть свет, но и это ему позволялось сделать лишь постепенно. Сначала «страждущему» показывали только «слабый свет»: ему развязывали глаза и ставили перед алтарем, на котором горела всего одна свеча. Затем ему снова надевали повязку, зажигали сразу много свечей, повязку снимали, и «страждущему» наконец открывался «полный свет». На этом завершался обряд посвящения, и человек, преодолевший «естественную ... слепоту и невежество», становился полноценным членом просвещенного масонского братства, «которое известно по добродетели, дружбе, верности и честности»³².

Действительно, братские узы вольных каменщиков скреплялись взаимными обязательствами. Каждый масон, где бы он ни находился, согласно «священному закону» мог рассчитывать в случае нужды на помощь собратьев по ордену. Пройдя обряд посвящения, новоиспеченный масон сразу же становился полноправным звеном в «цепи соединенных сердец»; все вольные каменщики были связаны в «священный узел», вне зависимости от националь-

ности, конфессиональной принадлежности или общественного положения³³.

Концепция масонской ложи как «храма истины» соответствовала, вообще говоря, общим трансформациям русского социального поля в XVIII веке. Именно в эту эпоху роль «убежища добродетели» стали выполнять относительно замкнутые и малочисленные социальные образования, вроде салона или литературного кружка. Посетители этих салонов и кружков, подчеркивая свое духовное и социальное единство, противопоставляли себя придворным карьеристам-льстецам и великосветским пустомелям, прожигавшим жизнь за карточным столом или в бессмысленной болтовне³⁴. Из этого противопоставления вырастает и свойственная дворянам XVIII века идеализация сельской жизни. К концу века возникают даже представления о нравственном превосходстве неразвращенных и чистых крестьян над порочной и суетной столичной знатью.

СТЕПЕНИ И СИСТЕМЫ

Несмотря на все вышесказанное, иерархический принцип, диктовавший деление общества на «профанов» и «посвященных», действовал и внутри лож. Существовало несколько масонских степеней: ученическая, товарищеская и мастерская. Каждая степень обозначала определенную стадию на пути духовного самосовершенствования. Масон, только недавно поступивший в ложу, находился на низшей ступени и назывался «КАМЕНЬ НЕОТЕСАННЫЙ». В следующей степени он был уже «КАМЕНЬ, ОТЕСАННЫЙ КУБИКОМ, или к ПОЛОЖЕНИЮ В ЗДАНИЕ ГОТОВЫЙ», а затем — «ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ, то есть ПЛАН ЗДАНИЮ»³⁵. Степень, в которой находился каждый брат, можно было безошибочно узнать по его одеянию и специальным значкам. От этой степени зависело, на какие собрания этот масон имеет право приходить; обладатель мастерской степени мог посещать собрания всех степеней. Знаком данной привилегии был специальный ключик из слоновой кости, который мастера носили на шее³⁶. Посвящение в две первые степени, согласно Общим законам, стоило в два раза меньше, чем посвящение в мастера, — 15 рублей вместо 30³⁷. Более того, уставы предписывали масонам почитать и слушаться обладателей высшей степени, дальше прошедших по пути к добродетели и способных многому научить младших братьев³⁸.

Высшие степени, однако, были сопряжены с большой ответственностью. Получив товарищескую степень, масон клялся «умножать ревность и внимание», проявленные им в роли ученика. Взамен обычной ученической лопатки, которую он носил прежде, «товарищ» получал «полированную лопатку» в знак того, что теперь его работа «должна быть благороднее ученической»³⁹. Новоиспеченному мастеру вручалась «златая лопатка» и пара белоснежных перчаток, символизовавших «непорочную и чистую» совесть и напоминавших о необходимости неукоснительно хранить эту чистоту. Как говорится в масонских бумагах, «должен и свободный каменщик мастер от прочих людей в добродетелях и знаниях отличиться»⁴⁰.

Помимо иерархии степеней, существовала иерархия масонских должностей. Во главе ложи стоял Великий мастер. Символический статус его был так высок, что братья не имели прямого доступа к Великому мастеру, а сообщались с ним либо через Наместного мастера (буде таковой имелся), либо через двух Надзирателей. «Образование ложи» начинается с Великого мастера, двух Великих надзирателей; секретарь и ритор «исправляют ложу», а для составления «совершенной ложи» требуются все семь офицеров⁴¹. Каждый из них имел особые знаки отличия⁴².

Существовали и некоторые дополнительные разряды масонов, не предусмотренные описанной выше иерархией. С одной стороны, это были прислуживающие братья, фактически занимавшие самую низшую ступень в структуре ложи. С другой стороны, ложа могла иметь «почтенных [т.е. почетных] членов» из числа авторитетных и уважаемых людей. Кроме того, в ложу мог прийти «посетитель» — вольный каменщик из другой ложи. В то время как посещение других лож не запрещалось и часто даже приветствовалось⁴³, масоны предпринимали серьезные усилия, чтобы обезопасить себя от нежеланных гостей, главным образом «профанов». Каждого посетителя ложи обрядоначальник и ритор экзаменовали на знание масонских таинств. Если они обнаруживали «обманщика», то ему предлагалось немедленно уйти во избежание «неприятных следствий»⁴⁴.

Однако опасались не только обманщиков, но и так называемых «несправедливых вольных каменщиков». Этим термином обозначались приверженцы враждебных направлений внутри масонства. Братья, принадлежавшие к каждой масонской системе, считали себя представителями единственно «истинного» масонства; ложи

других систем объявлялись «несправедливыми», а их члены — «ложными» масонами⁴⁵. Идеологическая и организационная пестрота была характерна для ордена почти с самого его возникновения. Дробление масонства продолжалось и в XVIII веке, в том числе и в России, где различные масонские системы оспаривали друг у друга преимущественное влияние. Хотя история этой борьбы подробно описана⁴⁶, механизм символического деления ордена на «истинное» и «ложное» масонство (соответствующий некоторым общим закономерностям масонской идеологии) остался неотрефлексированным.

Прежде всего необходимо отметить, что различия между соперничавшими масонскими системами были не так велики, как принято думать. Во-первых, все системы, представленные в России, — от «английских» лож двух Елагиных союзов до «шведских» лож и розенкрейцеров — предполагали существование высших масонских степеней, следовавших за тремя низшими. Во-вторых, все они имели иерархическую структуру; во главе каждого союза стояла одна или несколько лож, обладавших высшей властью. В-третьих, в каждой системе управляющие ложей составлялись из обладателей высших степеней, которым к тому же принадлежало исключительное право посвящать в эти степени.

Итак, обвинения конкурирующих систем в «нечестии» обуславливались не столько действительными расхождениями, сколько общей потребностью в символическом отграничении узкого круга избранных от греховного мира. В этой системе масонство должно было обладать монополией на истину. Множественность ответвлений ордена ставила эту монополию под сомнение; естественно поэтому, что каждая из масонских систем объявляла себя единственной.

Именно так поступали ложи первого Елагина союза, существовавшего в начале 1770-х годов и входившего в английскую систему. Членам этих лож позволялось посещать только другие ложи того же союза. Братья из ложи Урании клялись сохранять верность своему Великому мастеру, никогда не вступать в ложи других союзов и даже не посещать их⁴⁷. Этот запрет распространялся даже на ложи, близкие к Елагину союзу⁴⁸. Вообще говоря, установление жесткой внутренней дисциплины было для масонских начальников важнее, чем борьба с чуждыми (а на поверку не столь чуждыми) влияниями. Так, на собрании ложи Урании 19 февраля 1774 года В.А. Пашкевич вынужден был приносить извинения за

то, что он побывал в недавно созданной ложе Равенства. Парадокс состоял в том, что эта ложа не принадлежала ни к какой конкурирующей системе, а запросила масонскую конституцию у Великой Провинциальной ложи, стоявшей во главе Елагина союза⁴⁹. Однако пока конституция не была получена, эта ложа представлялась членам союза потенциально враждебной.

Надо сказать, что не все чуждые системы казались братьям одинаково опасными. Запреты, действовавшие в Елагинском союзе, были в основном направлены против рейхелевых лож так называемого «слабого наблюдения», создававшихся с 1771 года и ассоциированных с берлинской ложей графа Циннендорфа⁵⁰. Барон Рейхель, возглавлявший русские ложи этой системы, предполагал сначала присоединиться к Елагину союзу, но получил отказ. До середины 1770-х годов рейхелевы ложи испытывали некоторые затруднения, но потом сумели вызвать приток новых братьев, увидевших в новой системе «истинное масонство»⁵¹. Этой тенденции и пытались противостоять начальники Елагина союза. Показательны в этом отношении протоколы собраний ложи Урании. Из них видно, что рейхелевы братья, желавшие вступить в эту ложу, должны были в письменном виде отречься от своих бывших товарищей и начальников; любой желающий посетить Уранию должен был представить доказательства своей приверженности всему Елагину союзу. Тем не менее, когда приверженцы Елагина начали целыми ложами переходить в рейхелеву систему, его поражение стало очевидным. Сам Елагин в конце концов тоже вынужден был вступить в рейхелеву ложу⁵².

Верхушка второго Елагина союза, образованного в 1786 году, не менее последовательно охраняла чистоту «истинного масонства». Входившие в этот союз вольные каменщики обязаны были извещать своих начальников о любой ложе другой системы, где их «почтенные работы ... профанируются»⁵³. Так произошло в 1787 году, когда члены ложи Совершенного согласия ввели неизвестную елагинской системе восьмую степень. Это встревожило членов лож Урании и Скромности, которые 25 февраля 1787 года написали длинную жалобу Елагину. По их мнению, эти нововведения не предполагаются «правильным и настоящим масонством» и «грозят целостности масонского ордена». Авторы записки полагали, что в новой ложе «злоупотребляют неопытностью новичков масонов, и, за деньги, или из достойного порицания честолюбия, возвышают их будто бы в высшие степени, чрез что обманывают их и навлекают

великий ущерб достоинству ордена»⁵⁴. Особенно составителей письма тревожило тщеславие новоиспеченных братьев восьмой степени, отнявших первенство у членов елагинских лож и считавших себя единственными обладателями высших таинств.

Этот случай позволяет точнее описать процесс образования все более высоких степеней и все более сложных масонских систем. Рассмотрим для примера три масонские группы — андреевское масонство (или шотландские степени), «Теоретический градус Соломонских наук» и розенкрейцеров.

Борьба елагинских и рейхелевых лож представляла собой конкуренцию двух равноправных масонских систем. Ложа Совершенного согласия, вызвавшая такое возмущение в Елагинском союзе, претендовала уже на обладание некоторым высшим знанием, не доступным ни одной из низших систем. Она не вступала в конкуренцию с ранее существовавшими ложами, а объявляла себя следующей ступенью масонской иерархии. Именно такие иерархические и неконкурентные отношения с прочим масонством характерны для трех названных выше направлений.

Андреевским масонством называются некоторые высшие степени шотландского масонства, появившиеся в Германии и Франции в 1730-х годах и созданные шотландцем Эндрю Рамзеем. Андреевские степени появились в различных масонских системах, в том числе в системе «строгого наблюдения» барона фон Гундта, основанной в 1754 году, а также в шведской и циннендорфской системах, образованных немцем графом Циннендорфом в 1760-х годах⁵⁵. В последних двух, получивших широкое распространение в России, высшие «андреевские» степени следовали непосредственно за первоначальными тремя (т.н. «иоанновскими») масонскими степенями.

Однако эти высшие степени представляли собой не столько следующую иерархическую ступень в карьере вольного каменщика, сколько иной символический уровень масонства. Будущие шотландские мастера узнавали во время посвящения, например, что они подошли к концу «обыкновенного Каменщичество» и достигли такого уровня, «который не каждый Масон достичь может». Посвященные в высшее масонство собирались отдельно и использовали особую символику. Считалось, что каменщики первых трех степеней немногим отличаются от немасонов: «трех нижних степеней посвящаются и обязуются к сему в святом Храме Ордена, непросвещенные же самим себе оставлены суть»⁵⁶. Напротив того,

шотландские мастера обретали знание «высочайшее и существеннейшее»⁵⁷. Соответственно этому росли их обязанности. Им было уже недостаточно демонстрировать примеры «добродетели чувственных, сиречь доброго морального или нравственного благочиния в телодвижениях, словах и действиях», ожидавшегося от каждого масона и вообще «честного человека». «Шотландские Мастера требуют не единыя обыкновенныя нравственности во внешних телодвижениях, словах и делах: но требуют такожде нравственности сердечныя в нелицемерной чистоте, из которой проистекают правда, истинна и все безпритворные добродетели»⁵⁸.

Превосходство андреевского масонства над низшими степенями подчеркивалось и иными способами. Если низшие ложи обыкновенно старались привлечь к себе как можно больше членов, то в шотландской ложе состояло максимум 27 человек. Новых членов туда принимали только взамен умерших или отбывших⁵⁹. Открывая новую ложу, шотландские братья выбирали такого человека из числа низших масонов, «который отличил себя способностями, ревностью и похвальным поведением»⁶⁰. Было необходимо, однако, чтобы кандидат был поистине достоин этой чести и истощил к этому времени все возможности для духовного совершенствования, предоставлявшиеся иоанновскими ложами. Если же кандидатом руководило «детское желание» удовлетворить свое любопытство, то он должен был потерпеть крах: он растерялся бы в разреженной атмосфере высших масонских сфер и не смог бы понять новое учение и выполнить свои обязанности. Кроме «посмеяния всех разумных людей», самонадеянного масона ждало изгнание из ордена — так полагалось наказывать «таковых негодных членов, которые никак не исправились в трех первых степенях» и не оставили «никакой надежды к их исправлению». Во время посвящения кандидату неоднократно предписывалось исследовать самого себя «строжайшим и беспристрастнейшим образом», потому что ему предстояло сложнейшее испытание. Если в низших ложах «сберегали вашу слабость, здесь требуем мы, чтоб вы уже оной не имели». Войдя в «число избранных братьев», вольный каменщик удостоивался «высших познаний» и «более просвещения»⁶¹.

Однако андреевские масоны не занимали еще высшую ступень орденовой иерархии. В масонских системах, признававших шотландские степени, они служили только промежуточной ступенью на пути к высшим уровням. Этими высшими уровнями были Теоретический градус и розенкрейцерство, завезенные в Россию из Берлина в 1780-х годах⁶².

В андреевское масонство принимались только избранные из числа иоанновских мастеров, в Теоретический градус могли попасть только те из шотландских мастеров, «кои довольныя оказали опыты своей Богобоязни, человеколюбия и вожделения к премудрости»⁶³. Братьям Теоретического градуса представлялось, что именно они, а не низшие масоны переступили рубеж, отделявший праведника от «непросвященного»: «Сеи Теоретический градус ... признан и одобрен яко выгодное посредствие между Свободным Каменщицеством и высшим внутренним собратством»⁶⁴.

Чем больше промежуточных звеньев появлялось в масонской иерархии, тем сильнее становилось презрение обладателей высших степеней к своим младшим братьям. Захар Карнеев, выступая в 1789 году перед братьями Теоретического градуса в Орле, назвал низшее масонство лишь «путем приготовления», ведущим к «высокой нашей степени», и предложил помолиться о том, чтобы Господь даровал низшим братьям силы пройти этот путь⁶⁵. Примером греховности, отличающей низших братьев от высших, братья Теоретического градуса считали масонские банкеты — «Бакхусовые празднества», на которых якобы подавались дорогие и обильные «яства». Сами теоретические братья проводили банкеты только в дни трех масонских праздников и ограничивались хлебом и вином. Такой аскетизм должен был подтверждать их нравственную силу и умение побеждать свои страсти⁶⁶. Элитарному положению Теоретического градуса способствовало и крайне малое количество членов — в России их было всего около 60 (в то время как в каждой шотландской ложе состояло 27 человек)⁶⁷.

Если для братьев низших степеней немасоны были просто «профанами» или «непросвещенными», то для Теоретического градуса немасон был уже «суетный человек»: «Поступки его хищны, злы, ядовиты; желания похотливы, дерзки, вредны; мысли подлы, мрачны, грубы. В делах своих он жестокой тигр или сладостлюбивая свинья; в вожделениях похотливая тварь или ненасытный скот»⁶⁸.

Такие люди составляли «общий круг спящих человек», окруженных «мрачным покровом» своих страстей и вожделений. Каждый из них «самому себе неизвестен». Только братья Теоретического градуса свободны от этого «шума страстей», которому подвластны даже вольные каменщики младших степеней⁶⁹; по словам Захара Карнеева, только им, из «миллионов подобных нам», открыта «истинная дверь премудрости»⁷⁰.

Эта дверь вела на последний уровень масонской иерархии — в орден розенкрейцеров. Этот орден появился в России одновременно с Теоретическим градусом, составлявшим промежуточное звено между младшими степенями и «высшим внутренним братством»⁷¹. Розенкрейцеры венчали масонскую иерархическую лестницу, начинавшуюся с низшей ученической степени и включавшую иоанновские, андреевские и Теоретического градуса степени. Состав розенкрейцеров был предельно ограничен. Согласно уставам, розенкрейцерская ложа («круг») должна была включать девять человек — это число почиталось «святым» и обозначало, с одной стороны, «знак конца всех сотворенных вещей», а с другой — высокий статус собрания.

Несмотря на малочисленность розенкрейцеров, они также распределялись по нескольким степеням⁷². Розенкрейцер не только нес все личные, социальные, государственные и религиозные обязательства обычного масона, но и в свободное от них время не имел права «расточить наказательно праздностию и модными обычными прогнаниями времени». Где бы ни встречались розенкрейцеры, они каждую минуту должны были, если только рядом не было непосвященных, говорить о том, «что науке и премудрости, чести Божией и любви к ближнему способствовать может»⁷³.

Довольно суровым было отношение розенкрейцеров к масонам низших степеней, которых они не отделяли от профанов и видели в них «скотского человека»⁷⁴. Презрение высших масонов к низшим ступеням орденской иерархии было так велико, что они приписывали себе право посвятить любого достойного немасона сразу в три первых масонских степени.

Обоснованием высшего авторитета розенкрейцеров служила находящаяся в их бумагах баснословная история масонства, инвертировавшая действительные отношения между высшими и низшими степенями ордена. Согласно этой истории, розенкрейцеры представляли собой ядро масонской организации, и именно с них началось ее развитие. Вот как это произошло:

Учители мудрости соединялись и от непосвященной толпы отделялись... Для лучшего сокрытия истинных своих намерений... учредили начальники три нижние класса, так называемого свободного каменщичество, яко рассадную школу к высшим знаниям, под известными параболическими украшениями и исполнениями, и хотя оныя чрез давность времени

многими суетными и бесполезными сторонними вещами вовсе профанированы и почти непознаваемыми учинились; однако всегда по братским правам должны поступать наиспособнейшие субъекты взимаемы быть из среды оного, и никто другой, кроме Мастера Сияния света, не может в наш круг вступить⁷⁵.

В «Некоторых фактах о В[ольных] К[аменщиках]», напечатанных в приложении к книге видного русского масона Н.В. Репнина «Плоды благодати, или Духовные размышления двух любителей мудрости», излагается несколько иная схема происхождения розенкрейцера. Согласно этой схеме, первые вольные каменщики были философами, посвятившими свою жизнь поискам «общего блага». Однако затем первоначальные цели ордена были забыты, и масонские собрания, на которых раньше братья обменивались знанием, превратились в жизнерадостные пиры. В орден стали принимать «людей развращеннейших, без всякого отбору и часто ради выгоды». В ответ на это узкая группа добродетельных искателей истины учредила «скрытое братство», отъединенное от остального ордена и реставрировавшее первоначальные масонские идеалы⁷⁶.

С одной стороны, текст Репнина вскрывает внутренние пружины столь характерного для вольных каменщиков стремления выделить узкий круг праведников из грешного мира, с другой — проясняет соотношение розенкрейцера с прочим масонством. Кроме того, приведенное рассуждение позволяет лучше понять многократно цитировавшееся место из показаний Новикова, одного из немногих русских розенкрейцеров: «...покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им как игрушкой; собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало». Напротив того, «истинное масонство ... весьма малочисленно ... они не стараются нахватывать членов ... они по причине великого в сии времена распространения ложных масонов весьма скрытны и пребывают в тишине»⁷⁷. В этих словах Новикова обычно усматривают нейтральное описание действительных масонских практик⁷⁸. Интереснее, однако, отметить тот концепт духовного превосходства истинного масона над профанами, который определял возникновение все более высоких и недоступных уровней масонской иерархии.

Популярность в России масонского ордена со всеми его степенями и должностями легко объяснима. После создания в 1722 году Табели о рангах по крайней мере полтора десятка лет продвижение по

служебной лестнице оставалось главным способом достичь социального успеха⁷⁹. Высокий чин был заветной целью для нескольких поколений русских людей и служил основным мерилom общественного престижа. Это формулирует, например, один из персонажей комедии Я.Б. Княжнина «Хвастун»:

Люди все рехнулись на чинах.
Портные, столяры — все одинакой веры;
Купцы, сапожники — все метят в офицеры;
И кто без чина свой проводит темный век,
Тот кажется у нас совсем не человек⁸⁰.

Можно сказать, что сложная иерархическая структура масонства была близка русскому общественному сознанию, привыкшему оценивать достоинства человека по его чину. Тем, кто чином не обладал и был поэтому «совсем не человек», или, наоборот, тем, кому гражданские чины казались недостаточны, орден вольных каменщиков предлагал альтернативный набор знаков высокого социального статуса. Здесь иерархическое положение зависело исключительно от душевных достоинств, в которых начинали видеть единственный признак истинного благородства⁸¹. Вербуя в масоны Болотова, Новиков обещал ему скорое получение «знаменитого достоинства», которое бы соответствовало его «качествам, знаниям и достоинствам»⁸².

Много лет назад историк Марк Раев справедливо заметил, что «масонство по сути создало свой эквивалент “Табели о рангах”»⁸³. Тем не менее орденская иерархия не отменяла и не обесценивала гражданскую, поскольку духовная деятельность, согласно представлениям масонов, не противопоставлялась государственной. Совершенствуя самого себя, масон тем самым служил «общественному благу», всегда занимавшему важное место в списке масонских ценностей.

Итак, можно сказать, что в нескольких отношениях масонская организация отвечала потребностям русского общества. С одной стороны, она сообщала своим членам чувство безусловного превосходства над чернью и придворными льстецами и вносила таким образом видимость порядка в хаотическую структуру русской просвещенной публики. С другой стороны, дидактическая задача воспитания верных и надежных отцов, мужей, граждан и христиан соответствовала государственной идеологии послепетровской России. И наконец, развитая масонская иерархия легко прижилась в

стране, воспитанной на петровской Табели о рангах. Она предоставляла людям вроде Репнина и Новикова возможность получать дополнительные свидетельства своих достоинств — и удовлетворять таким образом свое тщеславие.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Упоминавшиеся выше тексты Репнина и Новикова интересны еще и тем, что они проливают некоторый свет на вопрос о причинах пресловутой масонской таинственности. Принято думать, что секретность орденской деятельности была продиктована враждебностью государства по отношению к масонским ложам и служила защитой от недружелюбного вторжения⁸⁴. Эта версия, однако, существенно упрощает дело.

Как мы уже видели, розенкрейцеры и теоретические братья прятались не только от государства, но и от прочих масонов. Можно поэтому утверждать с уверенностью, что таинственность масонских встреч не была результатом конспиративной тактики в отношениях с государственными органами — тем более что в числе масонов находились порой высшие государственные чиновники. В этой связи встает несколько вопросов. Что именно делало масонскую деятельность тайной? Что и от кого помогал прятать принцип секретности? Какую роль он играл в общей структуре масонского мира? И наконец, каковы же были самые заветные масонские тайны?

На протяжении XVIII века государство по большей части не вмешивалось в деятельность масонских лож. Однако нельзя сказать, чтобы русская тайная полиция не была о ней осведомлена, — уже в 1747 году известия о влиянии ордена на представителей высшей русской знати вызвали некоторую тревогу у главы Тайной канцелярии А.И. Шувалова и императрицы Елизаветы. Однако тогда никаких репрессивных мер не последовало, и ложи продолжали беспрепятственно функционировать все время царствования императрицы и ее преемника Петра III (1761—1762), который сам состоял в петербургской ложе Постоянства и покровительствовал ей⁸⁵.

Екатерина в первые годы своего правления была столь же терпима к масонам. В 1760—1770-х годах ложи собирались вполне открыто и даже устраивали роскошные публичные мероприятия. Так, например, в ложе Скромности генерала П.И. Мелиссино да-

вались концерты и происходили званые вечера. В марте 1776 года в ложе Урании был организован концерт, собравший около ста человек гостей⁸⁶. Как вспоминает видный масон И.В. Лопухин, полиция не только знала о собраниях масонских лож, но даже посылала специальные наряды, обеспечивавшие общественный порядок после особенно многолюдных собраний⁸⁷.

Орден вольных каменщиков начал вызывать высочайшие подозрения в конце 1770-х годов. Когда в 1779 году обострились отношения России со Швецией, начальник петербургской полиции П.В. Лопухин получил приказ проверить деятельность лож, управлявшихся князем Г.П. Гагариным и состоявших в союзе с Великой шведской ложей. Нечего и говорить, что этот союз возбуждал подозрения в шпионаже⁸⁸. Интересно отметить, что за два года до этого шведский король Густав III во время своего визита в Россию посетил два собрания вольных каменщиков, устроенные в его честь ложей Аполлона и своей многочисленностью напоминавшие, по словам путешественника, «общественные гулянья»⁸⁹.

Сведения о деятельности масонских мастерских собирали и провинциальные власти. В то время как П.В. Лопухин посещал ложи в Петербурге, ревельский таможенный директор майор Гренет задержал масона И.В. Бебера, прибывшего из столицы для открытия в Ревеле ложи Трех секир. Осмотрев вещи Бебера, подчиненные майора отыскивали масонские бумаги. Однако еще до того, как они попали к Гренету, Бебер, не потерявший самообладания, нашел в городе влиятельных союзников, затребовавших и немедленно получивших конфискованные орденские документы⁹⁰. В середине 1780-х годов московский генерал-губернатор Я.А. Брюс завербовал молодого масона В.П. Кочубея, который должен был доносить ему об одной особенно подозрительной группе вольных каменщиков. Кочубей, по всей видимости, сообщил о своей миссии Новикову, после чего был довольно быстро произведен в высшие степени, позволявшие ему посещать все масонские собрания, с тем чтобы он мог информировать Брюса о полной благонадежности ордена⁹¹. Подозрения, вызванные этой группой московских братьев, распространились и на их петербургских товарищей. В 1784 году И.П. Елагин без видимого повода приостановил деятельность подотчетных ему лож до тех пор, пока тучи над головами масонов не рассеются⁹². Впрочем, рассеялись они довольно быстро, и уже через год орденские собрания в Петербурге возобновились. Так, в марте 1785 года большое количество гостей собралось

в ложе Урании (вообще не прекращавшей свою работу), где исполнялась оратория, сочиненная одним из братьев⁹³.

Итак, можно сказать, что к концу века подозрительность властей по отношению к ордену вольных каменщиков возросла. Однако это не заставило масонов позаботиться о секретности своих операций. Скорее наоборот — как показывает случай Кочубея, иногда масонские начальники предпочитали открыть орденские тайны взору государственных чиновников. Вообще говоря, «секретность» масонских лож не столько служила реальным инструментом политической самозащиты, сколько представляла собой один из важнейших символических атрибутов масонства как такового. Более того, она провоцировала пристрастное любопытство остального общества, стремившегося во что бы то ни стало проникнуть в масонские тайны.

Характер масонской секретности хорошо виден из дневника, составленного в середине 1770-х годов сенатским служащим и пленным масоном Алексеем Ильиным. Там описываются случаи, когда, несмотря на орденские запреты, братья обсуждали масонские темы вне лож, в том числе в беседах с непосвященными. (В этот период факт чьего-либо участия в ордене быстро становился достоянием гласности.)⁹⁴ Так, например, обедая в августе 1775 года с двумя друзьями в московском увеселительном саду, Ильин узнал, что его, вместе с другими членами его ложи, князьями Г.П. Гагариным и А.Б. Куракиным, собираются произвести в мастера⁹⁵. Масонские дела он обсуждал и на службе, в московской конторе Сената. 3 июня 1775 года его посетил там П.В. Чернов, член петербургского отделения ложи Равенства, который подробно рассказал ему о деятельности этого отделения. В то же лето Ильина еще два раза посещали собратья-масоны, приходившие предупредить его о будущих собраниях. Один из этих масонов, помимо прочего, поздравил Ильина от имени его товарища по ложе А.П. Пронищева в связи с предстоявшим Ильину посвящением в мастера⁹⁶. В тот же день Ильин нанес визит Пронищеву и его супруге. У них в доме некая Авдотья Петровна (по-видимому, сестра хозяина), прознавшая как-то о будущем масонском собрании, стала смеяться над Ильиным и вообще над масонским орденом⁹⁷.

В конце 1775 года Ильин переехал в Петербург и целиком погрузился в светскую жизнь. Он бывал в музыкальных клубах, на балах, в Английском клубе (там состоял его брат Петр) и в нескольких масонских ложах. Масонство оставалось главным увлечением

молодого чиновника, и первый день своей жизни в столице он завершил посещением ложи Урании, где, по его лаконичному замечанию, «было весело»⁹⁸. В петербургском обществе масонство также широко обсуждалось, и факт принадлежности Ильина к ордену довольно скоро стал известен его знакомым. Среди них были директор Государственного ассигнационного банка В.Г. Елагин, не принадлежавший, по всей видимости, к вольным каменщикам, и его жена Анна Петровна. Ильин жил у Елагина и служил воспитателем его детей. Вернувшись однажды вечером домой, Ильин встретил Елагину, которая спросила у него, что происходило во время масонского собрания. Пораженный ее осведомленностью, Ильин «ничего на то не сказал, и она уверилась точно, что уже три года как я принят. И Владимир Григорьевич о том узнал же»⁹⁹.

Описанный эпизод хорошо показывает, что масоны держали в тайне от «профанов» не столько факт существования лож или членство отдельных братьев, сколько содержание масонских собраний. Это прямо сформулировано в «Истолковании Устава, или правил... свободных каменщиков»:

Особливо должен ты содержать в памяти твоей тот закон, точное наблюдение которого обещал ты пред лицом небес: не нарушимый закон тайны, касающейся до наших обрядов, церемоний, знаков и образа принятия. Страшися думать, что сия клятва менее священна, нежели те, которыя ты даешь в народном обществе. Ты был свободен, когда произносил оную: но ты уже несвободен нарушить тайны, тебя связующей¹⁰⁰.

Завеса таинственности, скрывавшая масонские обряды от непосвященных, должна была обозначить сакральный статус ордена и его членов¹⁰¹. Масоны обладали «внутренними секретами», по терминологии И. Гофмана, то есть такими секретами, которые «обозначают принадлежность данного индивидуума к определенной группе и помогают этой группе отграничить себя от посторонних. Такие секреты претворяют в реальность субъективно ощущаемую социальную разность»¹⁰². Охраняя тайну своих обрядов, вольные каменщики лишний раз демонстрировали свое превосходство над остальным миром и предъявляли права на монопольное владение истиной и добродетелью¹⁰³. Лопухин пишет в своих записках: «Порочили особливо тайность общества и его собраний. Для чего, говорили: тайно делать хорошее? Ответ на это легок. Для чего

в собраниях так называемых лучших людей, или публики, не только никогда не говорят, да и не можно говорить о Боге, о добродетели, о вечности, о суете жизни, о том, сколь порочны люди и как нужно им заботиться о нравственном своем исправлении»¹⁰⁴. Общие тайны, кроме прочего, конституировали единство масонского ордена. Более того, сама по себе способность сохранить тайну объявлялась признаком нравственного достоинства вольного каменщика. Умение смолчать воспринималось как свидетельство его успехов в «обработке дикого камня»¹⁰⁵. Неизвестный масон записал в своей тетради: «Мудрый всегда внутрь себя скрывается. У него глаза отверсты, а рот закрыт»¹⁰⁶. Значимость этого компонента масонского поведения подтверждается текстом клятвы, которую приносил каждый брат во время инициации:

...обещаю быть осторожным и скрытным, умалчивать обо всем том, что мне поверено будет, и ничего такого не делать, и не предпринимать, что могло бы открыть оное; в случае же малейшего нарушения сего обязательства моего, подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренность вырваны и брошены в бездну морскую, тело мое сожжено, и прах его развеян по воздуху¹⁰⁷.

Преувеличенное наказание за разглашение масонских тайн было пропорционально той огромной символической дистанции, которая отделяла вольного каменщика от грешника и «профана». Интересно отметить, что подразумеваемое здесь представление о формах существования добродетели, по сути, параллельно базовым концептам сентиментальной литературы XVIII века, где, по словам Дж. МакМаллана, «добродетель громче всего заявляет о себе, когда ей что-нибудь угрожает»¹⁰⁸.

Продиктованная этой символической системой потребность масонского ордена всячески декларировать свое превосходство над остальным миром практически исключала возможность действительной конспирации. С.А. Тучков передает в своих записках детское воспоминание о том, как гостившие у его отца офицеры исполняли масонские песни; эти песни так понравились мальчику, что он записал их, а потом выучил наизусть¹⁰⁹. Рассказ Тучкова (как и приводившиеся выше записи Ильина) подтверждает легендарную реплику Екатерины о том, что масонские тайны подобны секретам, которые театральным шепотом произносят актеры во время спектакля — так, чтобы слышно было всему зрительному залу¹¹⁰.

Принцип «секретности» не только отделял вольных каменщиков от внешнего мира, но служил инструментом внутреннего иерархического членения ордена. Теоретически каждый новопосвященный ученик превосходил добродетелью «профанов» и заслуживал, чтобы ему открылись тайны и цели ордена. Однако на практике завеса таинственности отгораживала его от старших братьев; принимая следующую, товарищескую, степень, все вольные каменщики клялись оберегать орденские секреты не только от непосвященных, но и от братьев ученической степени¹¹¹. Точно так же и мастера давали обязательства не раскрывать вверенных им тайн обладателям низших степеней:

Обещаешь ли, любезный брат! обновлением того же наказания, и тоя ж клятвы, которым ты яко ученик обязался, не нарушимо скрывать от товарищей все то, что ты уже видел, и что еще вверится тебе, так как до сего постоянно скрывал ты таинства товарищей от учеников, и ученические от посторонних и не просвещенных? Обещаешь ли не открывать никому ни малейших обстоятельств, касающихся до Свободного Каменничества какой бы то степени ни было, ныне тебе известных и впредь тебе сообщаемых?¹¹²

Трудно сказать, насколько жестко выполнялись эти запреты. Кое-что становится понятно из рассказа Ильина о том, как через несколько недель после его посвящения в мастера его навестил Л.В. Третьяковский, его товарищ по ложе Равенства и непосредственный начальник по службе. Во время разговора Ильин «зачал было рассказывать о М[асонской] ресепции. Однако тотчас вспомнил, что он не Маст[ер], перестал сказывать о том, и он ничего не догадался»¹¹³.

Рассказ Ильина хорошо показывает парадоксальный характер символической организации ордена. С одной стороны, масоны вроде Ильина и Третьяковского должны были чувствовать себя братьями; с другой, их разделяли иерархические границы орденских степеней. Целью масонской карьеры почти на всех ее этапах было членство в еще более узком и закрытом подразделении ордена; степень причастности к орденским тайнам была как бы пропорциональна духовным достоинствам вольного каменщика. Поднимаясь со ступени на ступень, он доказывал свое право получить еще большее знание. Добродетель и просвещение, достигавшиеся само-

анализом и самодисциплиной, были тесно связаны; только преуспевший в «обработке камня» мог надеяться на то, что ему будет открыт доступ к заветным тайнам братства¹¹⁴.

Вместе с тайными знаниями к обладателям высших масонских степеней приходила настойчивая потребность продемонстрировать младшим масонам свое превосходство над ними и обнаружить тем самым истинное свое положение в символическом пространстве ордена. Так, например, секретарь французского министра при русском дворе барон де Корберон вскоре после своего прибытия в Россию в августе 1775 года имел беседу с русским вольным каменщиком и офицером Измайловым, который «сказал мне, касаясь Свободного Каменщичества, будто имеет вскоре получить шотландский градус. Я дал ему понять, что весьма осведомлен в этих делах и могу по своему произволению кому пожелаю свои познания даровать и тут же сделать одного франкмасоном. Я хочу употребить это к тому, чтобы Измайлов стал мне другом и не думал обо мне дурно. Помимо того, слух о том, что я способен творить чудеса, распространится и немало поможет мне в обращении с дамами»¹¹⁵.

К сожалению, неизвестно, исполнил ли Корберон свое намерение помочь Измайлову в его продвижении по масонской лестнице (не знаем мы и о том, как складывались его отношения с русскими дамами). Известно, однако, что некоторые из высших братьев иногда посвящали масонов низших степеней в свои тайны, а затем снова отказывали им в праве посещать свои собрания. Вегелин пишет, что после того, как он вступил в одну из московских лож, ему было позволено, минуя сразу несколько степеней, приобрести к тайным знаниям высших братьев. Однако вскоре после этого ему запретили посещать ложи высших уровней, и он вынужден был снова вернуться в низшие ложи. Сходную историю Вегелин рассказывает про своего шурина, который получил приглашение посетить в Москве некую ложу. Придя туда, он обнаружил, что находится в собрании шотландских мастеров; больше его туда никогда не пускали¹¹⁶. Вполне вероятно, что эти случаи произошли в результате ошибок и недоразумений; однако текст Вегелина допускает и иное их объяснение. Возможно, что братья высших степеней сознательно допускали младших масонов в свои собрания, чтобы, возбудив их зависть и любопытство, подчеркнуть свое превосходство над ними и обнажить иерархический принцип орденской структуры. Должно быть, эти действия доставляли высшим братьям большое удовольствие.

Поднимаясь по ступеням орденской иерархии, вольный каменщик не только расширял свои познания, но и получал новые объяснения уже известного. Примером этого могут служить разнообразные интерпретации знаменитого масонского опознавательного сигнала — два слабых удара в дверь и один сильный. Для учеников это был символ «трех наказаний, предложенных от Бога Давиду, во умилоствление за содеянные им согрешения». Товарищи считали, что тремя ударами обозначались «два месяца, которые Соломон давал избранным мужам, ждя успокоения от сечения дерев на горе Ливане», и третий «работный месяц тех же самых избранных мужей, который был ... самый труднейший»¹¹⁷. Особенное значение этот условный сигнал получал для мастеров. Три удара напоминали о судьбе Гирана Абифа, главного строителя Храма Соломонова. Он якобы был убит тремя взбунтовавшимися каменщиками товарищеской степени, пожелавшими узнать тайное слово мастеров. Эта история служила символической канвой для обряда посвящения в мастера и напоминала о необходимости тщательно охранять орденские тайны от низших масонов¹¹⁸. Об этом же говорили обязательные три белых розы на фартуке масонов-товарищей, напоминавшие мастерам о «трех зловредных ударах, которыми умерщвлен наш почтеннейший Отец и Великий Мастер»¹¹⁹.

Иерархическое продвижение вольного каменщика мыслилось не только как путь наверх, но и как путь внутрь Храма Соломонова — совершенного здания, созданного божественной мудростью и потом разрушенного. Каждая ложа была устроена по его образцу. Храм был разделен на три части, вмещавшие соответственно каменщиков трех степеней, продвигавшихся внутрь храма по мере своего совершенствования. Ближе всех к внешнему миру находились ученики, работавшие «в трех преддвериях храма, и во дворе онаго»; каменщики-товарищи помещались в «наружном месте храма», то есть в святилище; и только Мастер работал «во храме»¹²⁰.

Противопоставление привилегированной позиции Мастера местонахождению низших каменщиков отражено, кроме прочего, в выражении «Opening on Center», относившемся к собраниям братьев третьей степени. Некоторые исследователи полагают, что оно обозначало центральное положение Мастера в масонском ордене (ученики и товарищи составляли соответственно внешний и внутренний круги). Другие, напротив, соотносят его с начальным ритуалом мастерских лож, когда все участники собрания становятся в круг и оказываются равно удалены от его центра¹²¹. В любом слу-

чае разбираемое словосочетание демонстрирует изоморфность оппозиций «высшее/низшее» и «внутреннее/внешнее». Чем выше масон поднимался в иерархическом отношении, тем глубже он продвигался внутрь Храма Соломонова и с каждым шагом все ближе подходил к самым заветным тайнам ордена.

Однако на поверку выходило, что высшее знание все время ускользало из рук ищущего. Так, мастера ложи Восходящего солнца, достигнув последней из известных им степеней, были уведомлены, что Храм Соломонов состоит не из трех палат, как они полагали, а из девяти и что они дошли только до восьмой. Святая святых в очередной раз оказалась недоступной¹²². В записках одного русского масона говорится, что настоящий смысл «тайнства находится токмо в недрах Ордена»¹²³.

Пройдя все степени иоанновского масонства, вольные каменщики узнавали, что только обладателям высших степеней открываются истинные цели орденской деятельности¹²⁴. Путь к этому знанию лежал через шотландские степени. Шотландские братья клялись не верить своих тайн «не только чуждым, но и братьям лож Св. Иоанна»¹²⁵. Братья андреевских лож считали, что именно они находятся в тайном святилище Храма. Некоторые тексты делят ложу на «площадь, преддверие, святая и святая святых»¹²⁶. Первые три части в этой аллегорической схеме соответствуют трем степеням Св. Иоанна, а последняя — высшей степени шотландского мастера¹²⁷. Розенкрейцерская топография помещала иоанновских каменщиков в «преддверие» Храма, внутрь «внешней стены молчаливости», отделявшей масонов от «непросвященных», но за пределы «внутренней стены», окружавшей так называемый внутренний орден — то есть самих розенкрейцеров¹²⁸.

Однако не только розенкрейцеры относили большую часть лож к периферии истинного масонства. В нескольких масонских системах существовали высшие степени, работавшие в тайне от младших лож. Так, в 1775 году Мелиссино основал систему своего имени, включавшую семь степеней. В высшую, седьмую, степень (*Magnus Sacerdos Templariorum* — Великий Жрец Храмовников) были посвящены только немногие братья, составлявшие тайную ложу, или «Конклав». О его существовании масоны низших степеней не подозревали¹²⁹.

Ложами шведской системы, введенной в России в 1770-х годах князем Куракиным, официально управляла Великая национальная ложа. Однако на самом деле власть находилась в руках тайного

органа, именовавшегося Капитулом. Он состоял из нескольких членов Великой национальной ложи и действовал в секрете от всех остальных лож этой системы¹³⁰. Высокий капитул и существовал во втором Елагинском союзе английских лож, основанном в 1786 году, и действовал в тени номинально главенствовавшей ложи Скромности. Членами Высокого капитула становились самые знающие и достойные из масонов, которые получали тайную восьмую степень; все остальные ложи этой системы имели только семь степеней¹³¹.

Однако самой разработанной системой тайных лож обладали, без сомнения, розенкрейцеры. Над обычными иоанновскими и шотландскими ложами они воздвигли тайный Теоретический градус; в свою очередь, сами розенкрейцеры были скрыты от теоретических братьев, не говоря уже про прочих масонов. Тайственность была главной приметой розенкрейцера. Как следует, например, из писем Н.Н. Трубецкого, «истинный» розенкрейцер по определению принадлежал к «тайным братьям». (Поэтому, например, масоны Розового Креста принимали в ложах тайные имена.)¹³² В этом смысле деятельность розенкрейцеров соответствовала представлениям о тайном и древнем братстве, распространенном в Европе с начала XVII века¹³³.

В некоторых случаях отдельные сведения о высших и тайных масонских ложах сообщались братьям низших степеней. Так, барон де Корберон был извещен о существовании меллисиновского Конклава и о его занятиях алхимией за год до того, как сам вошел в этот конклав в 1777 году. Ранее Корберон демонстрировал своему русскому собеседнику Измайлову обширную осведомленность в масонских тайнах; теперь, напротив, барон писал Измайлову о том, как он хотел бы вступить в этот тайный комитет¹³⁴. Теоретические братья узнавали во время своего посвящения, что над ними существует «высшее внутреннее братство», в которое они смогут вступить, продемонстрировав исключительные нравственные достоинства. Однако ни состав этого братства, ни причины его главенства не были известны младшим масонам¹³⁵. Такое положение дел не могло не вызвать недовольство среди младших масонов. До наших дней сохранилась речь, порицающая работавших в Орле братьев Теоретического градуса за недоверие к «начальникам» и «невидимой руке»¹³⁶.

Существовали и неинституционализированные измерения масонской тайственности. Мы имеем в виду постоянные интриги, которые вольные каменщики плели друг против друга. Князь А.Б. Ку-

ракин во время своего путешествия в Швецию был посвящен в шведское масонство и решил ввести его в России. Свой план организации русских лож он изложил в письмах к стоковым каменщикам и к брату шведского короля герцогу Зюдерманландскому, возглавлявшему эту систему. Интересно, что Куракин намеревался манипулировать именем и авторитетом И.П. Елагина, самого влиятельного русского масона. Куракин предлагал устроить так, что Елагина выберут Великим национальным мастером, «но сию важнейшую должность он получит при значительных условиях: ему будут принадлежать церемониальные знаки первенства, но истинная власть будет в моих руках»¹³⁷. Планы Куракина наглядно демонстрируют интенсивность закулисной деятельности масонов, далеко не исчерпывавшейся институциональными отправлениями лож.

Принцип секретности делал вполне реальной ту границу между видимым и невидимым, которая служила основным элементом символической структуры ордена. Каждая конкретная группа братьев одной степени занимала определенное место внутри Храма и была отгорожена от соседних групп непроницаемой стеной. Никто не знал, что находится в следующей палате и даже существует ли она. Чем выше поднимался вольный каменщик в орденской иерархии, тем больше он узнавал об общей структуре Храма, о его подразделениях и их обитателях. Немасонскому взгляду была видна только дверь, ведущая в ложу. Напротив того, масон имел знания об обоих мирах, в которых он существовал.

Надо сказать, что немасонский мир тоже не был однообразен и линеен. Как и в самом ордене, там существовали ячейки, недоступные посторонним. Русское общество распадалось на множество отдельных секторов различной прозрачности и открытости. Так, высшая знать предпочитала ездить в частные театры, где ей не угрожало соседство с многочисленной плебейской публикой. Нетрудно заметить, что сходным образом соотносились между собой розенкрейцерские ложи и низшее масонство — точно так же, как посещение закрытых спектаклей подчеркивало узость избранного аристократического круга, так и членство в розенкрейцерском ордене позволяло масонам вроде Репнина почувствовать свое превосходство над основной массой вольных каменщиков.

Однако самым значимым и самым престижным примером закрытого сообщества был императорский двор с его сложной системой покровительства, с его интригами и неписаными правилами.

О масонских структурах напоминал, к примеру, образованный Екатериной «Малый Эрмитаж» — «небольшое интимное общество, в которое входили фавориты, придворные и самые надежные дамы. Этот кружок собирался два или три раза в неделю... Сюда часто являлись в масках; здесь царствовала великая вольность в обхождении: танцевали ... играли в салонные игры, в фанты и в колючко». Однако «впоследствии Екатерина устроила другое собрание, еще более тесное и таинственное, которое называли маленьким обществом... Там-то и справляла Кибела Севера свои тайные мистерии». Эти мистерии были столь «нескромны», что даже посвященный в них Массон (автор приведенного рассказа) остерегается доверять свои сведения печати¹³⁸.

Итак, разветвленная масонская система степеней, должностей и тайных лож в определенном смысле воспроизводила модель придворного общества и служила своеобразным «отражением официального мира»¹³⁹. Вольным каменщикам, не допущенным в частные аристократические театры, орденские ложи давали возможность ощутить свою принадлежность к избранному кругу. Братьям же из числа высшей знати масонство предоставляло дополнительную сферу актуализации их высокого иерархического статуса.

Тайный мир масонства был окружен намного более прозрачной социальной реальностью. Вольный каменщик мог жить полноценной жизнью в обеих сферах; членство в ордене только прибавляло ему опыта и осведомленности. Эти качества росли вместе с иерархическим положением масона — чем выше он поднимался по лестнице степеней, тем больше он узнавал.

Новоприобретаемые познания касались не только подробностей организации ордена или масонских алхимических тайн, но и человеческой души. В этой связи наиболее значимым символом оказывается «всевидящее око», воплощающее всеведение Божества. Всеведение, впрочем, приписывалось также масонам высших степеней, якобы видящим насквозь своих собратьев по ордену и прозревающим все движения их душ¹⁴⁰. Младших каменщиков часто увещевали полностью открыться своим «начальникам», раз избежать их всевидящего глаза все равно невозможно. Захар Карнеев уверял своих братьев по Теоретической ложе в Орле: «Священному Ордену и поставленным над нами начальникам все и малейшее движение сердца нашего известно, открыто и несравненно яснее будто, нежели самим нам»¹⁴¹.

Как видно из слов Карнеева, символика «взгляда» и «видимости» прямо связывалась с действовавшей в ложах системой власти и подчинения. «Видеть» означало «знать», и кругозор каждого масона был пропорционален его положению в ордене. Взгляд мог быть направлен только в одну сторону — сверху вниз, из высших лож в низшие, из низшей ложи во внешний мир. На вершине находились розенкрейцеры, не видимые ни для кого из «профанов» или вольных каменщиков¹⁴². Сами розенкрейцеры тоже управлялись «скрытыми начальниками», имена и местонахождение которых они не знали¹⁴³. Розенкрейцерские уставы следующим образом объясняют «сию премудро узаконенную скрытость всех Орденских начальников»:

а) ...сохраняет безопасными от наказуемого честиискания славы и от властвования похоти, коими обыкновенно собственнлюбие и гордость многих человекв неприметно обольщают и запутывают, не менее же и от всех порядку противных наглостей меньших братьев, поелику никто их знать не может...

с) ... содержит их в соразмерном с обязанностию послушании...

d) измене, и сребролюбию, так как мстительности клятвopеступных братьев противостоит...

f) дозволяет сия неизвестность высоким Ордена начальникам для пользы Ордена посещать нижные собрания, разными образы открывать беспорядки, и к отвращению оных наипольнейшия делать распоряжения...¹⁴⁴

Невидимость «начальников» делала их, по выражению Зиммеля, «неуловимой силой, границы которой невозможно найти и которая поэтому кажется вездесущей»¹⁴⁵. Однако не только анонимность «начальников» заставляла считать их вездесущими. В орденских бумагах говорится, что «начальникам» «видимо бывает все, что братья делают на земле, как они действуют и где и с кем обращаются. Видно, ежели они находятся в опасности, ежели живут в страхе Господнем, или пьянствуют, обедаются, блудодействуют, играют, или подобные сему грехи содевают; видно, в каких обществах они бывают; ... удаляются ли они от всякой роскоши и расточительности. Исполняют ли обязанность отца, действуют ли на жен и детей добрым примером, берут ли их на свою душу и приносят ли Господу в жертву: ...посещают ли больных, заключенных

в темнице, одевают ли нагих, утешают ли печальных и оставленных от всего сердца»¹⁴⁶.

Способность всеведения логичным образом вытекала из положения розенкрейцеров в ордене — наверху иерархической лестницы и в центре символического Храма, где братья Розового Креста занимали самую далекую от входа камеру — святая святых. За ними следовали другие масонские уровни, по нисходящей приближавшиеся ко внешнему миру. Вообще говоря, оппозиция «внутреннего» и «внешнего» имела принципиальное значение для всей масонской символики и была изоморфна противопоставлениям «истина — ложь» и «действительное — видимое». Эти символические оппозиции задавали общую систему координат, в которых описывались различные измерения действительности. Так, по-разному решался вопрос о соотношении «нрава» (истинного характера) человека и его манер; последние оказывались либо верным отражением душевных достоинств, либо удобной личиной порока. Схожим образом описывался и сам масонский орден. Он образовывал некий «внутренний» мир, отгороженный от внешнего завесой тайны; главными в нем были истинные (внутренние) качества человека (его добродетель и нрав), тогда как во внешнем мире больше ценились качества внешние и иллюзорные (богатство и чин). Теоретически достоинства каждого масона оценивались в ордене вне зависимости от его социального положения¹⁴⁷.

Кандидата в масоны уже во время инициационного обряда обучали этим представлениям. Его оставляли в темной комнате с завязанными глазами и приказывали уйти в себя, посмотреть в свое сердце и узнать движения своего внутреннего «я». Именно там, а не среди фантомов внешнего мира должен был будущий масон искать истину¹⁴⁸. Различие между внешним и внутренним лежало в основе самосознания масона. Неизменной глубине и добродетели вольного каменщика противостоял его двойник — «внешний человек», ослепленный и поработанный земными страстями — преходящими, искусственными и в конечном счете ложными¹⁴⁹. Все эти темы сосредоточены в речах С.И. Гамалеи, произнесенных перед братьями ложи Девкалиона в Москве в начале 1780-х годов. Гамалея обличает суетные прихоти людей, мечтающих иметь хорошую одежду, большие дома и высокие чины; эти знаки успеха принадлежат, по его мнению, внешнему миру и служат зачастую лишь прикрытием порочной души¹⁵⁰.

Гамалея использует общие масонские топосы для осуждения окружающей социальной реальности, позволяющей недостойным и злонравным людям получать почести и богатства. Вообще говоря, в масонских текстах довольно часто речь заходит о том, что о человеке нельзя судить «по наружному виду», ибо истинное его достоинство определяется внутренними качествами¹⁵¹. Однако было бы ошибкой увидеть здесь критику существующего политического строя. Система распределения власти и престижа не представлялась масонам ложной; осуждать следовало лишь тех, для кого почести были самоцелью, а не наградой за верную службу. Как мы говорили в первой главе, масоны ревностно соблюдали свои служебные обязанности; братья должны были исполнять все веления церкви и государства не «по единой только наружности», но и по духу¹⁵². Если масон не находил награды за свое рвение «в пустых плесках толпы народной», он обретал ее «в нежном глазе своей совести»¹⁵³.

Оппозиция «внешнего» и «внутреннего» определяла представление вольных каменщиков о структуре их ордена. Эта оппозиция лежала в основании проанализированной нами аллегории Соломонова Храма, но не только ее. Сходным образом была, к примеру, организована масонская космология. Братья Розового Креста называли себя «высшим внутренним собратством» или «внутренним Орденом». За пределами этого Ордена лежал Теоретический градус — «выгодное посредствие» между розенкрейцерами и низшим масонством, находившимся на границе братства вольных каменщиков и внешнего мира¹⁵⁴.

Символика «внешнего» и «внутреннего» активно использовалась в спорах различных масонских систем за преобладание в России. Так, в начале 1780-х годов несколько московских масонов составили послание к герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, одному из самых влиятельных вольных каменщиков Германии. В этом послании подробно описывалось состояние русского масонства, увлекшегося «пышными церемониями рыцарства, крестами, кольцами». Это прискорбное увлечение авторы объясняли тем, что русские ложи состояли в основном из представителей «знатного ... богатого дворянства», которые были воспитаны «весьма чувственным образом», всю жизнь «такowymi знаками чести украшены» и «ничего так жадно не желают, как получение оных»¹⁵⁵. Итак, господствующая в России масонская система подменила первоначальные нравственные цели ордена пустой игрой с ритуалами и регалиями; ее члены обвешаны «с головы до ног ... рыцарскими орденами»¹⁵⁶.

Эта критика была направлена против шведской системы, действительно получившей к тому времени преимущественное распространение в России. Авторы процитированного письма надеялись освободить русских братьев из-под власти шведских начальников. Антишведские настроения побудили русских масонов перейти в подчинение к немецким каменщикам, а те вскоре объявили Россию восьмой полноправной провинцией ордена¹⁵⁷. Во главе новой системы встали розенкрейцеры — Новиков, Шварц и братья Ю. и Н. Трубецкие.

Из приведенных цитат хорошо видно, как символическая оппозиция «внешнего» и «внутреннего» использовалась розенкрейцерами для дискредитации шведского масонства. Этот прием можно наблюдать и в письмах Н.Н. Трубецкого А.А. Ржевскому, которого прочили на место петербургского начальника розенкрейцеров. Трубецкой пишет, что розенкрейцеры сделали «средоточием» ордена, и далее: «...рука Божия, препровождая наших депутатов ... по внутреннему Ордену, довела их до чистейшего и ничем не помраченного источника, единого, где истина без иероглифов в сиянии своем блистает». Шведских братьев, с другой стороны, от истины отделяет глухая стена. Это отражается и на их учении — оно, с точки зрения розенкрейцеров, состоит из пустых знаков, лишенных смысла¹⁵⁸.

Итак, пространственные оппозиции служат здесь прозрачной метафорой знания. Истина и добродетель находятся всегда «внутри», точнее — в «середине». Среди розенкрейцерских обрядов был такой диалог: «Где имеет Премудрость пребывание свое? — В средоточии света»¹⁵⁹. Излишне напоминать, что братья Розового Креста считали себя единственными обладателями этой премудрости.

Символическую связь метафоры тела, орденской структуры и масонского учения хорошо демонстрирует один рукописный источник XVIII века, представляющий собой свод кратких масонских текстов. Орден вольных каменщиков делится здесь на три части — параболическую, теоретическую и практическую. Первая часть имеет дело с телом человека, вторая — с его душой, третья — с духом. Путь от параболического масонства к практическому соответствует движению в глубь себя. Параллельно этому постижение «иероглифов, аллегорий и символов» истины сменяется познанием «действительной сущности»¹⁶⁰. Эти переходы обозначают степень развития внутреннего «я» человека; если на низших уровнях находятся «люди чувствительные и внешние», которым более все-

го подходит изучение видимостей, то высшие ступени познания предполагают обращение к тайной истине, скрывающейся за знаками и символами¹⁶¹.

В другой рукописи того же времени эта символическая структура описана в форме схемы¹⁶²:

ХОД ОРДЕНСКОГО УЧЕНИЯ

<u>Параболические Иоанновские степени</u>	<u>Андреевские и Теоретические степени</u>	<u>И дальнейшие внутренние степени</u>
В сих степенях предлагается в форме иероглифа буква	тут смысл буквы	а там дух, просвещающий смысл и оживляющий букву
сюда принадлежит нравственность	тут питается сердце любовью	а там училище премудрости
здесь познание человека	тут познание природы	а там познание Бога
здесь потребляются степени внешние естественные	тут средства душевные	а там Божественные

Трудно сказать, в чем состояли священные тайны масонского ордена. Главной тайной, известной братьям низших степеней, были сами масонские ритуалы — сведения о них и оберегал от своих непосвященных хозяев Алексей Ильин. В священных текстах и обрядах ордена содержались наставления, помогавшие братьям найти верный (и только масонам ведомый) путь к просвещению и добродетели.

Однако этим тайное знание вольных каменщиков далеко не ограничивалось. Каждому новому масону сообщалось, что в сердце ордена хранятся иные, высшие «тайнства»: «...мы имеем нужду скрывать наши тайности, то есть наши обряды, образ правления и проч. Не говорю о тайнствах, ибо оных никто не может никому

открыть. Они яко таинства, тайно сообщаемы бывают от того, кто имеет власть и силу сообщать оныя»¹⁶³.

Итак, орден обладал секретами двоякого рода. С одной стороны, это были орденские ритуалы и тайные писания, постепенно открывавшиеся каждому брату по мере его продвижения в масонской иерархии. С другой стороны, существовали некие «таинства», в которые масона мог посвящать только один из загадочных «начальников». Эти таинства лежали в основе символической структуры ордена и всей масонской космологии. Во время посвящения будущий масон узнавал, что главная цель ордена — «сохранение и предание потомству некоторого важного таинства, от самых древнейших веков, и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства может быть судьба целого человеческого рода зависит; доколе Бог благоволит ко благу человечества открыть оное всему миру»¹⁶⁴. Вегелин, в обход всех уставов посвященный сразу в высшие масонские степени, пишет о могуществе орденских тайн: «Мне дано было слишком глубоко заглянуть в тайны ордена ... я был преисполнен светом масонства до пресыщения, до потери сознания, так что я до сих пор не знаю, на чем я остановился в каменщицестве»¹⁶⁵.

Точно определить содержание «таинства» невозможно хотя бы потому, что сами масоны придерживались на этот счет различных мнений. «Таинство» никогда прямо не формулировалось, и это оставляло компетентным братьям высших степеней свободу догадок и интерпретаций. Так, для Мелиссино и членов его конклава высшее «таинство» заключалось в алхимическом знании; для московских масонов из круга Шварца и Новикова алхимия была только составной частью единого тайного знания, заключавшего в себе, кроме прочего, розенкрейцерскую мифологию, мистическую доктрину Якоба Беме (1575—1624) и пиетизм Иоганна Арндта¹⁶⁶. Самую масштабную попытку изложить и систематизировать тайное учение масонов предпринял И.П. Елагин в своем «Учении древнего любомудрия и богомудрия, или науке свободных каменщиков...», сводившем воедино основы зороастризма, Ветхого и Нового Завета, Талмуда, герметизма, Каббалы и доктрины Роберта Флада¹⁶⁷.

Можно сказать, что содержание тайного масонского учения зависело от пристрастий и взглядов высших братьев и, следовательно, от веяний интеллектуальной моды. Вообще говоря, интерес к разнообразным течениям мистической философии был в XVIII веке характерен не только для вольных каменщиков, но и для всей

европейской интеллектуальной элиты — отсюда, например, популярность парижских сеансов Месмера, чудес Калиостро и сочинений Гамана в более поздние годы. Интересно в этой связи, что участник алхимического кружка Мелиссино барон де Корберон, вернувшись в Париж, вступил в месмеристское Общество всемирной гармонии и посещал Калиостро в доме кардинала де Рогана¹⁶⁸.

Трудно понять, считал ли кто-нибудь из высших русских масонов, что он до конца постиг суть священного «тайнства». И.П. Тургенев писал, что познание «великой тайны» зависит от того, насколько человек приблизился к духовному и нравственному совершенству¹⁶⁹. А может ли кто-нибудь уверовать в свое совершенство?

* * *

Масонство как символическая структура было жестко отделено от более широкого социального поля и противопоставлено ему. Масоны прибегали к «механизму самоопределения через отрицание» (Хейден Уайт), при котором указание на греховность другого позволяет субъекту оставить за собой сферу добродетели и чистоты¹⁷⁰. В ложах действовали якобы иные законы, чем во «внешнем» обществе, более того, законы противоположные. Место соперничества и вражды здесь занимала дружба, место порока — добродетель, место невежества — просвещение, место видимости — истина. Однако в реальности орден состоял из активных членов «внешнего» общества и не мог не подчиняться его правилам. Об этом свидетельствует хотя бы обостренное пристрастие масонов к знакам отличия и иерархическим градациям.

Тем не менее и сами вольные каменщики, и их враги (см. о них в следующей главе) признавали уникальность социального пространства ордена. Сами масоны помещали его одновременно в символический центр и на периферию просвещенной публики. Претендуя на безусловное нравственное превосходство над всеми остальными, каменщики тем самым объявляли свое братство духовным средоточием русского общества¹⁷¹. Однако реальные инструменты, обеспечивавшие высокий символический статус ордена, — а именно его изолированность и подчеркнутая таинственность — не позволяли братству вольных каменщиков находиться в центре всеобщего внимания и эффективно воздействовать на общественное сознание.

Ни избранная масонами стратегия, ни принесенные ею результаты не были случайными. Вольные каменщики поставили себя в положение маргиналов потому, что именно маргинальным группам общество традиционно приписывает сверхъестественное могущество, а также нравственное превосходство и даже святость. Однако, как масоны выяснили на собственном опыте, общество с легкостью меняет отношение к своей периферии и готово увидеть в маргиналах преступников и подонков¹⁷².

Глава 4

ОБРАЗ МАСОНА

Не верует кто снам,
Колдовкам, колдунам,
Что леший есть в лесах,
Кикиморы в домах,
...
Что соль просыплется,
Петух прокрикнется,
Что курица вспоет,
Что кошка заскребет,
Великой тут напасти,
Бед должно ожидать и страсти,
Коль идет попизон,
Навстречу фармазон,
Ты очи вверх взведешь
И навзничь не падешь.

*Иван Барков. Символ веры
Ванюшки Данилыча*

В России XVIII века разговоры о масонстве были у всех на слуху. Масоны упоминались в проповедях, сатирах, песнях, речах, театральных постановках, пародиях, письмах, статьях, книжных объявлениях и обзорах, наконец, в официальных документах. Масонов проклинали в церквях и высмеивали на сцене, о них говорили в гостиных вельмож и при дворе, шептались в торговых рядах, их обличали в газетах, журналах и памфлетах, выходивших отдельными изданиями. За несколько десятилетий орден вольных каменщиков приобрел огромную известность не только среди столичного дворянства, но и среди неграмотного населения по всей России. К началу XIX века образ масона, складывавшийся из различных и зачастую противоречащих друг другу представлений, прочно закрепился в русском национальном сознании. Большинство воспринимало масонство как нечто подозрительное и даже страшное.

Историю формирования этого образа можно разложить на три этапа, каждый из которых выдвигал на первый план новые его компоненты. Такая периодизация, несмотря на всю свою условность, помогает лучше понять место масонства в русской общественной жизни и причины столь единодушного осуждения ордена со стороны непосвященных. Стараясь опровергнуть общий взгляд, масоны выступали с пером в руке в защиту своего ордена; анализ этих споров, помимо прочего, позволяет точнее описать характер и эволюцию русского общественного мнения XVIII века.

ПРИСЛУЖНИКИ САТАНЫ

Первоначальное отношение к масонам в России трудно реконструировать с точностью. Достоверно известно, однако, что общественная неприязнь к ордену зародилась вскоре после возникновения первых лож. По всей видимости, в царствование Елизаветы сведения о вольных каменщиках распространились в нижних слоях городского населения, которое сочло масонский орден организацией преступной и безбожной¹. Согласно одному источнику, уже в конце 1750-х годов слухи о существовании в Петербурге масонской ложи произвели в обществе «панический страх»². Г.Р. Державин вспоминает в своих «Записках», как в начале 1760-х годов, будучи еще молодым человеком, он собирался сопровождать И.И. Шувалова в его зарубежных путешествиях; этот план сорвался из-за категорического запрета двоюродной тетки поэта, Ф.С. Блудовой, считавшей «появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют, и тому подобные бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника»³.

Такого рода представления о масонах вошли в обиход еще до екатерининского царствования, когда орден стал привлекать все больше людей в разных городах и областях России. В елизаветинское время подобные легенды исходили главным образом от православного духовенства, видевшего в появлении вольных каменщиков еще одно следствие зловредного западного влияния. Точнее говоря, распространение масонства вменялось в вину «немецкой партии», якобы полностью захватившей управление страной в царствование Анны Иоанновны (1730—1740) и малолетнего Ивана VI

(1740—1741; так называемая «бироновщина»). переворот 1742 года, возведший на престол Елизавету, верхушка русского духовенства приветствовала восхвалениями новой монархини и бесконечным потоком проклятий в адрес немцев Остермана (возглавившего при Анне внешнеполитическое ведомство) и Миниха (бывшего главнокомандующего русских войск), а также их русских сторонников, предавших свой народ. Всем им приписывали ограбление русской казны, преследование истинных патриотов, притеснение православной церкви и пособничество ее врагам — атеистам, мусульманам и армянам. До конца 1740-х годов русские проповедники не переставали предавать анафеме «скотоподобных, безбожных атеистов, еретиков, отступников, раскольников, армян» и людей «нрава и ума епикурейского и фреймасонского», слишком долго правивших Россией и потерявших власть только с воцарением Елизаветы⁴. В глазах высшего православного духовенства масоны были чуть ли не частью обширного заговора, инспирированного кучкой немцев и имевшего своей целью ослабить Россию изнутри, подчинив себе русское общество и государственный аппарат.

На это указывает один характерный эпизод. В 1747 году молодой граф Николай Головин, вернувшийся в Петербург из Берлина, попал на допрос к А.И. Шувалову, возглавлявшему тогда тайную полицию. Головина, с одной стороны, подозревали в том, что он выполняет тайные поручения прусского короля, а с другой — спрашивали, не состоит ли он в ордене вольных каменщиков, каковы установления этого ордена и осведомлен ли он о других русских, принятых в орден. Хотя ни Головин, ни названные им русские члены братства не были наказаны, этот случай демонстрирует со всей очевидностью, что масонский орден не только духовенству, но и некоторым из высших сановников России казался проводником иноземного, главным образом немецкого, влияния⁵.

Примерно к этому же времени относится зарождение в России антимасонской литературы⁶. Из общего ее анонимного корпуса имеет смысл выделить два текста: «Изъяснение некоторых известных дел проклятого сборища франк-масонского» и «Псалму на обличение франкмасонов»⁷. Первый текст, по всей видимости вышедший из духовной среды, содержит длинное — более 200 строк — стихотворное обличение ордена, в котором подробно живописуются дьявольские обряды вольных каменщиков, а сами они именуются прислужниками Сатаны⁸:

Появились недавно в Руси Франк-Масоны,
И творят почти явно демонские законы.
Нудятся коварно плесть различные манеры,
Чтоб к антихристу привесть от Христовой веры⁹.

После столь драматического зачина автор повествует о том, как именно масоны «тайно угождают» дьяволу. Он рисует ужасную картину обряда посвящения в масоны. Сначала кандидата ведут в темную комнату и заставляют пережить многообразные страхи: тела мертвых, стуча зубами, поднимаются из гробов, а живые бегут со всех сторон к новичку и царапают его «щипцами», «шпагами и ножами». Затем его ведут в подвал, куда никогда не проникают солнечные лучи, а по пути он слышит мерзкие нечестивые завывания и видит лишь жуткие отсветы на стенах, которые «страха умножают»; потом будущему масону, стоящему перед скелетом в открытой могиле, вручают «стакан ... злости», заставляют раздеться и заживо хоронят на три часа во испытание его мужества. Если кандидат выдерживает проверку, он кровью подписывает присягу. Наконец, с каждого нового брата пишут портрет, который затем помещается в особую комнату¹⁰.

Все эти кошмары, по мнению автора сатиры, масон терпит только для того, чтобы получить допуск на развратные сборища и вообще освободиться от всяких моральных ограничений. Новичок вступает в своего рода карнавальное пространство, в котором меняются местами добро и зло, грех и благочестие¹¹. Заранее извинившись за то, что он собирается представить читателям «непристойные» деяния, автор приступает к описанию этого «перевернутого» мира:

Тут молодцы до девиц устроят хоры,
Взыграют в скрипицы, ударят в волторы,
Там пляшут и танцуют быстрыми ногами
И друг друга целуют, объемя руками;
Садятся их общества все за стол едины,
Проводят торжество, пия разны вины,
Различным ставится стол кушаньем убранный,
«Кушай, кто хошет, изволь, в масонство призванный!»

...

В особливы палаты всякой отбегает,
Тщательно в мушкарады себе одевает,
Тут-то Содом и Гомор присутствие имеет,
Тут всяк грех и всякой вздор скверную злость деет,
Там-то юноши сами в девицы вменены,

В настоящие дамы и платье в перемены,
 Тут, кто кого поймают, с тем и осквернится,
 Родни не разбирает, греха не боится,
 Пускай сестра, пускай и мать, лишь попадись в руки,
 Нельзя от них тако отстать, по их злой науке:
 Которая не захочет с кем плотски пребыти,
 Тая к стене отскочит, начнет говорити:
 «В пристанище тихом теперь я убегла,
 Малому и великому себя не подвергла».
 «Отговорка, скажут ей, твоя неуместна,
 Здравствуй ради секты всей, Исова невеста!»
 Она принуждена сказать: «Здравствуй, дорогой жених!
 Изволь мною теперь владеть: я в желаниех твоих!»
 Такими-то делами скверны Франк-Масоны
 Строят они руками горьки Вавилоны...¹²

Масонам приписывается склонность к обжорству, блуду, половым извращениям, инцесту и насилию. Масонская ложа представляет собой «храм беззакония», в котором воздвигается «антихристу трон»¹³; люди распущенного поведения и рабы своих страстей, каменщики испытывают непреодолимую тягу к плотским удовольствиям и не знают пределов своему безбожию и кощунству. Они измышляют «различные манеры, / Чтоб к антихристу привести от Христовой веры»¹⁴. Автор сатиры предостерегает читателей от вступления в орден из любопытства:

Многи тому примеры, говорят, бывали,
 Которые они сей веры отстать пожелали,
 Но из оных никого в живых нет на свете,
 Вить стоит смерть его и живот в портрете,
 Которой лишь поранят пулями с пистолета,
 Тотчас в жизни увянет и лишится света!¹⁵

Однако даже такой трагический конец лучше того, что ждет остальных масонов: веселье, потешная музыка и плятья не спасут их от неминуемой «вечной смерти» в аду, откуда им не будет исхода. Когда слуги дьявола будут преданы огню, у них «пропадет слава и погибнет с шумом», а «люди честные» и верные христиане соединятся в триумфе своей веры и проклятии масонству¹⁶.

В отличие от этих виршей, «Псалма...», по-видимому, написана умелым литератором и относится к рубежу 1750—1760-х годов¹⁷. Она намного лаконичнее «Изыяснения...»:

Полны лжи ваши законы
Оказались, франк-масоны,
И в том тайность ваша есть —
Щот шестьсот шездесят шесть.
Роскошей пути широки,
В вас рождают все пороки,
Там собрание ваше есть,
Где шестьсот шездесят шесть.
Масон назван по французски
Тот кто каменщик по русски,
Имя подлю почто несть,
И шестьсот шездесят шесть.
В ком прямая добродетель
Весь народ тому свидетель,
Будет хвалы венец плесть
На шестьсот шездесят шесть.
А кто дел своих стыдится,
Тот от света всюю таится,
Пока судьба воздаст месть
За шестьсот шездесят шесть¹⁸.

Темы «Изъяснения...» здесь повторяются: масонские законы называются «лживыми», деятельность ордена связывается с дьяволом — на этот раз через «дьявольское число» 666 (возможно, это намек на нумерологические интересы масонов); масонам приписываются разнообразные пороки и ставится в вину секретность их братства, ибо только зло «от света таится». Интересно отметить, что в «Псалме...» (намного отчетливей, чем в «Изъяснении...») масонство ассоциируется с Францией¹⁹. Эта ассоциация довольно нетривиальна — орден возник в Англии, и в России первые ложи создавались не только французами, но также англичанами, шотландцами и немцами. С одной стороны, указание на «французский» характер русского масонства может свидетельствовать о действительной значимости французского влияния для распространения ордена в России; с другой стороны, легко предположить, что автор «Псалмы...» встраивает братство вольных каменщиков в общий ряд врагов России, в котором Франция успела уже занять свое место как постоянная союзница главных внешнеполитических противников России — Турции, Польши и Швеции. Кроме того, введение французской темы позволяет описать увлечение масонством как еще одно следствие безудержной галломании русского дворянства²⁰.

«Псалма...», как и другие антимасонские сатиры, распространялась в рукописных копиях. Однако, в отличие от большинства

сочинений такого рода, недоступных широким кругам читателей и потому быстро забытых, «Псалма...» удостоилась публикации в таком известном издании, как «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения рускому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей» Н.Г. Курганова (1769; в последующих изданиях — «Письмовник») в составе раздела «Светские песни, или Дело от безделья»²¹. Важность этого события трудно переоценить, если учесть фантастическую популярность «Письмовника». Н.Г. Курганов, профессор математики, навигации и астрономии Морского кадетского корпуса, попытался соединить в одной книге сведения широчайшего диапазона и создать своего рода русскую энциклопедию. В «Письмовнике» были главы, посвященные русской истории, философии и естественным наукам, различные отделы по грамматике, искусствам и науке, собрания шуток, поговорок, загадок, стихов и даже «Словарь разноязычный». Успех книги был огромен: только в XVIII веке она переиздавалась пять раз (в 1777, 1788, 1790, 1793 и 1796 гг.), а в 1837 году «Письмовник» вышел в одиннадцатый раз. Его можно было найти в библиотеке любой семьи в России; по словам авторитетного историка русской печати И.Е. Баренбаума, книга служила «воротами учености», через которые проходило с течением времени все большее число читателей²². Таким образом, едва ли не каждый грамотный русский человек в конце XVIII века был знаком с антимасонской литературой; более того, если учесть повсеместную практику чтения книг вслух в небольших обществах, можно достоверно утверждать, что уничижительный образ «франк-масона» был известен не только образованному меньшинству, но и некоторой части безграмотного населения.

* * *

Однако антимасонские выпады не оставались без ответа. Каменщики старались защитить орден от клеветы; тексты, которые они писали в свое оправдание, также распространялись в списках²³. В собрании романсов, пасторалей и других стихов, созданном примерно в середине века неизвестным масоном (по-видимому, молодым и исполнявшим должность Стража в своей ложе), можно найти возражения на критику в адрес масонов. После обычных слов о

масонской скромности, честности и нравственности автор песни начинает увещевать врагов ордена:

Вы перестаньте нас ругати
Те, кто в масоны не вошел
Как не старайтесь не узнати
Что избратель нашел
Мы сожалеем все об вас
Там причина ругати нас
Нет, нет, нет, не узнать вам нас,
Пока не будете вы братья сами
Нет, нет, нет, не узнать вам нас
Так как не знали по сей час
...
Вот наша должность теперь знайте
И стыдитесь нас ругать
В своих вы нравах пребывайте
А нам оставте исполнять
То, что закон и честь велит
И что мы в братстве обещали
Жаль, жаль, жаль, что вы все не мы
Вы бы приятней век свой проводжали
Жаль, жаль, жаль, что вы все не мы
В вас бы добродетельных было тьмы²⁴.

Эти строки еще раз демонстрируют претензии масонов на социальное и моральное превосходство над немасонской частью общества; противники ордена, согласно этой песне, не понимают истинной сути масонства, а следовательно, чужды добродетели и склонны к нечистым, развращенным нравам.

Хотя поначалу, как видно из приведенного текста, в защиту масонов писали люди, едва ли обладавшие литературными способностями, ситуация коренным образом изменилась с появлением песни А.П. Сумарокова «Кто хулит франкмасонов»²⁵. В коротком стихотворении поэт, кроме прочего, оправдывает масонскую тягу к секретности:

Кто хулит франкмасонов
За тайный их устав,
Что те не чтут законов,
Своих держатся прав:
    Когда бы ты спросился,
    Как верен франкмасон,
    В котором он родился,
    Тот держит и закон.
Быть должно людям в власти,

И так веру любить,
Чтоб, все презрев напасти,
И кровь свою пролить,
Святую честь хранить,
Не руша ни черты,
И имя чести чтити
Превыше суеты.

Любить людей как должно
И бедным помогать,
И сколько где возможно,
Беды им отвращать.
Словом тебе сказать,
Он честный человек,
А тайну их спознати
Нельзя тебе во век.

Эти отрывочные примеры показывают, насколько хорошо сами каменщики осознавали свою скверную репутацию в некоторых частях российского общества.

Впрочем, несмотря на их попытки оправдать действия ордена, уже к началу екатерининского царствования в русском общественном сознании прочно закрепился образ масона — нечестивца и предателя. 1762 годом датируется донос на «протопопа Андрея яко подозрительного человека, масона»²⁶. Надо сказать, что сходные настроения существовали и в Европе, где масонов тоже обвиняли в колдовстве, безнравственности, безбожии и коварстве. Так, в Голландии в середине XVIII века ходили слухи, что масоны на своих собраниях играют в «карты дьявола» и владеют тайным знанием, которое позволяет им летать. Автор сатиры, опубликованной в «Бостонском почтальоне» (*Boston Post-Boy*, 1750—1751) и показательной для ранней антимасонской литературы, дает понять, что масонский мастерок используется на самом деле для сексуальных пыток. Тот факт, что среди братьев были представители разных конфессий, а в масонских обрядах использовалась религиозная символика, делал орден легкой мишенью для сторонников традиционных религий. В континентальной Европе озабоченность вызывало и английское происхождение ордена — в нем видели заговор республиканцев и одновременно агентурную сеть английской внешней разведки. Тем не менее, как отмечает Дж. Робертс, первые пятьдесят лет своего существования орден вольных каменщиков не вызывал в обществе сколько-нибудь серьезного страха; скорее имели место разрозненные вспышки антимасонских настроений, не

складывавшиеся до времени в единый масонофобский миф. Оформление этого мифа было спровоцировано в 1780-е годы паникой вокруг баварских иллюминатов и конечно же Великой французской революцией²⁷.

Примерно так же выглядит история масонофобии и в России. Необходимо отметить, однако, что испуг, вызванный появлением масонства, в России был намного сильнее, чем в Европе, — русские защитники благочестия, например, считали существование ордена не только угрозой церкви, но и непосредственно делом рук дьявола. До конца понять причины этого трудно из-за малочисленности сохранившихся антимасонских текстов и скудости наших сведений об обстоятельствах их создания; однако можно заключить, что главным фактором, стимулировавшим русскую масонофобию, было ощущение «чуждости» (и — следовательно — потенциальной опасности) ордена, которое сопровождало масонов первые десятилетия их деятельности в России. И это ощущение оказалось удивительно долговечным.

ШАРЛАТАНЫ

2 февраля 1786 года состоялась театральная премьера комедии «Оболенный», вышедшей из-под пера императрицы Екатерины II и направленной против масонов. Действие пьесы происходит в доме дворян Радотовых. Радотов, глава семьи, из верного мужа, заботливого отца и почтительного сына превратился в чудаковатого мизантропа. Отказавшись от общения с родными и друзьями, он проводит дни напролет, молча глядя перед собой, а когда его вынуждают заговорить, изъясняется загадками²⁸. Такое же бедствие постигло и дочь Радотова, Таису — она целует листочки цветов и уверяет, что «на каждом листе душок обитает»²⁹. Это несчастье не минует и слуг — так, Прасковью, горничную Радотовой, не может понять даже ее собственный жених Теф. На его вопрос о том, откуда у нее «слова такие отборные», она отвечает, что в их доме «у всякого язык свой» и все «употребляют часто мудреные слова толико, что хотя слышишь, как говорят, но не разумеешь»³⁰. Все это настолько не нравится матери Радотова, что она угрожает уехать из его дома, где «все пошло на вынтараты».

Причиной всех этих бед оказывается Протолк, якобы мудрец и волшебник, втершийся в доверие к Радотову обещаниями духовно-

го просветления. Радотов втайне встречается с членами загадочного общества, возглавляемого Протоком и Бебиным, его подручным и сообщником, который тоже говорит «языком невразумительным». Они принимают участие в разного рода эзотерических ритуалах³¹, однако на самом деле преследуют вполне прозаические цели — Проток и Бебин хотят выманить у Радотова его состояние, Радотов же стремится постичь тайны алхимии, чтобы приобрести «сокровища бесценные»³². Играя на жадности Радотова и на его желании прослыть мудрецом, преступники похищают его собственные деньги вместе с чужими, доверенными Радотову на хранение.

Узнав о краже, Радотов одумывается и признается родным: «Я был оболещен наружностями; непрестанно оба [Проток и Бебин] твердили, принимая их образ мысли, колико надлежит быть добродетельну»³³. Он рассказывает, что, подобно другим, сперва «был влеком любопытством ... потом самолюбие мое находило удовольствие отличиться, инако думать, как домашние, как знакомые». Ему было лестно общаться с людьми, которые, по его мнению, «наполнены знанием, просвещением. Люди, вышедшие из числа обыкновенных, и во всем вышней степени, а паче всего — добродетельны». Радотову «легковерие льстило: авось-либо увижу, услышу то, что почитают за невозможное»³⁴.

Несмотря на все перипетии, «Оболещенный» (как и полагается классической комедии) заканчивается счастливо — Проток, Бебина и их сообщников арестовывают, а украденные деньги возвращают Радотову. Дочь и племянница Радотова, которых он хотел было выдать замуж за двух мошенников, воссоединяются со своими возлюбленными. Под занавес Бритягин, шурин Радотова и резонер, формулирует мораль пьесы: «По умствованию каждого века следующие за ним о нем судят... Вообще столетиям похвалы приписывают одним тем, кои не бредом, но здравым рассудком от прочих отличались... Надзирание, бесспорно, в руках начальства. Благодарить мы должны провидение, что живем в такое время, где краткие способы избираются к исправлению»³⁵.

Лейтмотивом «Оболещенного» оказывается тема наваждения, овладевающего Радотовыми и заставляющего их предпочитать видимое действительному. Они заимствуют только атрибуты красоты, мудрости и добродетели и надеются таким образом стать красивыми, добродетельными и мудрыми. Племянница Радотова София, стремясь приобрести великосветский лоск, одевается по

последней парижской моде и подражает французским манерам; но так как она лишена природного изящества, ее попытки «офранцузиться» вызывают только смех. Болезненное увлечение «наружностями», свойственное разным персонажам пьесы, свидетельствует только об отсутствии у них внутренних достоинств.

Именно поэтому Екатерина ополчается против масонства, которое она ставит в один ряд с парижской модой. Принадлежность к ордену помогает его членам казаться мудрыми и добродетельными, тогда как на самом деле масоны нисколько не превосходят добродетелью всех остальных. Пример Радотова демонстрирует суетность и безнравственность масонских ритуалов. Масонская ложа — это место, где братья, прикрываясь вывеской благочестия, предаются самым низменным порокам. Объединяет масонов не любовь к добру и не стремление укрепить распадающиеся связи человечества, как утверждают сами вольные каменщики, а тщеславие, жадность, глупость и обжорство. Заблуждение Радотова намного опаснее, чем галломания Софии, — оно заставляет его забыть об общественном и семейном долге и поэтому угрожает катастрофой его близким.

* * *

Образ масонства в «Обольщенном» существенно отличается от того, который имел хождение раньше. Екатерина видит в масонах не прислужников сатаны, злоумышляющих против православной церкви, а хитроумных мошенников, выманивающих деньги у состоятельных глупцов. В таком взгляде на орден императрица не была одинока, однако он представлен главным образом именно в ее сочинениях. Кроме «Обольщенного» Екатерина написала в 1780-х годах еще две антимасонские пьесы — «Обманщика», самую раннюю из трех комедий, чья премьера состоялась 4 января 1786 года, и «Шамана сибирского», вышедшего на подмостки 24 сентября³⁶. Представлением «Обманщика» ознаменовалось возобновление драматургического творчества императрицы после двенадцатилетнего перерыва.

Все три антимасонские комедии Екатерины варьируют одну сюжетную схему — мошенник подчиняет себе состоятельную семью (или, по крайней мере, хозяина дома), утверждая, что владеет тайным знанием. В «Обманщике» проходимец по имени Кали-

фалкжерстон, выдающий себя за великого целителя, алхимика и колдуна, пытается различными уловками выманить деньги и драгоценности у семьи Самблиных. В «Шамане сибирском» шаман по имени Амбан-Лай, прибывший из Иркутска в Петербург вместе с семьей Бобиных, приобретает славу могущественного провидца. Обе пьесы заканчиваются хорошо — Калифалкжерстона вместе с его сообщницей ловят, когда они пытаются спрятать украденные деньги, а Амбан-Лая арестовывают за то, что «он у какой-то купеческой вдовы выманил денег и обещал ей показать мужа наяву, и для того приводил к ней ... нарочно наряженных бородачей, коих она, испугавшись, приняла за мертвого сожителя»³⁷.

Вскоре после премьер в Эрмитажном театре екатерининские комедии начали ставиться в публичных театрах обеих столиц и собирали там большие залы в течение 1786—1787 годов³⁸. Все три пьесы вышли отдельными изданиями и продавались в книжных лавках. Первый тираж «Обманщика» в 1785 году был распродан за три дня³⁹, после чего буквально через несколько недель вышел второй, также не залежавшийся в магазинах. Хорошо продавались и оба издания «Оболенного» и единственная публикация «Шамана сибирского». Кроме этого, уже к концу 1786 года все три пьесы вышли в немецких переводах⁴⁰.

Хотя постановки и публикации пьес императрицы были анонимны, отзывы современной печати не оставляют сомнений, что авторство Екатерины ни для кого не было тайной. В еженедельнике «Зеркало света» 9 февраля 1786 года появилась рецензия на «Обманщика», в которой говорилось, что «публика, видев оное на театре несколько раз, беспрестанными восклицаниями и непрерывным рукоплесканием утвердила его достоинство». Рецензент приветствует публикацию «Обманщика», которая якобы не только донесет до провинциальных жителей высочайшее нравоучение, но и позволит им насладиться «духом великого *Молиера*», пронизывающим всю пьесу⁴¹.

Многочисленные похвалы тому же «Обманщику» и его автору рассыпаны по февральским и мартовским книжкам «Растущего винограда». В «Письме к сочинителю комедии Обманщика» говорится, что эта пьеса помогает разрушить «те удивительные и волшебные здания, кои пышными словами сооружаются». Автор признает, что найдутся люди, которые не согласятся с главной мыслью комедии и будут отстаивать благочестивость масонских собраний. Но такой человек «привязывает к оному [заклучению] тщеславие

осудительное или что и того хуже, а часто бывает, *свое* токмо добро тогда разумеет». И наконец, рецензент апеллирует к русскому национальному характеру: «Таковые затеи хороши в народе столь проницательном, каков есть французский. Там магнитом всех лечить можно; с духами сообщаться и предсказывать будущее: а нам *робяткам простым* понятно должно быть только то, что рассудок ясным представляет. Отцы наши правила сего держались, и я не знаю, как другие, а я предков своих стыдиться притчины не имею»⁴².

В стихотворении, опубликованном в том же журнале и посвященном автору «Обманщика», его (то есть ее) благодарили за разоблачение шарлатанов и демонстрацию истинных намерений тех «магов», которые в свои ряды «берут почти одних богатых»:

Завесу, где сокрыт обман людских умов,
Где создан храм ему на мраке звонких слов,
Для пользы сограждан бесстрашно открываешь,
Пред ослеплением свет чистый возжигаешь:
Да видят ясно все Комедией Твоей,
Что в легковерии едином лишь людей
Достоинство жрецов и глубина их знаний,
И что слова их звон пустых лишь обещаний;
Их все стремленье в том, чтоб загулять в карман,
Втолкнувши слабый ум прехитрых лжей в туман⁴³.

В подражание «Обманщику» была написана пятиактная пьеса Н.Ф. Эмина «Мнимый мудрец», впервые поставленная на петербургском театре в 1785 году⁴⁴. Действие этой пьесы происходит в доме Легковера и Легковеры. Их оболещает мошенник Хитроум, утверждающий, будто его тайные знания способны научить их мудрости и общению с духами. Легковерами движут вполне прозаические побуждения — глава семьи хочет «богатства и чинов», его супруга мечтает стать «помоложе и прекраснее», и оба они стремятся выглядеть учеными в глазах «просвещенного света»⁴⁵. Своеобычным образом понимает духовность и Хитроум. «Деньги, — признается он в минуту откровенности, — душа мира»⁴⁶. Относительно антимасонского характера «Мнимого мудреца» не остается никаких сомнений: один из героев говорит, что достичь просветления — значит «обработать свой камень», истинный мудрец «сглаживает и уравнивает лопаткою глубочайших сведений поры сердца». Наконец, Хитроум упражняется в «науке самопознания», используя при этом «циркуль и молот»⁴⁷.

Комедии Екатерины, как и пьеса Эмина, были написаны по модели «Тартюфа» Мольера. Вообще, явное использование литературных образов и целый ряд драматургических приемов, бывших в ходу в ту эпоху (к примеру, противопоставление простых и честных слуг пустым и продажным хозяевам, запутанный сюжет «комедии положений», «неузнанные» герои, говорящие имена), не позволяют счесть пьесы сценками из русской жизни⁴⁸. Однако в персонажах «Обманщика» и «Обольщенного» легко угадывался один прототип, намеки на которого не слишком вуалировала и сама императрица. Речь идет о Калиостро⁴⁹.

Вероятно, самый знаменитый авантюрист XVIII века, Джузеппе Бальзамо, более известный как граф Алессандро ди Калиостро, прибыл в российскую столицу весной 1779 года из Митавы, где он успел покорить местную публику спиритическими сеансами, алхимическими опытами, магией и личной харизмой⁵⁰. Как и в большинстве европейских столиц, в Петербурге Калиостро вскоре удалось зарекомендовать себя как чудесного целителя и обзавестись последователями. Об удивительном графе заговорил весь город, а самые знатные и богатые жители потянулись к Калиостро за излечением от своих недугов. Одним из первых доброжелателей и покровителей графа стал И.П. Елагин, блестящий придворный и видный масон⁵¹. Елагина и других представителей российской элиты, как, например, графа А.С. Строганова, могущественного сановника и тоже действующего масона, Калиостро интересовал прежде всего как обладатель Эликсира жизни и Философского камня⁵². Елагин и Строганов помогли Калиостро проникнуть в масонские круги столицы, где вместе со своей женой Лоренцой (которую он именовал Царицей Савской) попытался склонить местных каменщиков перейти в его собственную — египетскую — систему масонства. Однако петербургские братья, отнесшиеся к Великому Копту (nom de maçonnerie Калиостро) с любопытством и скепсисом, потребовали доказательств сверхъестественных сил и мудрости графа. О том, что случилось дальше, мы знаем весьма отрывочно — так или иначе, Калиостро попытался показать какие-то фокусы для демонстрации своих способностей, потерпел неудачу и вынужден был скрыться⁵³.

Вскоре после бегства от масонов Калиостро потерял доверие остальной части петербургского общества. Причины этого до сих пор точно не известны. Согласно одной версии, Калиостро по приезде в Россию представился знатным испанским дворянином; ког-

да же новости о нем дошли до испанского посланника, тот, наведя справки по своим каналам, напечатал в местной прессе уведомление о том, что фамилия Калиостро не значится ни среди испанской знати, ни вообще среди списков людей, состоящих на испанской службе⁵⁴. По второй версии, причиной падения Калиостро послужила следующая история. Калиостро хвалился тем, что якобы исцелил от смертельной болезни сына какой-то состоятельной четы, заплатившей ему в качестве гонорара большую сумму денег. Через некоторое время по столице поползли страшные слухи о том, что граф на самом деле не излечил ребенка, а подменил. Калиостро, обвиненный в мошенничестве, признался, что больной мальчик скончался в его доме⁵⁵. Так или иначе, но в начале марта 1780 года Великий Копт и Царица Савская уехали из Петербурга в Варшаву с основательно подмоченными репутациями⁵⁶.

* * *

Комедии, где Екатерина высмеивала Калиостро и его последователей, спровоцировали шумные и долгие споры в русском обществе. В 1786 году, сразу после их постановки, неизвестные доброжелатели — вероятнее всего, масоны, воспринявшие екатерининские выпады против Калиостро как атаку на орден в целом, — выступили в защиту итальянца и опубликовали сразу два русских перевода только что написанной самим графом оправдательной записки, посвященной знаменитой истории с пропавшим бриллиантовым ожерельем королевы Марии-Антуанетты (общим весом до 3000 карат)⁵⁷. Русские враги Калиостро немедленно откликнулись на это событие и выпустили на русском «Возражение со стороны графини де Валуа-ла Мотт, на оправдание графа де Каллиостро». Текст был написан стряпчим графини, господином Дуалло, и опубликован по-французски в том же 1786 году на пике интереса публики к этому загадочному делу. А уже в следующем году в России появилось переведенное «Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год и произведенных им тамо магических действий» Шарлотты фон дер Рекке. Здесь Калиостро изображался как плут и мошенник (вроде магнетизеров Иоганна Георга Шрепфера и Иоганна Гасснера), обманывающий людей с помощью трех вещей: «закона, магии (таинственной науки) и франмасонства». Наконец, в 1788 году в Москве была издана книга «Калиостр познан-

ный в Варшаве, или Достоверное описание химических и магических его действий, производимых в сем столичном городе в 1780 году», в которой Калиостро был аттестован как «обманщик... который долго уже употреблял во зло доверенность Публики»⁵⁸.

Однако кое-что в этом споре остается непонятым. Почему он начался только спустя шесть лет после визита Калиостро в Россию? Зачем Екатерине понадобилось высмеивать авантюриста и его поклонников через столько лет⁵⁹? Считается, что к написанию комедий Екатерину побудила ее поездка летом 1785 года в Москву, где генерал-губернатор Я.А. Брюс мог обратить ее внимание на возрастающую активность московских масонов во главе с Новиковым⁶⁰. Вероятнее, на наш взгляд, что Екатерину заинтересовали другие события тех лет — история с «ожерельем королевы» и заключение Калиостро и его жены в Бастилию в 1785 году. Российская публика с интересом следила за ходом этого дела по публикациям в периодической печати, подробно освещавшим судьбу четы Калиостро, графини Ла Мотт и кардинала де Рогана⁶¹. Императрица также была в курсе всех событий: об этом свидетельствуют ее письма к М. Гримму, тогда жившему в Париже, где она называет Калиостро «франк-шарлатаном» (намек на «франк-масона»), а историю с ожерельем оценивает как исполненную «духом мошенничества»⁶². Ей, просвещенной монархине, естественно, хотелось выразить свое мнение по злободневному вопросу не только в личной переписке — тому и послужили пьесы. Переводы и постановки ее комедий за границей должны были продемонстрировать всему миру, что просвещение не только дошло с образованного Запада до варварского Востока, но и путешествует в обратном направлении — с берегов Невы на берега Сены⁶³.

Так же как и роль Калиостро в спорах вокруг масонства, его особое положение в общественной жизни Европы не объясняется только эффектными фокусами или несомненной дерзостью. Успех итальянца на выбранном поприще таинственного целительства действительно был выдающимся, и самый род занятий находил множество приверженцев в течение всего века: от шотландца Джеймса Грэма, чей Храм здоровья со странными насосами, электрическими аппаратами и Великим Божественным ложем, якобы исцелявшим от всех болезней, был популярен в Лондоне 1780-х годов, до «Лунного доктора», практиковавшего в Берлине лечение лунным светом⁶⁴. Такого рода «врачи» приезжали и в Россию, очевидно полагая, что именно на восточной окраине просвещенной

Европы их лекарства и предписания будут пользоваться наибольшим спросом⁶⁵. Так, 27 ноября 1784 года «Московские ведомости» напечатали пространное уведомление о некоем Иосифе Маджи, исцеляющем все недуги, от паралича и конвульсий до «женской немощи», с помощью «электрической машины и особого своего при ней состава»⁶⁶. Примерно тогда же генеральша Ковалинская приглашала всех желающих посетить ее во время регулярно случавшихся трансов и принять участие в опытах по животному магнетизму⁶⁷. На этом фоне огромную популярность получила комическая опера А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», сюжет которой строится вокруг фигуры мельника, практикующего лживые предсказания⁶⁸. В редких, особых случаях шарлатаны привлекали внимание властей. Иногда сама Екатерина обращалась к городскому начальству с распоряжением разоблачить того или иного мошенника, работающего под чужим именем и титулом. Так, в записке к московскому генерал-губернатору от 11 сентября 1787 года она сообщает о том, что необходимо выследить и задержать «графа Шидловского», «бродягу и обманщика», замеченного также в «мошенничествах и развратах»⁶⁹. Таким образом, Калиостро служил примером для подражания многочисленным путешествующим знахарям и шарлатанам, с успехом игравшим на пристрастии образованного общества, в интеллектуальном поле которого мирно сосуществовали современное знание и средневековый мистицизм, ко всему таинственному и сверхъестественному.

Даже сами масоны, по-настоящему интересовавшиеся тайным знанием, иногда связывались с разного рода темными личностями, о которых невозможно было точно сказать, мудрецы они или обманщики. Так, в одном неопубликованном дневнике русского масона рассказывается, как в 1786 году он с двумя братьями по ложе познакомился с неким греком по имени Харитон Цицеронол (или Цицеронолия), «художником [и] делателем фальшивого мрамора», который представился розенкрейцером и убедительно толковал о «таинственных науках». Масоны были заинтригованы и попросили грека стать их духовным учителем. Они сняли комнату в каком-то доме, где встречались каждое воскресенье и с полудня до рассвета слушали нового наставника. После нескольких собраний стало ясно — несмотря на скверный русский язык таинственного грека (или благодаря ему), — что познания учителя не удовлетворяют запросам учеников и не соответствуют его обещаниям. Харитон пытался оправдаться, но струсил; масоны удостоверились в обма-

не и бросили «учителя»⁷⁰. Зимой 1783 года Новиков в письме к А.А. Ржевскому поздравлял его с решением объединить петербургских каменщиков с московскими соратниками Новикова, поскольку теперь общие «дела орденские ... наконец очистятся от всех шарлатанств и освободятся от всех, иногда корыстолюбивых, иногда честолюбивых, а иногда мечтательных видов некоторых бр[атьев]»⁷¹. Несколько месяцев спустя князь Н.Н. Трубецкой, посылая Ржевскому новые масонские документы, сообщал, что они, хоть и навряд ли понадобятся для проведения собраний, все же нужны, чтобы «шарлатаны не могли делать беспокойства». Трубецкой имел в виду прежде всего Хосе де Рибаса, хвалившегося «внутренними орденскими познаниями», но на деле бывшего всего лишь «шарлатаном»: имея на руках эти документы, Ржевский мог верифицировать осведомленность де Рибаса в масонских делах. В другом письме Ржевскому Трубецкой призывает русских масонов обрести самостоятельность от иностранцев, перестать наконец «волочиться за всяким побродягой, который, быв ничего в ордене, выдает себя здесь за велико» и более хладнокровно отнестись к «Рибасам, Розенберхам, Фрезам и подобным им»⁷².

Однако вопрос, кого же считать обманщиком, решался неоднозначно. Так, барон де Корберон, французский поверенный в делах при петербургском дворе и преданный масон, аттестовал де Рибаса как «благороднейшего молодого человека»⁷³; а Новиков и Трубецкой в определенных кругах сами имели репутацию шарлатанов. К примеру, А.Т. Болотов после посещения ложи Новикова рассуждал, мысленно обращаясь к последнему, следующим образом: «Нет, нет, государь! Не на такого ты глупца и простачка напал, который бы дал себя ослепить твоими раздабарами и росказнями и протянул бы тебе свою шею для возложения на нее петли и узды, дабы тебе после на нем верхом ездить и неволею заставлять все делать, что тебе угодно»⁷⁴. Тот самый Фрезе, которого Трубецкой называл «побродягой», в дневнике барона Г.Я. Шредера получил характеристику «довольно хорошего и честного человека», а И.Г. Шварца, товарища Новикова и Трубецкого, И.П. Вегелин, оратор ложи Трех знамен, полагал «искусным лицемером»⁷⁵. Сам Шварц, естественно, считал себя чуть ли не единственным порядочным иностранцем в России. Свои чувства по этому поводу он выразил в автобиографической записке: «Я приходил в негодование, видя, что недостойные, своекорыстные иностранцы обманывают многих благородных отцев и матерей, которые горячо

желают детям добра, но не имеют настолько образования, чтобы знать, как следует приняться за дело». Такое положение дел, по видимому, и заставило его организовать собственное учебное заведение. К счастью для Шварца, не все разделяли взгляды Вегелина на его нравственность, и для нового предприятия он сумел найти несколько блестящих покровителей. Среди них был, например, П.А. Татищев, весьма состоятельный масон, по словам того же Шварца, «не раз обманутый толпою льстецов, которые всегда теснятся около богачей»⁷⁶. Тот же Вегелин, впрочем, полагал, что наиболее опасным «льстецом» и был мнимый ученый Шварц, вытягивавший у Татищева тысячи рублей.

* * *

Масоны, внушавшие ужас низшим слоям российского общества, высмеиваемые на театральных подмостках и в печатных изданиях⁷⁷, раздираемые внутренними противоречиями, как могли, пытались защищаться. Для этого они время от времени публиковали тексты, излагавшие истинную суть их учения и описывавшие настоящие нравы вольных каменщиков. В номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 22 августа 1785 года было помещено уведомление о выходе в свет (сразу в двух изданиях) книги «Братския увещания к некоторым братьям свбднм. кмнщкм [свободным каменщикам]»⁷⁸. Ее автор, Станислав Эли, скрывшийся за своим масонским именем «брат Седдаг», был крещеным польским евреем, с 1776 года жил в России, служил в Медицинской коллегии, участвовал в работе Вольного экономического общества и нескольких масонских лож. Несмотря на заглавие, его труд был обращен не только к самим масонам, но вообще к российской публике и должен был убедить последнюю в несправедливости нападок на орден. Он отменял все обвинения в адрес каменщиков — «жадность к богатству», «ветряное честолюбие», тайные политические цели⁷⁹ — и доказывал, что масонская ложа — лучшее место для тех, кто хочет «научиться право мыслить, различать, избирать, хотеть и отвергать, действовать и поступать». Там собирается «общество к добродетели себя образующих, и к познанию неопровергаемых чистых истин, и к распространению нужных и полезных для всеобщего блага сведений»⁸⁰.

В том же году в Москве появилось еще одно масонское издание — «Магазин свободно-каменьщической, содержащий в себе:

речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткия писания, стихами и прозою». В предисловии к «Магазину...» сообщалось, что книги вроде «Записной книжки для друзей человечества», «Карманной книжки для В*** К*** и для тех, которые и не принадлежат к числу оных» или «Апологии, или Защищения ордена Вольных каменщиков» печатаются силами братства, так что «как принадлежащие к Ордену, так и посторонние могут почерпнуть хотя некоторые легкия понятия о истинном Свободном Каменщичестве и выбросить из головы своей вкоренившиеся уже из давного времени весьма ложныя заключения и предубеждения, ко вреду Ордена лжебратиями и ненавистниками онаго в легковерныя и недовольно твердыя сердца посеяныя»⁸¹.

«Весьма ложныя заключения и предубеждения», оспорить которые должны были авторы «Магазина...», широко варьировались: говорили о том, что вся масонская деятельность сводится к ребяческим играм, что в каменщики идут от скуки, что члены лож не помогают себе, близким и обществу, а только занимаются ерундой, вместо того чтобы приносить пользу. Издатели готовы были согласиться с тем, что все эти обвинения применимы к «так называемым» масонам: в «Рассуждении о доверенности», первоначально произнесенном в московской ложе Светоносного треугольника, оратор подчеркивал, что многие члены ордена являются масонами только на словах. Они приходят туда «из единой благопристойности» и «тела их единыя присутствуют в святилище сем, но сердца их далеко бывают от оных»; они вступают в ложи только ради «преимуществ и выгод в общежитии». Впрочем, по мнению оратора, все «ложные» масоны непременно будут разоблачены, ибо «мы причислены к истинному Ордену, давшему нам средства к различению Брата от шарлатана и от обманщика»⁸².

Но если неправедные братья стремятся только к материальным благам, то чего же ищут истинные масоны? И чем они отличаются от тех, кто не вступает в ложи? Ответы на эти вопросы были даны в «Рассуждении о повиновении, говоренном в ложе св. Моисея»: «Повиновение возбудит в нас истинное Благодравие, истинным Свободным Каменщикам свойственное, и сделает все слова и телодвижения наши отменными от профанских, представляя нас примером общежития»⁸³. Члены братства составляют «малое число мудрых», «немногих истинных человеков»; от обычных людей они отличаются «благоразумием» и «умеренностью». Остальные — рабы гордости, алчности и праздности — проводят жизнь в грубых

сборищах, погрязнув в пьянстве и плотских грехах, и в конце концов доходят до свинского состояния. Таким образом, возвращая своим критикам их же обвинения, защитники масонства пытались представить каменщиков самыми полезными и добродетельными членами общества. Силы масонов уходят прежде всего на «исполнение гражданских и семейственных должностей»; наконец, настоящие каменщики предпочитают нечестивым сходкам «мирную и разумную беседу с подобными себе друзьями, братолюбием и добронравием связуемую», все условия для которой, разумеется, можно найти только в ложе⁸⁴.

Соотнесению масонского учения и этики общественного долга была посвящена отдельная речь, также прочитанная братьям ложи Светоносного треугольника. В этом, возможно наиболее примечательном масонском тексте, опубликованном в «Магазине...», ложи уподоблялись римскому форуму и греческой агоре и описывались как последнее прибежище гражданской доблести:

Уже ли глас отечества, раздававшийся с толикою силою в собраниях Греков и Римлян, гремевший в ушах умирающих любителей отечества и уже при последнем их издыхании возбуждавший в них приятную улыбку, уже ли могущественный глас сей потерял между нами силу свою, или мы лишились нежных чувствований сих и учинились неспособными внимать ему? Нет у нас публичных мест, в которыя бы стекались граждане для советования о благе отечества; нет у нас ни Демосфенов, ни Цицеронов, которые бы возбуждали внимание наше по гласу сему; нет у нас и публичных изображений мужей служивших и принесших жизнь свою в жертву сей матери, всех нас Россиян породившей, которые бы взирающим на них вещали: *умри за отечество*: уже ли же мы заключили вход гласу сему и в сие последнее его убежище, в сие святилище, истинне и мудрости посвященное? Уже ли не возгремит он в ушах истинных Каменщиков? Уже ли не воспламенит сердца их горячайшей любовью к Государю своему и не послужит нам вместо трубы воинския, побуждающей к подвигам, ежели не бессмертным, то по малой мере благородным?⁸⁵

Ложа предстает здесь своего рода народным собранием, а масоны — сынами отечества (*patría*), верными подданными государя, бескорыстно посвятившими себя общему благу. Описывая свою

деятельность с помощью риторики гражданского гуманизма, авторы речи подчеркивают значимость ордена для объединения и усиления государства. Масоны, действуя ради общественного блага и способствуя процветанию страны, таким образом прямо участвуют в *vita activa*, ибо, избавившись от пороков, они способны сделать более добродетельным и высшее общество, и простой народ⁸⁶. Это не имеет ничего общего ни с «детскими игрушками»⁸⁷, в которые масоны якобы играют вместо того, чтобы заняться серьезными делами, ни с корыстью и жадностью — дежурными обвинениями в адрес каменщиков. Настоящий масон стремится не к собственному благу, но к общественному, — человек низкий и развратный понять это никогда не сможет.

Что же объединяет такие разные варианты восприятия масонов: то ли лицемеров и шарлатанов, то ли бескорыстных и честных граждан своего государства? Прежде всего оценка (та или иная) общественной роли масонства. В струе свойственного XVIII веку увлечения горацианской формулой «*utile et dulce*» («полезное с приятным») критики ордена настаивали на том, что братья жертвуют «пользой» ради «увеселения». Так, Правомысл, мудрый и добродетельный брат Легковера в «Мнимом мудреце», наставляет Хитроума «употребить себя в пользу общества», то есть призывает к настоящему просвещению, которое состоит не в том, чтобы «искать проникнуть непроницаемое» и «говорить темно и непонятно... [а] вместо сердца разуместь камень», но в «служении отечеству, помощи ближнему»⁸⁸. Просвещенный человек — «прямо гражданин, сын, супруг и отец; кто печется о пользе других, как о своей собственной»; он не тратит время в разговорах с «духами», но полностью отдает себя «должности, хозяйству, воспитанию детей»⁸⁹. «Сведения» же таких мошенников, как Хитроум, не могут дать ничего для «пользы и употребления» в обществе, а только «развращают ... нрав[ы]», толкают к расточительству и «претворяют ... граждан в беспечных суемудров»⁹⁰. Нечего и говорить, что масоны утверждали прямо противоположное и пытались убедить публику в том, что общественное благо и есть главная цель ордена.

Не одним только масонам приходилось оправдывать свои собрания; появление многочисленных кружков и клубов также вызывало страх и волнения в обществе. Так, автор извещения об «Обществе старающемся о напечатании книг», опубликованном в новиковском «Живописце», специально подчеркивал, что «Общество...» — «наиполезнейшее учреждение, о каком токмо частным

людям помышлять дозволяется», а «сведение о таковом Обществе побудит, может быть, иных к учреждению какого другого, гораздо полезнее наших клупов, ассамблей и тому подобных сходбищ»⁹¹. «Санкт-Петербургские ведомости» напечатали в апреле 1780 года руководство, основанное на опыте германских собраний, для тех, кто хочет организовать свое общество в пользу бедных, но боится мошенников и обманщиков⁹². Д.И. Фонвизин в известном сочинении «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание», прямо адресованном Екатерине, сетуя между прочим на избалованное, не желающее служить дворянство, вопрошал: «Отчего ... перевелися общества между благородными?» Императрица лаконично ответила: «От размножившихся клобов»⁹³. В том же «Собеседнике любителей российского слова», где были напечатаны «Несколько вопросов...» Фонвизина, 20 мая 1783 года появилась и «Фелица» Державина — ода, обеспечившая автору благосклонность царицы и скорейшее продвижение по службе. Мудрая Фелица-Екатерина изображалась там как пример скромности и прямой добродетели, избегающей страстей и суеты:

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
...
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток...

Как писал еще Я.К. Грот, под «собраниями духов» и «Востоком» здесь имеются в виду масонские ложи⁹⁴.

Понятия «пользы» и «увеселения» не подлежали исчерпывающему определению, поэтому то, в чем одни видели полезную деятельность, другие считали пустой тратой времени. Вопрос о том, только ли избытком досуга у представителей высшего класса обусловлено возникновение клубов, ассамблей и других собраний, будоражил умы в России того времени. «Увеселение» не вызывало ни у кого неприязни, когда оно совмещалось с общественной «пользой»; но без нее оно считалось никчемным и даже вредным. Для Екатерины, как и для многих других образованных людей, оставался непроясненным вопрос: если масонство действительно служит общественному благу, то «какая ему нужда в обетах, чудачествах, в одеяниях нелепых и странных?»⁹⁵.

МАРТИНИСТЫ

Веще одном антимасонском сатирическом сочинении, «Общества незнающих ежедневной записке», опубликованном в 1783 году в «Собеседнике любителей российского слова»⁹⁶, Екатерина показывает, что участники всякого рода собраний заняты только бессмысленной болтовней. Члены Общества для вящего блеска называют себя «Ignoranti Vambinelli», не задумываясь даже о значении этих слов («неразумные дети»). Их деятельность (о которой читатель узнает из приводимых в «Записке» протоколов Общества) сводится к бессодержательным спорам на незначительные и малопонятные темы: мнения членов вносятся в Общество, обсуждаются, пересылаются между двумя его палатами, затем отбрасываются или забываются.

Так, оживленную дискуссию между членами разных палат вызывает вопрос о значении слова «*Пифик*». Одни связывают его с естественными науками, другие утверждают, что «*Пифик* рожден выдумкою тогда, когда, кому, кто, ближней представляется в завистливом виде», третьи производят от «пик», иноземного войска, обыкновенно воюющего с «бубнами», «червями» и «жлюдями»⁹⁷. Вопрос так и остается нерешенным, хотя, чтобы получить ответ, достаточно заглянуть в Словарь Академии Российской на слово «*Мартышка*»: «1. *Circopithecus*. Пифик; обезьяна с длинным хвостом, с голыми задними мозолями и с защечными мешочками. *Зеленая мартышка*»⁹⁸.

Почему Екатерина выбирает обезьяну в качестве темы для обсуждения в «обществе незнающих» и как связана эта странная тема с масонами? Случайно, на первый взгляд, выбранное слово имеет особый смысл и не единственный раз встречается в антимасонских текстах Екатерины. В самом начале «Домовой записки о заразе новомодной ереси и о средствах исцеляющих от оной», опубликованной анонимно в июльском номере «Растущего винограда» за 1786 год, читаем: «Известно, что проявились на Руси новые еретики, Мартыны или Мартышки, как их называют не помню; а знаю то, что ересь их прилипчива и множество правоверных ею заразились. Я сама шатаюсь по белу свету чуть не попал в нее, как сом в вершугу, еслиб не спас меня мой доктор, который не запуская болезни вдаль на силу выбил из меня дурь сию разными целительными средствами»⁹⁹.

Причиной опасной болезни рассказчик считает книгу «о истинных и заблуждениях» (*sic!*), над которой он «ломал голову без по-

шады» в тщетных попытках извлечь из нее хоть какой-нибудь смысл. Рассказчика, находившегося уже в лихорадочном состоянии, с остекленевшими глазами и пеной у рта, нашел и спас врач, который, вовремя увидев опасную книгу, немедленно выкинул ее в окно. Курс лечения, назначенный пациенту, состоял из пяти лекарств. Сначала, в течение 16 дней, он принимал «прохладительное» — ему предписывалось «быть с женой, с детьми, с приятелями и заниматься иногда невинными забавами», то есть всем тем, что ранее было оставлено ради «странных сих *Мартынов* или *Мартышек*». Затем следовала прививка «омерзительного» — «4 унца с половиною врак Платоновых, 6 унцов и $\frac{1}{4}$ бредней Аполониуса, 10 унцов глупостей жидовской кабалы, и две полных дозы сумозбродничеств славнаго сапожника и филозофа Якоба Бема»¹⁰⁰. Чтение «Обманщика» и «Обольщенного» составляло третье лекарство — «вразумительное»: пациент должен был узнать себя и таких же, как он, в Самблине и Радотове и посмеяться над своей глупостью. Для действия «крепительного» больной заучивал наизусть десять заповедей, которые и так содержат «наилучшую философию; научая нас быть честными и полезными обществу, следовательно и угодными нашему Создателю». Наконец, последнее, «курительное», средство готовил сам доктор: сочинения Сведенборга, трактат де Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» и другие «еретическая книги» были брошены им в печь, и дым от них должен был буквально «окурить» поправляющегося пациента так же, как «модные женщины от истерики окуриваются перьями». Далее совершенно излеченный и обезопасивший себя от будущих приступов болезни рассказчик советовал всем до сих пор зараженным следовать тем же предписаниям и обратиться к врачу, которого легко найти «во всяком городе и деревне в урочище *здорового разсудка*»¹⁰¹.

* * *

Последователи этой странной «ереси» обязаны своим названием, конечно, не обезьянам, а Луи Клоду де Сен-Мартену, французскому теософу, автору трактата «О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода к всеобщему началу знания» (1775), в котором Екатерина видела основной источник заразы, охватившей Россию. Трактат, сочетавший в себе христианский мистицизм, философию Якоба Беме, каббалистическую нумерологию и масон-

ское учение, появился в России еще до 1780 года и немедленно приобрел огромную популярность¹⁰². Уже в 1785 году в «Московских ведомостях» публикуется пространный анонс русского перевода книги, «соделавшей эпоху в философической истории новейших времен», с настойчивой рекомендацией ее «любезным нашим соотечественникам»¹⁰³. Русская версия трактата пользовалась даже большим успехом, чем французский оригинал, и раскупалась на удивление быстро¹⁰⁴, если учесть большой объем книги и чрезвычайную темноту изложения, ощущавшуюся и самыми настойчивыми адептами тайных учений. Так, И.П. Елагин вспоминает, что к нему за помощь в истолковании книги обратился гр. Н.И. Панин, «подобно многим, сокровенного в книге сей смысла не понимая, и того ради не могли ни доброго, ни худого сделать об ней заключения». Те же, кто не захотел или не смог понять смысл трактата, объявили его либо «нелепым вздором и дурачеством», либо «скрытной иезуитской системой», опасной для государства и его правителей, или же, наконец, делом рук «иллюминатов»¹⁰⁵. Скептически настроенный лейб-медик Екатерины Х.М. Вейкард писал доктору Циммерманну в феврале 1786 года о князе Н.В. Репнине и других поклонниках «О заблуждениях и истине»: «Они говорят, что только невежды не могут понять его; но и добрые дворяне того не могут. Они сами не понимают, что это глупость»¹⁰⁶.

Не было согласия и в вопросе о том, кто такие мартинисты. Хотя в конце концов это слово закрепилось за кружком московских масонов, который возглавлял Новиков, в 1770-х и в начале 1780-х годов оно не было связано с каким-то определенным сообществом. Слово «мартинист» вообще использовалось для осмеяния противников и имело полупрезрительный и даже оскорбительный оттенок¹⁰⁷. Неясны и отношения между мартинистами и масонами. Последователи двух различных учений смешались в общественном сознании 1780-х годов, и образ мартиниста постоянно фигурировал в пьесах и статьях, обличавших плутовство и мошенничество масонов. В марте 1786 года, например, в «Растущем винограде» было напечатано «Краткое описание жизни первейшего основателя секты Мартинистов, Постелла», чрезвычайно одаренного человека, который «сделал много чести наукам; однако многое чтение и смотрение на планеты совратили его с прямого разума», отчего он сделался «сумасбродным любовником» и обманщиком¹⁰⁸. В первой сцене «Обманщика» горничная Марья говорит посетителю, что ее господин тайно встречается с какими-то странными людьми: «Миф

... миш ... мид ...мыть ... мяр ... март ... марты ... чуть не сказала с мартышками. Не могу вспомнить». «Ха-ха-ха! — смеется тот. — Что за мартышки? Обезьяны переимчивы, они же и кривляки. Что за люди?... кривляются, что ли?»¹⁰⁹

Князь П.Д. Цицианов, присутствовавший на одном из первых представлений «Обманщика», писал о пьесе своему другу В.Н. Зиновьеву: «Она состоит в осмеянии тех, кои верят шарлатанам и паче верили Калиостру; касается несколько сект “Мартинистов”, кои говорят с духами и здесь в великой славе»¹¹⁰. В следующем письме Цицианов пространно отвечает на расспросы Зиновьева об этой таинственной и возбуждающей столько разговоров «секте»:

Большая часть людей повредила здесь на одной секте, которую называют «Секта Мартинистов». В чем же состоит, это все ханжество взяли они за маску, читают священные книги, самые древняя, кажутся быть прилепленными к Богу (в чем однако ж сомневаюсь, видя, что образ их жизни, их поведение и дела их не согласуются с истинною, почитающею Божию премудрость, Его благодать и Его о нас попечение родительское), потом кажутся отчуждающимися от сего мира и занимающим[и]ся духами, одним словом больше нежели платонисты. *Tout est spirituel*. Книги, т. е. «*Des erreurs et de la vérité*», и «*Les merveilles du ciel et de l'enfer*» почитаются ими за предводителей им любезных, из коих первая и по-русски переведена, да я понимать не мог, не будучи просвещен, т. е. масон... Она (т.е. первая книга) тебе должна быть известна, для того, что и там, я чай, в моде... Что же эти Мартинисты здесь делают, под маской сей набожности, обманывающей глупцев? Так же развратную жизнь ведут, как и другие, менее по наружности набожные; так же с женами разводятся; так же любовниц при своих женах содержат; так же бедных угнетают, так же бессильных грабят и так же могут почитаться бичами рода человеческого. И так я должен заключить: или сия секта есть произведение плутовства и злаго разума, для корысти прикрываемая благочестием, или доброе намерение, во зло употребляемое. Вот все что я о Мартинистах сказать хотел. Не спорю, может быть я ошибаюсь, однакож я предметом благочестия принимаю добрыя правила и чистую совесть¹¹¹.

Письмо Цицианова представляет собой важнейшее свидетельство общественной репутации так называемых мартинистов. Главная их черта — лицемерие в словах и поступках. Они утверждают

свою причастность миру духов и отрешенность от мирской суеты, они якобы погружены в священные эзотерические тексты и необыкновенно благочестивы. Но все это пустые жесты и красивые слова, только прикрывающие безнравственное поведение мартинистов. Запугать и обмануть им удастся только наивных и экзальтированных членов собственной секты, которые верят в маскарад, придуманный Калиостро и подобными ему шарлатанами.

Отношение к мартинистам и масонам меняется после начала Великой французской революции. В России за французскими событиями пристально следили по сообщениям в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях». Издатели едва успевали удовлетворить растущую потребность общества в политических известиях: тираж «Санкт-Петербургских ведомостей» между 1787 и 1790 годом вырос с 970 до 2 тыс. экземпляров; тираж «Московских ведомостей» достиг 4 тыс. экземпляров. Книгопродавцы также старались удовлетворить любопытство читающей публики, и в Россию хлынул поток книг и брошюр о революции. Везде — при дворе, в салонах и домах знати, в политических кружках говорили только о ней¹¹². Мнения разделились; с одной стороны, революция вызвала необыкновенный энтузиазм — не столько из-за социальных и политических перемен (смысл которых был не до конца ясен), сколько из-за возникновения нового и яркого культурного стиля. Привыкнув перенимать парижскую моду, русское столичное дворянство с жадностью схватилось за «революционную» манеру одеваться, особенный язык, песни и выражения *camaraderie*. Издания вроде «Магазина английских, французских и немецких новых мод...» рассказывали читателям о новинках французских портных и о «новейшем образе жизни» во Франции. В двух крупнейших столичных газетах рекламировались новые наряды¹¹³. Увлечение материальной стороной революционной культуры оказалось настолько сильным и долгосрочным, что еще в октябре 1792 года дамы в Московском Благородном собрании шеголяли в «красных Якобинских шапках»¹¹⁴.

С другой стороны, одновременно с модой на революцию в обществе появились первые признаки страха перед нею. С рекламой французских нарядов в книгах и газетах соседствовали описания кровавых убийств и господствовавшей во Франции разрухи. Русская публика регулярно и с удовольствием читала страшные истории о «губительных следствиях французского безначалия» — обычно это были письма из французских провинций, в которых подробно опи-

сывались поджоги замков французской знати и рассказывалось о непрерывной череде преступлений, утопивших Францию в крови. Весной 1790 года «Санкт-Петербургские ведомости» так писали о положении во Франции: «...одна часть подданных его величества истребляет другую самыми зверскими терзаниями и убийствами. Чернь в областях свирепствует»¹¹⁵.

Вскоре после начала беспорядков вина за них была возложена на многочисленные общества, политические клубы и особенно масонские ложи. Это не удивительно — в Европе уже давно с подозрением относились к масонам. Орден объединял людей разного вероисповедания и использовал в своих таинствах христианскую символику, поэтому его деятельность, как уже было сказано, традиционно воспринималась как прямой вызов авторитету церкви, гарантирующему устойчивость общественного порядка. Во Франции же масоны еще и потому ассоциировались с антиклерикальными настроениями, что сами священники яростно доказывали связь ордена с протестантами, якобы намеревавшимися с его помощью уничтожить католическую церковь¹¹⁶. Идея о том, что масонство представляет собой часть большого протестантского заговора, возникла из популярного в Европе мифа, согласно которому первые ложи были созданы во время английской революции XVII века по указанию Кромвеля. Благодаря этой легенде масонство в европейском общественном сознании ассоциировалось не только с протестантизмом, но и с революцией, с доктринами конституционного и республиканского правления. Таким образом, убеждение в том, что масонский орден — на самом деле революционное общество, возникло еще за несколько десятков лет до Французской революции¹¹⁷. После 1789 года прежние антимасонские мифы используются противниками революции для построения новой теории всемирного заговора, объединяющего масонов с якобинцами, мартинистами, иллюминатами, партией «философов» и розенкрейцерами. Эта теория была детально разработана в книге аббата О. Баррюэля «Памятные записки к истории якобинства» (1797), которую Дж. Робертс называет «Библией конспирологических мифов и источником всех последующих антимасонских сочинений»¹¹⁸.

Слухи о причастности масонов к организации беспорядков во Франции еще до конца 1789 года распространились по всей Европе, и особенно в Германии и землях Габсбургов — там после событий с баварскими иллюминатами в середине 1780-х годов масонов подозревали в содействии политическим преступникам¹¹⁹. В авгу-

сте 1790 года один венский сановник, по его собственным словам, готов был представить императору доказательства того, что «колесо злодеяний и мятежей в Европе было раскручено братством масонов». В октябре того же года гамбургский «*Politisches Journal*» рассказал о «*Club de Propagande*», члены которого собираются «в манере масонов» дважды в неделю с тем, чтобы «распространить революцию по всей Европе»¹²⁰. Это сообщение не должно было стать неожиданностью для русских властей, которые еще весной 1790 года начали с возрастающим беспокойством наблюдать за деятельностью Парижского клуба, намеревавшегося спровоцировать революционные перевороты в остальных странах Европы; уже в следующем году русские газеты объявляют «якобинский клуб» главным источником всяческого зла¹²¹. Князь Н.Н. Трубецкой тогда же с возмущением читал в «*Mercure de France*» «рецензию» на новый французский журнал «*Bouche de fer*», редакторы которого, «приписывая себе основания мерзкой революции во Франции... выдают себя за масонов»¹²². Примерно тридцать лет спустя А.М. Тургенев вспоминал, что в ту пору в обществе ходил слух об объединении якобинцев и масонов с целью отравить русскую императрицу. Этот слух достиг самых отдаленных уголков России, где его обсуждали повсеместно — «в беседах, на торгах, словом, во всех собраниях»¹²³.

Однако какую бы роль ни сыграла революция в истории общественного восприятия масонов и мартинистов, члены тайных обществ еще до 1789 года возбуждали острые политические подозрения. Фридрих Тиман, влиятельный масон, друг Лафатера и Сен-Мартена, посетивший в марте 1786 года Петербург, писал оттуда другому масону, Жану-Батисту Виллермоцу, что русских мартинистов (их было, по его оценкам, более трех тысяч) «обвиняют в следовании принципам Кромвеля и подготовке революции»¹²⁴. Свидетельство Тимана весьма интересно, однако достоверность его оценить сложно, особенно учитывая преувеличенное внимание русских мартинистов к его персоне. Вернее было бы предположить, что вплоть до начала революции, ужаснувшей всю Европу, русское общество видело в мартинистах хоть и достойных презрения, но безвредных лжедуховидцев, а не опасных заговорщиков. Об изменениях в восприятии мартинистов обществом свидетельствует скандал вокруг «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, опубликованного в мае 1790 года. Несмотря даже на то, что Радищев открыто издевается над мартинистами, представляя их

строгими и бесчувственными аскетами, которые предпочтут похоронить себя «в еврейских или арабских буквах, в цифири или египетских иероглифах», чем «ночь просидеть с пригоженькою девочкою и уснуть ... в объятых ее», Екатерина по прочтении «Путешествия...» называет автора мартинистом уже в новом смысле слова: «...сочинитель оной [книги] наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование против начальников и начальства. Он же едва ли не мартинист; или чево подобное»¹²⁵.

Екатерина была не одинока в своих подозрениях. Так, в октябре 1790 года И.В. Лопухин писал А.М. Кутузову (близкому другу Радищева и адресату посвящения «Путешествия...»), находившемуся по масонским делам в Берлине: «Здесь об нем говорят, что он мартинист, а всио смешивая — и мартинистов, и иллюминатов, и масонов; рады на них горы взвалять. А я не знаю, был ли он когда и масон... Не знаю, есть ли здесь иллюминаты... О мартинистах же совсем не знаю, существует ли такое общество по учреждению. Уверяют только, что поступок Радищева основан на антихристианстве, которое совсем противно истинному масонству». Идея о принадлежности Радищева к обществу мартинистов могла показаться Кутузову нелепой — будучи сам одним из почитателей Сен-Мартена, он прекрасно знал, что Радищев открыто критиковал сочинения французского философа¹²⁶. Однако Кутузов отвечал из Берлина: «Неудивительно мне, что несчастного моего друга называют мартинистом, ибо сие имя дают каждому без всякого разбора; да и как сему быть иначе, когда ни о чем не размышляют, даже и самое слово мартинист есть по сие время загадка, которую они не решились»¹²⁷.

В письме к масону князю Н.Н. Трубецкому Кутузов пишет, что доискиваться, кто же такие мартинисты, все равно что выяснять, «как назывался и каких свойств был тот страшный исполин, против которого храбрый витязь Дон-Кишот сражался так несчастливо». Он признает, что, хотя так называемые мартинисты обязаны именем своим Сен-Мартену, несправедливо раскритикованному «господами просветителями», их идеи не исчерпываются его учением. «Кратко сказать, — продолжает Кутузов, неожиданно становясь сам на позиции мартинистов, — каждая земля имеет ныне своих мартинистов, а сии суть не что иное, как люди, старающиеся, уединясь от шумных и бесполезных бесед, приводить в совершенство свойсты, Творцом в них впечатленные, и, презря мечта-

тельность и суету, приближаются к цели истинного человека. Все ли так именуемые мартинисты суть на истинном пути, сие составляет другой вопрос, о котором однако ж шумящие ветреники не хотят, да и не в состоянии размышлять. Отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разорй своего ближнего, клевети и злословь, совращай юных безопытных девиц — и будешь в глазах их добрым и безопасным гражданином; но воздерживайся от всех сих модных качеств, — неотменно заслужишь имя мартиниста или преопаснейшего человека в обществе»¹²⁸.

Подобно многим немасонам, видевшим в каждом темном углу притаившегося мартиниста, готового устроить кровавую революцию, сами каменщики также испытывали страх перед ними. В апреле 1792 года Кутузов в письме к московским братьям предупреждает их о «заговоре противу святости и порядка»; по его мнению, это дело рук иллюминатов, которых «и в нашем отечестве есть немало». Он призывает товарищей быть осторожными, чтобы не допустить «извергов» в орден; просит каждого масона, если он «истинный свободный каменьщик», «хороший гражданин и верный подданный», употребить все свои силы, чтобы разоблачить этих врагов «законной власти и общественного блага». Лопухин рапортует об осведомленности московских лож о предстоящей угрозе (несмотря на то, что раньше он сомневался в существовании мартинистов и иллюминатов вообще) и о том, что «давно уже сделаны всевозможные распоряжения к обнаружению оных скрытых просветителей», ибо только «масоны доброй системы наилучше их открыть могут»¹²⁹.

Эти «антимартинистские» выпады в письмах масонов (как и декларируемое неведение корреспондентов по этому вопросу) не стоит принимать за чистую монету, поскольку авторам было хорошо известно, что их послания читают не только адресаты. Московский почт-директор И.Б. Пестель не только вскрывал письма, но и снимал с каждого по две копии: одну — для генерал-губернатора князя А.А. Прозоровского, другую — для графа А.А. Безбородко, немедленно препровождавшего все подозрительные отрывки из них императрице. Перлюстрация, вообще, была вполне привычной практикой в то время в России и по всей Европе, причем досматривались письма даже вполне благонадежных людей и высокопоставленных чиновников¹³⁰. С помощью своей переписки Кутузов, Лопухин и московские масоны, за которыми в середине 1780-х годов прочно закрепилось название мартинистов, пытались дать по-

нять властям, что их масонская деятельность не имеет ничего общего ни с европейской революционностью, ни с делами внутренних врагов вроде Радищева¹³¹.

Они также сознавали, что им не удастся переменить враждебное общественное мнение. Лопухин вспоминал позднее, что ему и его братьям по ордену приходилось бороться не только с подозрениями Екатерины и местных чиновников, но и — что было много сложнее — с «толками и шумом публики», в которой страх перед масонами и их предполагаемыми союзниками распространялся все больше и больше¹³². Образованное общество видело в масонах, якобинцах и мартинистах «шайку крамольников, кровожадных извергов, разрушителей власти, вольнодумцев», а в воображении народных масс, о якобинцах ничего не знавших, масоны и вовсе наделялись «хвостиками»¹³³. В 1790 году в Туле была опубликована отдельным изданием пространная рецензия на трактат «О заблуждениях и истине», где автор последнего — хоть и без прямых отсылок к событиям Французской революции — обвинялся в атеизме, а саму книгу, чтение которой ведет не только к «заблуждениям», но и к «пагубному беспорядку, безначалию», рецензент объявлял угрозой для общества¹³⁴. К 1792 году в прессе уже настойчиво звучали предупреждения о международном заговоре против существующего порядка, образованного силами всякого рода масонов, мартинистов, энциклопедистов и прочих возмутителей спокойствия¹³⁵.

Масоны, пытаясь спасти репутацию ордена, выпустили в свет две книги. «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» Лопухина вышел по-французски и продавался в качестве иностранной новинки¹³⁶. В том же 1790 году появилось анонимное издание «*Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle?*», автором которого был И. П. Тургенев. Впоследствии книга трижды выходила по-русски под названием «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?»¹³⁷. В обоих сочинениях авторы опровергали звучащие в адрес мартинистов обвинения в безбожии и намерениях разрушить общественный и политический строй, настойчиво подчеркивали вообще религиозную и специфически христианскую природу масонского ордена, вслед за остальными защитниками масонства утверждали полнейшую лояльность братства властям и его благотворное влияние на общество: именно члены лож становятся наилучшими гражданами и подданными, вернейшими сыновьями отечества, благочестивейшими христианами, нежнейшими мужьями и отцами.

Вопрос, вынесенный Тургеневым в заглавие книги, был вовсе не тривиален. Если в общем все соглашались с тем, что нужно быть «добрыми гражданами и верными подданными», единодушия в том, кто же воплощает в себе эти качества и как их достичь, не было никогда. Масоны твердили, что они одни знают верный путь к добродетели и просвещению, их оппоненты выражали недоверие к ордену: его членам, практикам, целям и влиянию. Это недоверие было так же старо, как и само масонство: оно появилось в России вскоре после учреждения первых русских лож. Страх мог проявляться по-разному — масонство служило своего рода чистым экраном, на который можно было спроецировать любые тревоги и сомнения, которые возникали в российском обществе в разное время и имели самые разные причины: разрушение традиционных русских устоев, губительное влияние западных культурных практик, социальное неравенство, доминирование иностранцев в политической, культурной и интеллектуальной жизни России, неразбериха в вопросе об обязанностях человека перед государством, обществом и семьей, опасность социальной катастрофы, анархии и революции.

Почему же эта роль досталась масонству? Что именно позволяло возложить на него вину за любые беды, в разное время грозившие разным социальным слоям империи? Дать окончательный ответ на эти вопросы едва ли возможно. При объяснении этого феномена прежде всего стоит иметь в виду огромное количество людей, посещавших ложи и сделавших братство самым значительным общественным движением российской элиты во всем XVIII веке. К тому же организация, столь тесно переплетенная с властью (а в ложах состояло большинство крупнейших сановников), неизбежно должна была возбуждать среди немасонов толки о своем истинном предназначении. Зарубежные истоки масонства и бесспорные связи с иностранцами в России и за ее пределами придавали ордену налет чуждости, вызывавший подозрения у многочисленных адептов идеи особого пути России и враждебности по отношению к ней со стороны Запада. Однако самым важным фактором оказалась, несомненно, та атмосфера секретности, которой были окутаны собрания и вообще деятельность масонских лож, ибо, как думали тогда многие, от чужих взглядов скрывать стоит только нечто постыдное и нечестивое. Нужно, впрочем, отметить, что недоверие к масонству вовсе не было уникальным российским феноменом, но лишь отражало соответствующие настроения в Европе¹³⁸.

Различные формы распространения масонской и антимасонской полемической продукции — от рукописных сатир и памфлетов середины века до книг, журналов и других печатных изданий, поступавших в свободную продажу в конце столетия, — отражают разные стадии функционирования общественного мнения в России того времени. Перемены в формате демонстрируют и быстрое развитие технологической базы, необходимой для возникновения общественного мнения в современном его понимании, как оно было описано выше в главе 2 (то есть работа издательств, газет, журналов, печатание книг; чтение и книжная торговля), и рост общественного сознания. Обе спорящих стороны одинаково четко понимали растущую потребность в «публичности» и в использовании печати для влияния на умы тех, из кого состоит «публичная» сфера. Если рукописи предназначались для чтения небольшим кругом знакомцев, то печатные издания были рассчитаны на гораздо более широкую аудиторию¹³⁹ — таким образом, происходила существенная перестройка интеллектуальной жизни: формировалась публичная сфера — новое поле, за власть в котором можно было бороться, и инструментом этой борьбы оказывалась печать. И хотя государство своей власти никому не отдавало, в последние десятилетия XVIII века уже велись жесткие баталии за симпатии общества. Критики и защитники масонства настойчиво искали одобрения публики, добиваясь таким образом легитимации своих мнений.

* * *

Несмотря на все свои усилия, московские масоны проиграли на обоих фронтах. В результате массовой подозрительности, или, если угодно, паранойи, охватившей общество и многих крупных чиновников, в 1792 году Новиков — общепризнанный глава ордена в России — был арестован. Непосредственные причины заключения Новикова до сих пор неизвестны, несмотря на бесчисленное количество исследовательских гипотез и догадок. Так или иначе, очевидно, что арест был связан с масонской деятельностью Новикова и за его подготовкой стояли местные власти, а Екатерина была проинформирована о нем только *post factum*¹⁴⁰. Однако из допросов и императорского указа от 1 августа 1792 года, в котором был обнародован приговор — пятнадцать лет тюрьмы, — можно уяс-

нить, насколько сильную неприязнь вызывали масоны у властей. Во-первых, использование религиозных символов и ритуалов воспринималось как угроза официальной церкви; во-вторых, сношения с масонскими ложами Берлина, в которых состояли руководители Пруссии — внешнеполитического противника России, — трактовались едва ли не как измена; в-третьих, власти увидели прямой вызов авторитету императрицы в попытке привлечь в орден цесаревича, чья нелюбовь к матери и пропрусские симпатии были хорошо известны; и, наконец, в-четвертых, публикация сочинений сомнительной нравственной ценности и участие богатых покровителей в новиковской и вообще масонской деятельности вызывали обвинения в шарлатанстве, не имеющем ничего общего со стремлением к общественному благу¹⁴¹.

Удивительно, но, несмотря на столь серьезные претензии к масонам и суровое наказание самого Новикова, никто из его товарищей, которых Прозоровский вскоре привлек к допросам, сильно не пострадал. Екатерина только повелела им (кн. Н.Н. Трубецкому, И.В. Лопухину и И.П. Тургеневу) удалиться в свои имения и бросить масонские дела, причем Лопухину была даже сделана поблажка, и он смог остаться в Москве, чтобы заботиться о престарелом родителе¹⁴². Два молодых участника новиковского кружка (М.И. Невзоров и В.Я. Колокольников), посланные за границу учиться медицине, были арестованы в Риге и препровождены в Шлиссельбургскую крепость для допроса. Невзоров от этой процедуры отказался, сославшись на то, что он, как студент Московского университета, будет отвечать только на вопросы своих университетских начальников; это требование было удовлетворено, и оба друга были переданы куратору университета И.И. Шувалову, в прошлом тоже масону¹⁴³. Остальные члены кружка не подверглись даже допросам.

Арест Новикова, таким образом, не стал сигналом к масштабной антимасонской кампании. Более того, несмотря на меры, принятые против московских масонов, в других городах империи (к примеру, в Митаве) ложи продолжали работать¹⁴⁴. Однако уже с начала 1790-х годов масонское движение пошло на спад и собрания стали закрываться. К концу екатерининского царствования масонство как институция практически перестало существовать.

Какую роль в закрытии русских лож играла Екатерина, не совсем ясно. К 1790 году она, как и многие тогда, была убеждена в

том, что именно ложи и другие тайные общества повинны в хаосе, царившем во Франции и ужасавшем всю Европу. Напуганная донесениями о том, что в Москве живет некий иностранец, связанный с парижскими повстанцами, императрица приказала в апреле 1790 года. Прозоровскому закрыть все московские ложи и прочие секретные собрания и примерно в то же время повелела генералу П.И. Мелиссино распустить его петербургскую ложу. В последующие несколько лет Екатерина последовательно дала понять всем лидерам движения, что пришло время закрывать их мастерские; это отражено в протоколах некоторых лож за 1794 год¹⁴⁵. Но большинству масонов не пришлось дожидаться приказов императрицы, поскольку к этому времени они уже успели сами закрыть свои ложи, по-видимому, из-за страха перед революцией и ее последствиями. Напитавшись несчетными слухами о бандах якобинцев, иллюминатов, мартинистов и масонов, наполняющих страну за страной и несущих повсюду ужас и насилие, обеспокоенные победным маршем французских частей на восток, некоторые русские братья стали сомневаться в истинных целях своего ордена и предпочли просто прекратить деятельность лож до лучших времен, когда обстановка в Европе нормализуется. Другие же и вовсе приступили к прямой антимасонской агитации. Например, И.А. Штарк, когда-то преподававший в петербургской немецкой школе Св. Петра и являвшийся в прошлом видной фигурой русского и германского масонства, в начале 1790-х годов опубликовал ряд сочинений о заговоре атеистов-философов, иллюминатов и масонов, приведшем к революции. Венский профессор и журналист Л.А. Гофман, также в прошлом масон, в конце века обличал дьявольскую сущность масонов, якобинцев и иллюминатов¹⁴⁶.

Упадок русского масонства в 1790-х годах совпал с кризисом ордена в других странах Европы. В Голландии когда-то мощное движение сошло на нет, и многие ложи закрылись. В некоторых немецких землях власти приняли суровые меры против тайных обществ. Под давлением правительства Леопольда II и Франца II в 1794 году было расформировано масонское братство Австрии; через год власти казнили девять якобинцев и объявили, что такой приговор будет ждать всех вовлеченных в тайные общества. Между 1792 и 1793 годами прекратили работу все швейцарские ложи; а сардинский король Виктор Амадей III в 1794 году официально запретил деятельность масонского ордена в Пьемонте. По Испании и Португалии прокатилась новая волна антимасонских репрессий.

Между 1789 и 1795 годами во Франции ложи попали в сложное и даже парадоксальное положение: приверженцы старого строя обвиняли их в подготовке революции, а радикальные сторонники нового режима считали атавизмом ненавистного им прежнего порядка. «Масонство», как пишет один из виднейших его исследователей, буквально «распалось»¹⁴⁷. Ни в одной европейской стране вольные каменщики больше не чувствовали себя в безопасности.

Вступление на трон Павла I осенью 1796 года повлекло за собой перемены для масонов, пострадавших четырьмя годами ранее от репрессий Екатерины. Новиков был возвращен из тюрьмы, Трубецкой и Лопухин были пожалованы сенаторами; Тургенев стал директором Московского университета; князь Репнин, «сосланный» когда-то на должность генерал-губернатора Лифляндии и Эстляндии, получил чин фельдмаршала¹⁴⁸. Однако все это не могло возродить масонство как общественное движение. Несмотря даже на то, что Павел стал негласным покровителем ордена в России, ложи все равно не действовали. Впрочем, вопрос об отношении Павла к масонству, как и многие детали истории ордена, не был вполне ясен и стал, в конце концов, лишь одной из частей сложной и запутанной мифологии русского масонства. Большинство исследователей решают эту проблему однозначно в пользу бесспорного участия Павла в деятельности ордена¹⁴⁹ и прилагают массу усилий для доказательства своих суждений, хотя ограниченность свидетельств, целенаправленно уничтожавшихся разными заинтересованными лицами, в том числе и самим императором, явно не позволяет этого сделать¹⁵⁰. Однако, как бы этот вопрос ни интриговал ученых, решение его имеет мало касательства до истории масонства в России, ибо еще до восшествия Павла на престол лучшие дни русских лож были уже в прошлом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1773 году граф З.Г. Чернышев, как тогда было принято в среде петербургской знати, заказал себе изысканную табакерку ручной работы. В крышку овальной коробочки из синей эмали вделали миниатюру с портретом самого графа Захара Григорьевича; она была обрамлена золотой филигранью и увенчана извилистой полоской серебра. Под локонами белого парика, тусклым взглядом и слабым подобием улыбки на устах владельца можно было видеть синюю ленту с приколотой к ней восьмиконечной звездой — орденом Св. Андрея Первозванного, старейшей и высшей наградой Российской империи, пожалованной Чернышеву императрицей Екатериной. Под миниатюрой, между рамочкой и краем крышки, был выгравирован целый набор масонских символов: квадрат, молот, глобус и компас. Доставая табакерку из кармана, граф каждый раз мог продемонстрировать собеседникам не только свою принадлежность к ордену вольных каменщиков, но и гордость по этому поводу¹.

Табакерка Чернышева содержит сразу два ряда символических изображений, относящихся соответственно к двум сферам деятельности графа — государству и обществу. Государственная служба, предоставлявшая доступ к высоким должностям, милостям царицы и, следовательно, могуществу и богатству, сохраняла традиционный приоритет в глазах вельмож вроде Чернышева; но уже тогда, во второй половине XVIII века, «публичная» сфера и новые общественные институты, как, например, масонство, все больше привлекали внимание таких людей, находивших в них свой интерес, ощущение собственной значимости и авторитета. Орден Андрея Первозванного подчеркивал служебные заслуги Чернышева, доставляя ему почет и уважение; членство в масонском ордене означало принадлежность графа и тысяч его собратьев к некоторому высшему слою, в котором были объединены все — в России и за ее пределами — по-настоящему добродетельные и просвещенные люди, направляющие свои усилия на совершенствование себя и всего общества. Изображения книги, пергамента и пера рядом с масонскими символами на чернышевской табакерке обозначали

связь ордена с интеллектуальным и социальным развитием человечества в целом. Таким образом, «быть масоном» означало быть образованным человеком, членом просвещенного общества, вписанным в космополитическое культурное поле европейской элиты.

Убранство описанной табакерки свидетельствует, сколь значимым для русских масонов был факт принадлежности к ордену. В этой книге мы попытались проанализировать механизмы масонского самоопределения и таким путем пересмотреть место масонства в жизни России XVIII века — той эпохи, когда в русском обществе происходят радикальные перемены, полный слом старых социальных практик, построение абсолютистского государства, повышение роли образования, а также быстрое и всеобщее заимствование западных культурных форм, используемых российской элитой в качестве стратегий самоидентификации внутри общества.

Казалось, что в общественном хаосе XVIII века масонство являло собою надежное основание для нового типа самосознания и социального поведения. Членство в ордене давало масону доступ к особому символическому капиталу — он чувствовал себя носителем добродетели и просвещения в толпе профанов. Это позволяло брату забыть о своем непосредственном социальном положении, ибо он ощущал свое превосходство не только над чернью, но также и над образованным обществом; любой масон был представителем единственно возможной элиты и принадлежал только к одному сословию — аристократии духа (надо сказать, что эти детали масонского учения были проникнуты таинственностью и потому особенно нравились русским братьям).

Восприятие масонства в России как противоядия от неупорядоченности общества отлично от социальной роли ордена в других странах. В Западной Европе ложи удовлетворяли диаметрально противоположной потребности: они составляли особое поле, где не работали обыкновенные социальные различия и границы — имущественные, должностные, сословные и др. В ложе братья — а то и сестры — позволяли себе игнорировать жесткую иерархию, существовавшую извне и ограничивавшую взаимодействие различных слоев и групп (пусть даже исполнялся этот постулат недолго или вовсе оставался в теории)². Русских же масонов орден привлекал во многом именно потому, что его можно было использовать в структурировании создаваемого общества.

В продолжение вышесказанного стоит обратить внимание на то, сколь высоко оценивалась в России — по сравнению с Европой —

роль масонства в улучшении манер и нравов общества. Это связано, по-видимому, с осознанием периферийности России по отношению к просвещенному миру. «Обрабатывая дикий камень», русские масоны стремились приблизиться к просвещенному Западу; они занимались самосовершенствованием, чтобы соответствовать нормам поведения, принятым в европейских столицах, и чем ближе они были к цивилизованному обществу, тем дальше становились от окружавшей их дикости.

Гипотеза, согласно которой популярность масонства в России связана с тщеславным желанием людей иметь лишний повод продемонстрировать собственные достоинства и значимость, как может показаться, преуменьшает историческую значимость самого явления. Впрочем, как утверждает в своей недавней работе Л. Гринфилд, национализм и вообще мир Нового времени также обязаны своим существованием тщеславию: «Мир, в котором мы живем, сформировался благодаря тщеславию. Роль тщеславия — или потребности иметь весомое положение в обществе — в социальных преобразованиях существенно недооценивается»³. Объяснение популярности ордена тщеславием самих каменщиков вовсе не дискредитирует его историческую роль, но в какой-то мере проясняет и судьбы русского масонства, и некоторые детали русской истории. В этой перспективе обнаруживаются ранее не учитывавшиеся связи масонства с развитием русского общества, и становится понятным, сколь важное место в этом процессе занимали вопросы индивидуальной социальной самоидентификации.

Исследование русского масонства должно опираться, кроме установления личных мотиваций, и на анализ общественного поля в целом: ложи были не изолированными от внешнего мира институциями, но лишь частью сложной сети новых социальных форм — таких, например, как ассамблеи, салоны, клубы, театры и собрания, которые, хоть и были в основном сосредоточены в столицах, уже к началу XIX века успели распространиться по всей империи. Все это вместе составляло публичную сферу образованных людей, чье поведение и культурный багаж отделяли их от простого народа и связывали друг с другом. Россия традиционно считается страной, в которой никогда не было независимого общества, и поэтому анализ российской публичной сферы — того, что М. Раев называет «гражданским обществом», — необыкновенно важен⁴. Его результаты заставляют пересмотреть устоявшиеся взгляды исследователей, поскольку в русском обществе было гораздо больше схоже-

го с социальными практиками западноевропейских стран, чем принято считать. Россия слишком долго служила лишь фоном для демонстрации западных достижений в социальной сфере: как часто утверждают, Запад отличает от России наличие независимого, цивилизованного общества. Но, предостерегает Ч. Тейлор, рассматривая таким образом понятие «гражданское общество», нужно быть весьма осторожным, ибо ни существование его на Западе, ни отсутствие его в России вовсе не так бесспорны и очевидны, как может показаться⁵.

Все та же табакерка Чернышева красноречиво свидетельствует, что в России второй половины XVIII века уже вполне осознавались четкие границы между публичным и личным, между государством и обществом. Однако на этой изяшной вещице наборы соответствующих символов мирно соседствовали; государство и общество, таким образом, были не полностью разделены и все еще тесно переплетались. Хотя такое положение вещей существовало не только в России, здесь оно было более заметным и свидетельствовало о недостатке четких социальных границ, характерном для всей истории имперской России⁶. Однако этот факт также не доказывает ни отсутствия в России гражданского общества, ни ее сущностного отличия от Запада, поскольку в XVIII веке отношения общества и государства в Европе, как и представления об этих отношениях, отнюдь не были одинаковыми в разных странах континента. Таким образом, не существовало не только идеального цивилизованного общества, на которое стоило бы равняться всем остальным, но даже и универсального представления о таком обществе. Объединяло европейских теоретиков того времени, как замечает А. Селигман, не общее мнение по поводу цивилизованного общества, но «проблематика отношений личного и публичного, индивидуального и социального, общественной этики и собственных интересов, личных страстей и общественных обязанностей»⁷. Споры масонов и их критиков в России, как и многие другие явления русской публичной жизни, отчетливо показывают заинтересованность той же самой «проблематикой»: образованные люди стремятся найти собственную общественную позицию, решая для себя эти, казалось бы, неразрешимые вопросы. Создаваемое таким образом общество остается довольно хрупким на протяжении всего столетия; об этом свидетельствует судьба русских лож после Французской революции. Этому, впрочем, также нельзя придавать слишком большого значения, поскольку, во-первых, кризис масонства в России только отражал спад орденской деятельности во всей Европе того вре-

мени, а во-вторых, он не стал полным крахом русского общества, вполне оправившегося в первые десятилетия XIX века⁸.

Граф Чернышев умер в 1784 году, во времена расцвета русского масонского движения. Он, в отличие от многих своих товарищей по ордену, не дожид ни до его упадка в конце века, ни до его возрождения в начале следующего столетия. После закрытия лож в последние годы екатерининского царствования русские каменщики аккуратно сложили свои уставы, протоколы и катехизисы, масонское платье и регалии своих обществ, чтобы достать их в тот день, когда они опять смогут собраться вместе как братья и продолжить свою работу. Этот день пришел даже скорее, чем они ожидали. В самом начале нового века, 15 января 1800 года, несколько масонов во главе с А.Ф. Лабзиным, знаменитым мистиком, еще в студенчестве состоявшим в московском кружке Новикова, в маленьком деревянном домике на Васильевском острове основали ложу Умирающего сфинкса. Два года спустя А.А. Жеребцов учредил ложу Соединенных друзей (*Les Amis réunis*), а в 1805 году И.В. Бёбер возобновил деятельность ложи Пеликана к Благотворительности (первоначально основанной в 1773 г.) при участии некоторых ее бывших братьев. В Москву масонство вернулось в 1803 году, когда сенатор П.И. Голенищев-Кутузов и несколько розенкрейцеров открыли тайную ложу Нептуна в память об одноименном обществе, собиравшемся в Кронштадте; сам Голенищев-Кутузов участвовал в его работе еще совсем молодым офицером; к тому же бывший Великий мастер ложи адмирал С.К. Грейг когда-то отдал ему на хранение все ее официальные документы⁹.

В последующие пятнадцать лет масонство в России пережило еще один расцвет. Сотни людей (всего около 1600) устремились в ложи. Среди них были и посвященные в прошлом веке, и новые братья, которые в предшествующем столетии были еще слишком юны для общественной деятельности¹⁰. Как и раньше, состав лож демонстрирует этническую, конфессиональную и социальную пестроту: в орден вступают придворные, высокопоставленные сановники и аристократы; литераторы и художники; врачи и купцы. Ложи открываются в Ревеле, Митаве и Полтаве, Вологде, Киеве и Кронштадте, Томске, Симбирске и Ямбурге, Житомире, Нижнем Новгороде и Одессе¹¹. «Новое» русское масонство, естественно, многое заимствует у «старого». Продолжают усложняться масонские системы, ритуалы и организационные схемы, появляются всякого рода высшие градусы и тайные степени, распространяются

туманные сведения о невидимых начальниках ордена. И обычные люди, и могущественные, загадочные, иногда даже темные личности притягиваются в ложи, каждый — со своими целями, благородными или не очень. Ведется почти открытая борьба между русскими масонами и их братьями-иностранцами (особую ненависть вызывал, например, Г.И. Фесслер), обнажившая столкновения высоких каменщических идеалов и будничной действительности и угрожавшая серьезным расколом в российском масонстве. Масоны по-прежнему увлекаются мистицизмом, магией, алхимией, розенкрейцерством и вообще тайными науками. Все так же братья занимаются «обработкой дикого камня» и толкуют о своем нравственном превосходстве; все так же в обществе сплетничают об их распушенности и развращенности.

Одним, но весьма существенным обстоятельством масонство в начале XIX века все же отличается от того, что было в прошедшем столетии: круто изменились его отношения с государством. В постреволюционную эпоху масоны, которых общественное сознание всей Европы прочно связывает с экстремистскими силами, уже не могут не думать о том, как смотрят на них власти. Поэтому новые лидеры движения вынуждены постоянно и недвусмысленно подчеркивать свою лояльность. По легенде, Бёбер добился аудиенции у Александра I, чтобы убедить его в благотворном влиянии ордена на общество и уговорить не закрывать российские ложи. Император якобы согласился с доводами Бёбера и даже сам попросил посвятить его в братство. Вступил ли Александр тогда в орден, точно не известно, однако ясно, что в эпоху его царствования правительство все же гораздо больше, чем в предыдущем веке, было озабочено контролем над масонской деятельностью. В 1810 году в ходе дотошного расследования дел ордена министр полиции А.Д. Балашов, сам член ложи Соединенных друзей, посвященный в высшие степени, даже предлагал масонам государственное покровительство при условии их полного подчинения полиции. В сложной ситуации выбора между свободой и патронажем властей братья предпочли первое, о чем, возможно, впоследствии не раз пожалели¹².

Возрождение масонства при Александре I часто называют его «золотым веком». Однако век этот был блестящ и короток: уже к 1820-м годам становится ясно, что разрушительные силы — местные и иностранные, внешние и внутренние — готовятся к удару. И в восстаниях в Испании и Италии, и в мятеже Семеновского полка Александр видит руку всеевропейского революционного загово-

ра. Это объясняется прежде всего огромным влиянием на него австрийского канцлера Клеменса фон Меттерниха, полагавшего, что в Европе происходит манихейская битва установленной Богом законной власти, и подрывающего все основы атеистического радикализма. В 1820 году в письме к царю Меттерних прямо говорит о тайных обществах как о главном виновнике европейских беспорядков: они сосредоточили в себе «настоящую силу, все самое опасное — они работают в тайне от всех, разлагают все части общества и сеют повсюду семена нравственной болезни, которые быстро всходят и дают плоды». В том же году в частной беседе с императором на конгрессе в Троппау канцлер снова выражал свою тревогу по поводу деятельности тайных обществ и убеждал Александра принять против них самые жесткие меры. В конце концов император сдался и заявил, что уверен в угрозе, исходящей от масонов, и в необходимости противодействовать их влиянию¹³.

Призывы к борьбе против масонов Александр слышит и по возвращении в Россию. Удивительно, но едва ли не самым ярким борцом против масонского движения становится один из его лидеров — генерал-лейтенант Е.А. Кушелев, избранный в 1820 году Великим мастером ложи Астреи. Старый масон, воспитанный в представлениях прошедшего века, в нескольких записках на Высочайшее имя высказывает серьезные опасения о современном состоянии ордена. Это обоюдоострый меч, пишет Кушелев, который в руках «истинного» масона служит добродетели, религии и человечеству, а если им завладеет самозванец, становится оружием атеизма и вольнодумства. По его мнению, в России и по всей Европе ложи потеряли свое первоначальное высокое назначение и наполнились «духом своеволия, буйства и совершенного безначалия». Необходимо или вернуть их к прежней неполитической деятельности и учредить государственный надзор над ними, или расформировать и впредь запретить. Так или иначе, эта проблема требует быстрого разрешения, в противном случае «от нынешнего их [российских лож] положения и образа действия ... нельзя ничего ожидать, кроме толико же гибельных последствий, каковые уже раскрылись и безпрестанно раскрываются в прочих европейских государствах, разрушая древние, мудрые правления, потрясают и престолы монархов, отцов и благотворителей народов, повергая самые народы в неисчислимые бедствия»¹⁴.

Александр, по-видимому, счел нужным прислушаться к предупреждениям Кушелева. 1 августа 1822 года министр внутренних дел

граф В.П. Кочубей получил от императора рескрипт о запрещении лож, а уже 10-го числа того же месяца всех масонов созвали выслушать монаршее повеление и расписаться в отказе от учреждения впредь любых тайных обществ. После этого братья закрыли свои ложи в последний раз; случаи неповиновения отмечены не были. Некоторые масоны встретили эти события равнодушно; другие утверждали, что ничто не может расторгнуть связи между ними, а кое-кто даже договаривался о следующих собраниях — разумеется, тайных — в своих имениях¹⁵.

В последующие десятилетия масонство в России почти совершенно исчезло. В 1826 году Николай I повторил запрет брата, напуганный восстанием декабристов: многие из них также состояли в ложах, и это вызывало подозрения. Однако не все масоны отреклись от ордена, и в 1830-х годах время от времени появлялись сведения о некоторых масонских кружках, впрочем, столь малочисленных, что их даже нельзя было назвать ложами. Уже в 1850-х годах ходили слухи о ложе, тайно собиравшейся в Москве на Полянке в доме известного священника. Вплоть до 1870-х годов в полицию продолжали иногда поступать доносы на масонские общества, обыкновенно оказывавшиеся лишь плодом воображения самих осведомителей¹⁶. Во второй половине века масонство действовало лишь в среде русских эмигрантов за рубежом. Именно из этих кругов началось в начале XX века второе возрождение русского масонства. О его истории известно очень мало в силу немногочисленности источников и непопулярности этого вопроса, тесно связанного с мифом о жидомасонских корнях русской революции. Есть различные мнения о том, какую роль масоны сыграли в падении царизма (некоторые русские братья считали эту роль весьма значительной); как бы то ни было, в начале XX века орден представлял собой скорее политическую организацию, призванную объединить общественные силы (главным образом, либеральные) для борьбы с самодержавием. Естественно, что после революции она перестала существовать, лишившись своего *raison d'être*¹⁷. Судьба масонства при советской власти является дискуссионным вопросом. Известно, что маленькие кружки масонов продолжали собираться в 1920-е годы, но вскоре, в 1930-х годах, были раскрыты, а их члены репрессированы. Разрушение Советского Союза создало благоприятные условия для третьего возрождения масонства, и новые ложи уже учреждаются в России¹⁸. Время покажет, станут ли они долговечнее своих предшественниц.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ См.: *Jones W.G. Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge, 1984. P. 206—215; Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 313—323.*

² См.: *Некрасов С. Апостол добра. Повествование о Н.И. Новикове. М., 1994; Jones W.G. Op. cit.*

³ Ср. мнение авторитетной исследовательницы: «Наверное, нигде в Европе масонство не сыграло такой большой роли в развитии культурной жизни на протяжении целых трех, а то и четырех поколений, как в России» (*Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 829*).

⁴ См.: *Greenfeld L. The Scythian Rome // Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass., 1992; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Париж, 1930. Т. 3. С. 227—230; Wirtschafter E.K. Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, Ill., 1997.*

⁵ Дефиниция заимствована нами из кн.: *Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. New Haven, 1983.* [См. также: *Паев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 48—79. — Примеч. ред.]*

⁶ Так, В. Боголюбов пишет об аресте Новикова следующее: «Приговор Екатерины над Новиковым является приговором над попыткой независимого общественного самоопределения, по существу нетерпимого для абсолютной власти. Этот взгляд, можно сказать, получил преимущественное право гражданства в работах остальных историков» (*Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М., 1916. С. 454, 457—459*). См. также: *Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916; Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951.*

⁷ См.: *Roberts J.M. The Mythology of the Secret Societies. London, 1972.*

⁸ См.: *Yates F.A. The Rosicrucian Enlightenment. London, 1972. P. 209.*

⁹ См.: *Stevenson D. The Origins of Freemasonry: Scotland's Century, 1590—1710. Cambridge, 1988.*

¹⁰ См.: *Stevenson D. The Renaissance Contribution // Idem. Op. cit.*

¹¹ Первым указал на значение культуры позднего Ренессанса в становлении масонства Ф. Йейтс в кн.: *Yates F. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. Chicago, 1964. P. 274.* Выводы Д. Стивенсона подтверждают эту гипотезу.

¹² См.: *Stevenson D.* Op. cit. P. 9—12.

¹³ См.: *Jacob M.C.* Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe. New York, 1991. P. 32—35; *Stevenson D.* Op. cit. P. 216—231; *Bullock S.C.* Revolutionary Brotherhood: Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730—1840. Chapel Hill, N.C., 1996. P. 42—43; *Roberts J.M.* Op. cit. P. 25—26.

¹⁴ См. превосходное описание раннего английского масонства в: *Bullock S.C.* Newton and Necromancy: The Creation of the Masonic Fraternity // *Bullock S.C.* Op. cit. О формах общения и этикете раннего английского Просвещения см.: *Barker-Benfield G.J.* The Culture of Sensibility: Sex and Society in Eighteenth-Century Britain. Chicago, 1992; *Klein L.E.* Shaftesbury and the Culture of Politeness: Moral Discourse and Cultural Politics in Early Eighteenth-Century England. Cambridge, 1994.

¹⁵ См.: *Gould R.F.* The History of Freemasonry. Vol. 4. New York, 1889. P. 7—15; *Jacob M.C.* Op. cit. P. 16, 74, 89—90; *Roberts J.M.* Op. cit. P. 64.

¹⁶ См.: *Jacob M.C.* Op. cit. P. 3, 73; *Roberts J.M.* Op. cit. P. 65—66.

¹⁷ См.: *Cartier R.* The Cultural Origins of the French Revolution / Trans. L.G. Cochrane. Durham., N.C., 1991. P. 162—163; *Jacob M.C.* Op. cit. P. 205; *Roche D.* Literarische und Geheime Gesellschaftsbildung im vorrevolutionären Frankreich: Akademien und Logen // Lesegesellschaften und bürgerliche Emanzipation: Ein europäischer Vergleich / Ed. O. Dann. Munich, 1981. P. 182.

¹⁸ См.: *Cartier R.* Op. cit. P. 164—165; *Jacob M.C.* Op. cit. P. 8—9, 16, 205.

¹⁹ См.: *Dülmen van R.* Die Gesellschaft der Aufklärer: Zur bürgerlichen Emanzipation und aufklärerischen Kultur in Deutschland. Frankfurt a. M., 1986. S. 55—66; *Vierhaus R.* Aufklärung und Freimaurerei in Deutschland // Freimaurer und Geheimbünde im 18. Jahrhundert in Mitteleuropa / Hrg. H. Reinalter. Frankfurt a. M., 1983. S. 115—139.

²⁰ См.: *Gould R.F.* Op. cit. P. 1—7; 64.

²¹ См.: *Gould R.F.* Op. cit. P. 104—105, 112—113, 117—119; *Jacob M.C.* Op. cit. P. 27, 73; *Roberts J.M.* Op. cit. P. 68—76.

²² См.: *Gould R.F.* Op. cit. P. 95—103.

²³ См.: *Krivanec E.* Die Anfänge der Freimaurerei in Österreich // Freimaurer und Geheimbünde im 18. Jahrhundert in Mitteleuropa / Hrg. H. Reinalter. Frankfurt a. M., 1983. S. 177—192; *Weisberger R.W.* Speculative Freemasonry and the Enlightenment: A Study on the Craft in London, Paris, Prague, and Vienna. East European Monographs, 367. New York, 1993. P. 109.

²⁴ См.: *Reinalter H.* Die Freimaurerei zwischen Josephinismus und frühfranzösischer Reaktion. Zur gesellschaftlichen Rolle und zum indirekt politischen Einfluß der Geheimbünde im 18. Jahrhundert // Freimaurer und Geheimbünde im 18. Jahrhundert in Mitteleuropa / Hrg. H. Reinalter. Frankfurt a. M., 1983. S. 35—84.

²⁵ См.: *Bullock S.C.* Op. cit. P. 46; *Gould R.F.* Op. cit. P. 125—149.

²⁶ См.: *Bullock S.C.* Op. cit. P. 85—90; *Jacob M.C.* Op. cit. P. 59—62.

²⁷ См.: *Hobsbawm E.* Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 6, 8.

²⁸ *Furet F.* Interpreting the French Revolution / Trans. E. Forster. Cambridge, 1981. P. 164, 175—176, 178. [См. перевод — *Фюре Ф.* Постыжение Французской революции. СПб., 1998. С. 183—213. — *Примеч. ред.*] Важнейшие труды Кошена

по истории революции были напечатаны посмертно: *Les Sociétés de Pensée et la révolution en Bretagne* (1925); *Les Sociétés de Pensée et la démocratie moderne* (1921); *La révolution et la libre pensée* (1924).

²⁹ *Furet F.* Op. cit. P. 187.

³⁰ *Ibid.* P. 180.

³¹ Эта работа вышла в 1959 году в Германии; английский перевод: *Koselleck R.* Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Boston, 1988.

³² *Jacob M.C.* Op. cit. P. 20.

³³ Сжатое изложение сути проблемы см.: *Outram D.* What is Enlightenment? // *The Enlightenment.* Cambridge, 1995.

³⁴ См.: *Darnton R.* George Washington's False Teeth // *New York Review of Books.* 1997. № 5. 27 March. P. 34—38.

³⁵ *Vierhaus R.* Op. cit. S. 115—139.

³⁶ *Jacob M.C.* Op. cit. P. 18.

³⁷ *Ibid.* P. 119.

ГЛАВА 1

¹ Кроме особо оговоренных случаев, все сведения, использованные в этой главе, почерпнуты нами из фундаментальной работы А.И. Серкова (см.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731—2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001). Эта книга является наиболее полным источником по истории русского масонства и во многом основана на не публиковавшихся ранее архивных материалах. Автор выражает благодарность А.И. Серкову за возможность ознакомиться с его трудом в рукописи. Также см.: *Bakounine T.* Le répertoire biographique des franc-maçons russes (XVI—XVII et XIX siècles) // *Collection historique de l'Institut d'Etudes Slaves.* Vol. 19. Paris, 1967. О раннем русском масонстве см.: *Cross A.G.* British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // *Oxford Slavonic Papers.* 1971. New Series. № 4. P. 43—49; *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 1—10. Неубедительную попытку обнаружить немецкие корни русского масонства представляет собой работа: *Friedrichs E.* Geschichte der einstigen Maurerei in Rußland. Berlin, 1904.

² Лорд Кинтор, кузен Кейта, был гроссмейстером английского масонства. См.: *Cross A.G.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997. P. 28—29; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 4. Русские масоны помнили Кейта еще и по песне, по видимому исполнявшейся в ложах во времена елизаветинского царствования. См.: *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 189, примеч. к с. 191.

³ См.: *Krivanec E.* Die Anfänge der Freimaurerei in Österreich // *Freimaurer und Geheimbünde im 18. Jahrhundert in Mitteleuropa* / Hrg. H. Reinalter. Frankfurt a. M., 1983. S. 180; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 200—201, 577—578, 682—683, 874—875, 879—880.

- ⁴ См.: Там же. С. 943—946, 959—988.
- ⁵ См.: Там же. С. 951—982.
- ⁶ См.: Там же. С. 19—20, 950; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 18; *Глинка С.Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996. С. 34—35. По подсчетам А.И. Серкова, всего в России насчитывалось 8 военных лож.
- ⁷ См.: *Friedrichs E.* Op. cit. S. 43, 88; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 19—20.
- ⁸ См.: *Соколовская Т.О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., [1907]. С. 162; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 953.
- ⁹ См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 971; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 22, 63.
- ¹⁰ См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 964; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 9.
- ¹¹ См.: *Corberon Marie Daniel Bourree, baron de.* Un diplomate français à la cour de Catherine II, 1775—1780: Journal intime. Paris, 1901. T. 2. P. 139.
- ¹² См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 959—981.
- ¹³ См.: Там же. С. 989.
- ¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550. Ф. III. 129. Л. 1.
- ¹⁵ См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 949. Очерк истории ложи Нептуна см.: *Соколовская Т.О.* О масонстве в прежнем русском флоте // *Море.* 1907. № 8. С. 216—253.
- ¹⁶ См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 84—85. В примечании к этому месту Вернадский указывает другую дату того же события — 3 марта 1784 года.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 10—12; *Riasanovsky N.V.* A History of Russia. New York, 1984. P. 294—295. А.И. Серков в своем энциклопедическом словаре указывает 3093 русских масона XVIII века. Все сведения, использованные в настоящем разделе, почерпнуты нами почти исключительно из этой работы.
- ¹⁸ А.И. Серкову удалось установить род занятий 2020 из 3093 масонов. Таким образом, эти 1100 каменщиков составляют приблизительно 35% от общего числа масонов и 54% из тех 2020, о деятельности которых мы имеем какие-либо сведения.
- ¹⁹ См.: *LeDonne J.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, 1984. P. 5. К приводимому списку можно добавить такие фамилии, как Чернышевы, Юсуповы, Куракины, Панины и Разумовские.
- ²⁰ Никита Панин направлял внешнюю политику империи в первые десятилетия екатерининского царствования и был воспитателем наследника Павла Петровича. Его брат Петр руководил подавлением пугачевского бунта в 1773—1774 годах и, вместе с Никитой, входил в состав Императорского совета. И.Г. Чернышев, вице-президент и затем президент Адмиралтейств-коллегии, сенатор; З.Г. Чернышев был вице-президентом Военной коллегии, фельдмаршалом и генерал-губернатором Полоцкой и Могилевской губерний; К.Г. Разумовский, президент Академии наук, украинский гетман и также фельдмаршал; князь А.Б. Куракин возглавлял 3-ю экспедицию для свидетельства счетов, при Павле получил должность генерал-прокурора.
- ²¹ См.: *LeDonne J.* Op. cit. P. 14.

²² См.: *Ibid.* О количестве масонов в государственном аппарате и при дворе см. также: *Соколовская Т.О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., [1907]. С. 160—166; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 86—90.

²³ По самым осторожным подсчетам (если оценивать количество врачей, фармацевтов, учителей, профессоров, музыкантов, актеров, землемеров и т.п., занятых в государственных учреждениях, в 50% от их общего числа), сумма чиновников в русском масонстве возрастет до 1240, или 41% от всего каменщического движения и 61% от числа тех масонов, род занятий которых нам известен.

²⁴ Купцы, юристы, банкиры, владельцы мануфактур, трактиров и книжных лавок составляют почти 17% от 2020 масонов с установленным родом занятий. Вместе с чиновниками эта группа, таким образом, насчитывает 71% из этих 2020 каменщиков.

²⁵ См.: *Ransel D.L.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven, 1975. P. 111—113, 255—261; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 445—446.

²⁶ См.: *Cross A.G.* Op.cit. P. 62—64; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 968.

²⁷ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 17; см.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 968.

²⁸ См.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 5—5 об.

²⁹ См.: *Cross A.G.* Op. cit. P. 63; *Ransel D.L.* Op.cit. P. 238; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 968.

³⁰ См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 12—13; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 82.

³¹ См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 13; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 67—67 об.; Д. 407. Л. 89.

³² Возможно, в Петрозаводске в 1790-х годах также действовала ложа, состоявшая из профессиональных каменщиков. См. об этом: *Cross A.G.* Op. cit. P. 60—62; *Idem.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997. P. 245—246. См. также: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 13; *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 95; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 981. А.И. Серков указывает только одну петрозаводскую ложу 1790-х годов, но, по-видимому, это не та ложа, которую имеет в виду Кросс.

³³ [*Вегелин И.Ф.*] Письмо неизвестного лица о Московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 1032. Мы атрибутируем данный текст выпускнику Московского университета, учителю и впоследствии автору популярных учебников И.Ф. Вегелину, основываясь на содержании текста и на данных, почерпнутых из статьи о ложе Трех знамен в перечне «Масонских мастерских XVIII века» Энциклопедического словаря А.И. Серкова. См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 167, 957—958.

³⁴ *Reinbeck G.* Travels from St. Petersburg through Moscow, Grodno, Warsaw, Breslau, etc. to Germany, in the Year 1805 // Collection of Modern and Contemporary Voyages and Travels. Vol. 6. London, 1807. P. 128. Русский перевод приведенной цитаты опубликован в: *Пытин А.Н.* Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 538.

³⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 147. № 5. (М. 1882). Л. 47—48.

³⁶ *Серков А.И.* Указ. соч. С. 950—951, 686.

³⁷ Изучение адоптивных лож начала Дж.М. Берк; см: *Burke J.M. Freemasonry, Friendship and Noblewomen: The Role of the Secret Society in Bringing Enlightenment to Pre-Revolutionary Women Elites // History of European Ideas.* 1989. Vol. 10. № 3. P. 283—293; *Burke J.M. French Women Freemasons into the Age of Charity* (доклад, прочитанный на ежегодном съезде Американской исторической ассоциации в январе 1998 г. в Сизтле); *Burke J.M., Jacob M.C. French Freemasonry, Women, and Feminist Scholarship // Journal of Modern History.* 1996. Vol. 68. September. P. 513—549. См. также превосходные наблюдения М. Джейкоб: *Jacob M.C. Freemasonry, Women, and the Paradox of the Enlightenment // Jacob M.C. Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe.* New York, 1991. Более скептическую оценку женского масонства см. в: *Goodman D. The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment.* Ithaca, N.Y., 1994. P. 253—259.

³⁸ См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 944, 947—948, 950. А.И. Серков допускает неточность, называя адоптивную ложу в Митаве ложей Трех венчаных мечей (так именовалась братская «мужская» ложа) и датируя ее основание весной 1780 года. Настоящее название ложи и время ее учреждения можно определить по диплому, выданному 27 мая 1779 году Великим мастером Калиостро Агнессе Элизабете де Медем (sic) и удостоверявшему ее посвящение в степень шотландской «мастерицы» (см.: Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК [в 1999 году присоединен к Российскому государственно-военному архиву. — *Примеч. ред.*]). Ф. 1412. Оп. 1. Д. 5299). О пребывании Калиостро в Курляндии см.: *Зотов В.* Калиостро, его жизнь и пребывание в России // *Русская старина.* 1875. № 1. С. 59—63. Очерк жизни Калиостро см. в: *Gervaso R. Cagliostro: A Biography.* London, 1974.

³⁹ См.: *Гейкинг К.Г.* Воспоминания сенатора барона Карла Гейкинга // *Русская старина.* 1897. № 9. С. 532—535. Переписку варшавской ложи Екатерины к Северной звезде, в которой состоял Гейкинг, с берлинской ложей Royal York de l'Amitié можно найти в: ЦХИДК. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 4860.

⁴⁰ См.: *Robison J. Proofs of a Conspiracy against all the Religions and Governments of Europe, Carried on in the Secret Meetings of Free Masons, Illuminati, and Reading Societies.* Edinburgh, 1798. Подробнее о Робайсоне см. в: *Cross A.G.* Op. cit. P. 30, 154, 258, 400 note 175.

⁴¹ Мы имеем свидетельства о порядке собраний по крайней мере четырех лож: Урании, Девяти муз, Беллоны в Петербурге и Золотого ключа в Перми. О петербургских ложах см.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 961, 971—980; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 22, примеч. 3; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406, 407. Протоколы заседаний ложи Золотого ключа см.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 129.

⁴² Сведения об этом типе лож можно почерпнуть из масонских постановлений (впрочем, весьма запутанных), хранящихся в: ОР РГБ. Ф. 14. № 2. Л. 56—56 об.

⁴³ См.: Там же. Л. 58—58 об.

⁴⁴ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 111. Л. 20 об.—21 об.; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 129—130; примеч. 1; С. 162; примеч. 1. См. также: *Соколовская Т.* Траурная ложа у масонов (К истории масонства в России) // *Море.* 1906. № 6. С. 205—211.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 111. Л. 20 об.—21 об. Общее описание масонских банкетов преимущественно начала XIX века см. в: *Соколовская Т.* Обрядность вольных каменщиков // *Масонство в его прошлом и настоящем.* М., 1991. Правила проведения трапез, принятые в кронштадтской ложе Нептуна, см. в: *РГАЛИ.* Ф. 442. Оп. 2. Д. 6.

⁴⁶ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 43—44 об.

⁴⁷ Кроме дня св. Иоанна Крестителя каждая ложа ежегодно отмечала день собственного основания особым праздничным обедом. См.: *Соколовская Т.* Иоаннов день — масонский праздник // *Море.* 1906. № 23—24. С. 846—863.

⁴⁸ Время начала собраний было установлено Общими законами, которым следовала та или иная ложа. См., например, Общие законы, действовавшие в ложе Восходящего солнца: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 9 об.—10. Судя по протоколам пермской ложи Золотого ключа и ложи Теоретического градуса в Вологде, в них заседания начинались в 5 или 6 часов вечера, см.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 129; ОР РГБ. Ф. 147. № 293 (М. 2167). Дебаты об украшениях ложи см. в протоколах ложи Золотого ключа: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 129. Л. 3 об. Подробнее о судьбе виолончели см.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 22.

⁴⁹ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 9 об.; Там же. Ф. III. 111. Л. 31 об.

⁵⁰ В устройстве некоторых лож можно найти вариации этой общей модели: к примеру, в ложе Нептуна действовал еще и Наместник мастер, а в Уралии — два Надзирателя. Обязанности «офицеров» описаны по протоколам Уралии, см.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 7—8 об.

⁵¹ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 9 об.; Там же. Ф. III. 111. Л. 17 об.—20. Об особенностях организации ложи Нептуна см.: *Соколовская Т.* О масонстве в прежнем русском флоте // *Море.* 1907. № 8. С. 216, 242.

⁵² Документы хранятся в: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110, Ф. III. 111, Ф. III. 112, Ф. III. 113. Фонд содержит «Общие учреждения свободных каменщиков», «Истолкование Устава, или правил, и Общие законы свободных каменщиков», «Общие законы» и полную документацию для трех нижних степеней. Общие законы, цитируемые ниже по параграфам, находятся в: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Церемониальные инструкции ложи Восходящего солнца (определявшие, например, ход инициационных обрядов) см. в: ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 17.

⁵³ См.: Общие законы. §42.

⁵⁴ См.: Там же. §39.

⁵⁵ Там же. § 9, 14, 16, 19-22, 30, 31.

⁵⁶ Там же. § 20, 23, 26.

⁵⁷ Там же. § 11.

⁵⁸ Там же. § 16.

⁵⁹ См.: Там же. § 3, 5, 18, 20, 23, 27, 29, 31, 33.

⁶⁰ Там же. § 34, 47. См. также § 9, 10, 23, 29, 30, 31, 34, 47.

⁶¹ Там же. § 50.

⁶² Там же. § 15.

⁶³ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 24, 43 об.—44, 72—72 об.; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 101—102.

⁶⁴ См.: *Пекарский П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 122—123; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 101—102; ОР РГБ.

Ф. 147. № 5. (М. 1882). Л. 47 об. В списке членов ложи Нептуна значатся двое братьев, исключенных из ложи. Причины их изгнания не указаны. См.: Соколовская Т.О. О масонстве в прежнем русском флоте. С. 242.

⁶⁵ Пекарский П. Указ. соч. С. 121—122.

⁶⁶ [Вегелин И.Ф.] Указ. соч. С. 1036—1037.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 550. QIII.153. Л. 2; ОР РНБ. Ф. 550. FIII.111. Л. 11—11 об., 22 об. Архивное дело. FIII.111 содержит «Краткое начертание цели ордена», семь должностей ордена, «Устав, или правила, и Общие законы свободных каменщиков».

⁶⁸ Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Ч. 2. С. 896.

⁶⁹ Jones W.G. Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge, 1984. P. 105—107. Краткий очерк истории понятия «mœurs» в XVIII веке. см. в: The Blackwell Companion to the Enlightenment, «Mœurs».

⁷⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. С. 558—559.

⁷¹ Там же.

⁷² ОР РНБ. Ф. 550. FIII.111. Л. 5 об.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 550. FIII.112. Л. 6 об.; ОР РНБ. Ф. 550. FIII.110. Л. 3, 8 об.—9.

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 550. FIII.113. Л. 6 об.

⁷⁵ В документах, посланных в ложу Восходящего солнца, содержались оба названных текста. См.: ОР РНБ. Ф. 550. FIII.111. Л. 22 об.—24; ОР РНБ. Ф. 550. FIII.110. Л. 3—9. Список с первого из них был опубликован в: Из бумаг митрополита Московского Платона. М., 1882. С. 19—21. Копию второго («Истолкования...»), неверно обозначенного как «Устав вольных каменщиков», опубликовала Т. Соколовская. См.: Устав вольных каменщиков // Море. 1907. № 25—26. С. 769—780. Стоит заметить также, что, хотя в публикации документ датируется 1787 годом, многочисленные ложи Елагиной системы использовали его во всяком случае с 1777 года. См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. xi—xii.

⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 550. FIII.111. Л. 22 об.

⁷⁷ Там же. Л. 23.

⁷⁸ Там же. FIII.110. Л. 4 об.—5.

⁷⁹ Там же. FIII.111. Л. 23—23 об.

⁸⁰ Там же. FIII.110. Л. 7 об.—8 об.; Там же. FIII.111. Л. 24.

⁸¹ Там же. FIII.110. Л. 7.

⁸² Из бумаг митрополита Московского Платона. М., 1882. С. 6; ОР РНБ. Ф. 550. FIII.111. Л. 13 об.

⁸³ ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 16. Л. 9. См. также: ОР РНБ. Ф. 550. FIII.111. Л. 29—29 об.

⁸⁴ Из бумаг митрополита Московского Платона. М., 1882. С. 6, 7.

⁸⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 16. Л. 9. В другом тексте из документов ложи Восходящего солнца обряд описывается так: Мастер спрашивает Первого Великого надзирателя, что есть свободный каменщик; тот отвечает: «Свободный каменщик есть свободный муж, старающийся побеждать свои склонности и подвергать волю свою законам просвещенного ума» (ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 17. Л. 1).

⁸⁶ Словосочетание «свободный каменщик» можно иногда встретить в масонских документах (хотя чаще употреблялся термин «вольный каменщик»). См.:

ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 112. Л. 6 об.—7. В речи, обращенной к братьям пермской ложи Золотого ключа 15 июля 1783 года, И.И. Панаев как раз противопоставлял рабов страстей масонам, которые «освободили» себя от желаний. Таким образом, понятие «свободный каменщик» Панаев связывал со «свободой души» каждого из братьев. См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 129. Л. 31 об.—33 об.

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 47. Л. 35.

⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 59. Л. 10 об.—11 об.

⁸⁹ *Тарасов Е.* К истории русского общества второй половины XVIII столетия: Машон И.П. Тургенев // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Т. 51. № 6. С. 158.

⁹⁰ Там же. С. 159.

⁹¹ Все три низшие степени масонства (как, впрочем, и некоторые высшие) имели собственный ковер с разными знаками и символами, которые должны были помочь им выучить нравственные уроки, соответствующие их градусу. См. об этом: *Соколовская Т.* Масонские ковры (Страничка из истории масонской символики) // Море. 1907. № 13—14. С. 417—434. Мы вынуждены внести поправки в подписи под репродукциями ковров: первый и третий относятся к мастерской степени, второй — к товарищеской, четвертый — к ученической.

⁹² ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 111. Л. 9—9 об., 16, 17.

⁹³ Там же. Л. 23 об.

⁹⁴ Там же. Л. 11 об.

⁹⁵ Там же. Ф. III. 113. Л. 14, 16.

⁹⁶ Там же. О. III. 159. Л. 2 об.—3 об.

⁹⁷ Там же. Ф. III. 111. Л. 15 об.—16.

⁹⁸ Там же. Ф. III. 48. Л. 117—117 об.

⁹⁹ *Щербатов М.М.* Сочинения. СПб., 1900. Т. 1. Стлб. 811.

¹⁰⁰ *Griffiths D.M.* Catherine II: The Republican Empress // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1973. Band 21. — Н. 3. S. 335.

¹⁰¹ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о составлении проекта нового Уложения // *Ермашов Д.В., Шириняц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999. С. 192—193.

¹⁰² Там же. С. 143.

¹⁰³ Там же. С. 144, 165.

¹⁰⁴ [*Бецкой И.И.*] О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи, изданная по Высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. СПб., 1783. С. 10—67. См. также: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Париж, 1931. Т. 2. С. 750—765; *Okenfuss M.J.* Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1979. Band 27. Н. 1. S. 41—68; *Idem.* Popular Educational Tracts in Enlightenment Russia: A Preliminary Survey // *Canadian-American Slavic Studies*. 1980. Vol. 14. № 3. P. 307—326.

¹⁰⁵ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890—1904. Т. 68. С. 751—803; История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 39.

¹⁰⁶ Цит. по: *Артемьев А.* Казанские гимназии в XVIII столетии // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 11. Отд. 4. С. 38. См.: *Bartlett R.P.*

Culture and Enlightenment: Julius von Canitz and the Kazan' *Gimnazii* in the Eighteenth Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14. № 3.

¹⁰⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 21. С. 461.

¹⁰⁸ *Аранов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 101, примеч. 1.

¹⁰⁹ См.: *Roosevelt P.* Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven, 1995. P. 145.

¹¹⁰ См.: *Крылов И.А.* Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума // Русская сатирическая проза XVIII века. Л., 1986. См. также: Наставление молодому суетону, вступающему в свет // Вечерняя заря. 1782. Ч. 3. С. 70—73.

¹¹¹ Огромный массив нравоучительной литературы почти не был исследован. Исключения редки: *Демков М.И.* История русской педагогики. Т. 1—2. СПб., 1896—1897; *Космолинская Г.А.* Памятники учебно-воспитательной литературы второй половины XVIII века в собрании научной библиотеки МГУ // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1987. С. 5—42. Анализ того же материала на немецкой почве см. в: *Martens W.* Die Botschaft der Tugend: Die Aufklärung im Spiegel der deutschen moralischen Wochenschriften. Stuttgart, 1968.

¹¹² См.: Карманная книжка честнаго человека, или Нужные правила во всяком месте и во всякое время [пер. Г. Бажанов]. СПб., 1794; Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете. М., 1762; Должности честнаго человека. СПб., 1798.

¹¹³ См.: Карманная книжка честнаго человека. С. 27—28; Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете. М., 1762. С. 46—47, 51. Хотя культурный тип «честного человека» восходит прежде всего к понятию «*honnête homme*», распространенному во Франции XVII века, между ними наблюдаются существенные различия. О судьбах «честного человека» в начале XIX века, см.: *Todd III W.M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, and Narrative. Cambridge, Mass., 1986. P. 3—4, 33—34. [См. перевод — *Todd III W.M.* Литература и общество в эпоху Пушкина / Пер. с англ. А.Ю. Миролубовой. СПб., 1996. — *Примеч. ред.*] О французских источниках и истории понятия см.: *Höfer A., Reichardt R.* Honnête homme, Honnêteté, Honnête gens // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820 / Hrsg. R. Reichardt und E. Schmitt. H. 7. München, 1986. S.1—67; *Keohane N.O.* Philosophy and the State: The Renaissance to the Enlightenment. Princeton, 1980. P. 231—232, 283—285.

¹¹⁴ Утренний свет. 1780. Ч. 9. Август. С. 207. Названные статьи можно найти в: Утренний свет. 1777. Ч. 1. Сентябрь. С. 69—83; Утренний свет. 1779. Ч. 6. Август. С. 293—304.

¹¹⁵ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. Т. 1—5. М., 1962—1975. Приложение I. № 150, 210, 238 (далее — Сводный каталог). Издатели «Собеседника любителей русского слова» видели для своей деятельности три цели: распространение знаний и просвещения; развитие русского языка; исправление нравов.

¹¹⁶ Отрывки из тех сочинений И. Пнина, где затрагиваются интересующие нас вопросы, см. в: *Орлов В.* Иван Пнин // Русские просветители 1790—1800-х годов. Б.м., 1950. Его переводы, такие, например, как «О нравоучении, должностях и обязанностях нравственных», и другие см. в кн.: *Пнин И.* Сочинения. М., 1934.

¹¹⁷ *Oestreich G.* Neostoicism and the Early Modern State / Ed. B. Oestreich and H.G. Koenigsberger, trans. D. McLintock. Cambridge, 1982. P. 7.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 13, 15, 21, 33.

¹¹⁹ См.: *Ibid.* P. 37—38.

¹²⁰ *Добрынин Г.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная в Могилеве и в Витебске. 1752—1823. СПб., 1872. С. 194—198. См. также, как И.В. Лопухин защищал масонство перед московским генерал-губернатором Я.А. Брюсом: *Лопухин И.В.* Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990. С. 25.

¹²¹ *Oestreich G.* *Op. cit.* P. 269—270. Это понятие («регулярное полицейское государство») было предложено в очень важном исследовании М. Раева: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. New Haven, 1983. См. также о влиянии неостоицизма на Россию XVIII века в: *Idem.* Imperial Russia, 1682—1825: The Coming of Age of Modern Russia. New York, 1971. P. 141—142. О месте неостоицизма в мировоззрении русских масонов см.: *Ransel D.L.* *Op. cit.* P. 55—57, 213—214; *Уткина Н.Ф.* и др. Русская мысль в век Просвещения. М., 1991. С. 163—165. О неостоицизме в екатерининской России см.: *Gleason W.D.* Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great. New Brunswick, 1981. P. 59—61.

¹²² См.: *Oestreich G.* *Op. cit.* P. 7—8.

¹²³ См.: *Fiering N.* Moral Philosophy at Seventeenth-Century Harvard: A Discipline in Transition. Chapel Hill, N.C., 1981. P. 3—7; *Schneewind J.B.* Introduction // *Moral Philosophy from Montaigne to Kant.* 2 vols. Cambridge, 1990.

¹²⁴ См.: *Росcock J.G.A.* Clergy and Commerce: The Conservative Enlightenment in England // *L'eta dei lumi: Studi storici sul settecento europeo in onore di Franco Venturi.* Naples, 1985. Vol. 1. P. 525—562; *Barker-Benfield G.J.* The Reformation of Male Manners // *Idem.* The Culture of Sensibility: Sex and Society in Eighteenth-Century Britain. Также см.: *Klein L.E.* *Op. cit.*; *Mullan J.* Sympathy and the Production of Society // *Sentiment and Sociability: The Language of Feeling in the Eighteenth Century.* New York, 1988.

¹²⁵ См.: *Barker-Benfield G.J.* *Op. cit.* P. 55—58.

¹²⁶ *Старобинский Ж.* Слово «цивилизация» // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. Т. 1. С. 123. Также см.: *France P.* Polish, Police, *Polis* // *Idem.* Politeness and Its Discontents: Problems in French Classical Culture. Cambridge, 1992.

¹²⁷ Утренний свет. 1780. Ч. 9. Июнь. С. 91.

¹²⁸ *Зиновьев В.Н.* Письма В.Н. Зиновьева к гр. С.Р. Воронцову из Англии // *Русская старина.* 1878. № 11. С. 439.

¹²⁹ См.: *Зиновьев В.Н.* Журнал путешествий В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии // *Русская старина.* 1878. № 12. С. 607.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ *Массон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. С. 137.

¹³² См.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 45, 277.

¹³³ Цит. по: Там же. С. 60.

¹³⁴ О роли понятия «цивизованность» в русском национальном самосознании см.: *Rogger H.* Manners and Morals // *Idem.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass., 1960.

¹³⁵ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факс. изд. М., 1983. С. 16.

¹³⁶ См.: *France P.* Op. cit. P. 64—66; *Старобинский Ж.* Указ. соч. С. 120—123; анализ той же проблемы на русском материале см. в кн.: *Черная Л.А.* Концепция личности в русской литературе второй половины XVII — первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. М., 1989. С. 220—232.

ГЛАВА 2

¹ Сатирические журналы Н.И.Новикова / Ред., вступ.ст. и комм. П.Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 68.

² *Jones Gareth W.* The Polemics of the 1769 Journals: A Reappraisal // *Canadian-American Slavic Studies*. 1982. Vol. 16. № 3—4. P. 432—443.

³ См. недавнюю работу о деле Новикова: *Papmehl K.A.* The Empress and «Un Fanatique»: A Review of the Circumstances Leading to the Government Action Against Novikov in 1792 // *Slavonic and East European Review*. 1990. Vol. 68. № 4. October. P. 665—691. Ср. также: *Jones Gareth W.* Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge, 1984. P. 206—211.

⁴ Любопытно отметить, что такой взгляд объединяет историков противоположных политических убеждений. См., с одной стороны: *Pipes R.* Russia under the Old Regime. N.Y., 1974, — и, с другой: *Eley Geoff.* Nations, Publics, and Political Cultures: Placing Habermas in the Nineteenth Century // *Habermas and the Public Sphere* / Ed. Craig Calhoun. Cambridge, Mass., 1992. P. 325.

⁵ В этой связи обращает на себя внимание призыв Г. Розмана отказаться от «мифа об отсталости России»; см.: *Rozman G.* Urban Networks in Russia, 1750—1800, and Premodern Periodization. Princeton, 1976. P. 279. Легенда об отсутствии в России интенсивной городской и торговой жизни развевается в книге: *Wirtschafter E.K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, Ill., 1997. P. 74—75, 81—82. Вообще говоря, тезис об «отсталости» того или иного государства зачастую оказывается проекцией исследовательской оптики историка; так, современные исследователи истории французского общества оспаривают традиционные представления своих коллег о «недоразвитости» Франции по сравнению с Англией: *Gordon D., Bell D., Maza S.* The Public Sphere in the Eighteenth Century // *French Historical Studies*. 1992. Vol. 17. № 4. P. 882—956.

⁶ См. работы о русском обществе XVIII столетия: *Burgess M.* Russian Public Theater Audiences of the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *Slavonic and East European Review*. 1958. Vol. 37. № 88. December. P. 160—183; *Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton, 1985; *Raeff M.* Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Paedagogical Leadership, and the Enlightenment in Eighteenth-Century Russia // *Alteuropa — Ancien Régime — Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung* / Hrsg. Hans Erich Bodeker, Ernst Hinrichs. Stuttgart, 1991. S. 99—115. Об обществе XIX—XX вв. см.: *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, 1985; *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Identity in Late Imperial Russia* / Ed.

Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, James L. West. Princeton, 1991; *Hagen M.* Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland, 1906—1914. Wiesbaden, 1982; *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press. Princeton, 1991; *Riasanovsky Nicholas V.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801—1855. Oxford, 1976; *Sternin G.* Public and Artist in Russia at the Turn of the Century // *Tekstura: Russian Essays on Visual Culture* / Ed. and trans. Alia Efimova and Lev Manovich. Chicago, 1993. P. 89—114; *Todd III, William Mills.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, and Narrative. Cambridge, Mass., 1986.

⁷ См.: *Riasanovsky N.* Parting of Ways. P. 22.

⁸ *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Trans. Thomas Burger, with the assistance of Frederick Lawrence. Cambridge, Mass., 1989. Содержательный анализ влияния Хабермаса и Козеллека на современную науку см. в работе: *La Vopa Anthony J.* Conceiving a Public: Ideas and Society in Eighteenth-Century Europe // *Journal of Modern History.* 1992. Vol. 64. March. P. 79—116. Об общих следствиях теоретических построений Хабермаса см.: *Habermas and the Public Sphere* / Ed. C. Calhoun. Cambridge, Mass., 1992. Выработанное Хабермасом и другими понятие «публики» рассматривается также в кн.: *The Phantom Public Sphere* / Ed. Bruce Robbins. Minneapolis, 1993.

⁹ См.: *Habermas J.* Op. cit. P. 17—18.

¹⁰ См.: *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // *Сборник ОРЯС.* 1910. Т. 88. № 2. С. 248—249.

¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6 (1720—1722). № 3534.

¹² См.: *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 248.

¹³ *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanics and Russia, 1600—1800. New Haven, 1983. См. также замечательную работу: *LeDonne John P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825. New York, 1991.

¹⁴ *Habermas J.* Op. cit. P. 18—22.

¹⁵ *Нордстем И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь... СПб., 1782. Ч. 2. С. 675.

¹⁶ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. IV. Стлб. 601.

¹⁷ *Нордстем И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь... СПб., 1782. Ч. 2. С. 455.

¹⁸ См.: *Hölscher L.* Öffentlichkeit und Geheimnis: Eine begriffsgeschichtliche Untersuchung zur Entstehung der Öffentlichkeit in der frühen Neuzeit. Stuttgart, 1979. S. 83—89; *Idem.* Öffentlichkeit // *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrg. Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck. Bd. 4. Stuttgart, 1978. S. 430—431.

¹⁹ См.: *Hölscher L.* Öffentlichkeit und Geheimnis. S. 83, 88—89; *Idem.* Öffentlichkeit. S. 35. Как отмечает Хабермас, именно «новые средоточия социальной критики» (кофейни, салоны и т.д.) порождали ситуацию относительного равенства аристократов с образованными плебеями (см.: *Habermas J.* Op. cit. P. 32). Ср. новейшее исследование немецкого общества XVIII века, развивающее и корректирующее положения Хабермаса: *Hull Isabel V.* The Practitioners of Civil Society // *Idem.* Sexuality, State, and Civil Society in Germany, 1700—1815. Ithaca, N.Y., 1996.

²⁰ Санкт-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. 2. С. 222.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. № 40. 19 мая 1780 г. Прибавление. С. 529.

²² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. М., 1882. Т. 3. Ст. «Публика».

²³ *Gleason A.* The Terms of Russian Social History // *Between Tsar and People* / Ed. Clowes et al. P. 18—19; *LeDonne J.* Absolutism and Ruling Class. P. viii. Точно так же Энтони Г. Неттинг полагает, что в применении к екатерининскому и александровскому времени слово «общество» имеет исключительно значение — «приближенные ко двору аристократические круги» (*Netting Anthony G.* Russian Liberalism: The Years of Promise. 1842—1855. Ph.D. diss., Columbia University, 1967. P. 20).

²⁴ См.: *Raeff M.* Transfiguration and Modernization. P. 109.

²⁵ *Wirtschaftler E.K.* Op. cit. P. 36, 59.

²⁶ См.: *LeDonne J.* Op. cit. P. 5—16, 21, 158; *Idem.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, 1984. P. 18—19.

²⁷ См.: *Habermas J.* Op. cit. P. 22—23. См. также: *Wuthnow R.* Communities of Discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. Cambridge, Mass., 1989. P. 171—179, 201—203, 310—313. Согласно определению Вутноу, подчеркивающего роль государства в формировании и развитии публичной сферы, публика состоит из «чиновников, парламентариев, придворных, стряпчих, армейских офицеров, досужих людей, университетских преподавателей и выпускников».

²⁸ *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Изд. 2-е. М., 1787. Ч. IV. С. 61—62.

²⁹ См.: Там же. С. 63. Публику могли считать скоплением одержимых поклонников последней моды; в этом ключе написано, например, обращение Екатерины к «госпоже Публике» во «Всякой всячине» за 1769 год. См.: *Екатерина II.* Сочинения / Ред. А.Н. Пыпин. СПб., 1903. Т. 5. С. 281.

³⁰ Согласно одному исследованию, городское население России, хоть и оставалось сравнительно малочисленным, удвоилось между 1700 и 1800 годами. См.: *Hittle J. Michael.* The Service City: State and Townsmen in Russia, 1600—1800. Cambridge, Mass., 1979. P. 178. Г. Розман отмечает, что к 1800 году «процент городского населения России превосходил средний мировой уровень» и что Россия в эту эпоху «вошла в число немногих высокоразвитых и сравнительно урбанизированных стран» (*Rozman G.* Urban Networks. P. 8, 277).

³¹ *Im Hof Ulrich.* Das gesellige Jahrhundert: Gesellschaft und Gesellschaften im Zeitalter der Aufklärung. München, 1982.

³² См.: *Marker G.* Op. cit. P. 19.

³³ См.: *Ibid.* P. 76, 89—90, 105, 138.

³⁴ См.: *Ibid.* P. 71, 105.

³⁵ См.: *Ibid.* P. 138.

³⁶ См.: *Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. С. 76.

³⁷ См.: *Marker G.* Op. cit. P. 150—151, 178, 180—183, 233—236. См. также: *Мартынов И.Ф.* Книга в русской провинции 1760—1790-х гг.: зарождение провинциальной книготорговли // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 109—125; Зеркало света. 1786. Ч. I. № 1. 9 февраля 1786 г. Как свидетель-

ствуется помещенный в этом номере список подписчиков журнала, его получили более чем в тридцати провинциальных городах.

³⁸ См.: *Marker G.* Op. cit. P. 24, 230.

³⁹ Ibid. P. 202.

⁴⁰ См.: Ibid. P. 118—120, 201—206. Маркер упоминает даже о появлении в России XVIII столетия «литературы Граб-Стрита». Об аналогичных явлениях в английской культуре той же эпохи см.: *Brewer J.* The Pleasures of the Imagination: English Culture in the Eighteenth Century. New York, 1997. P. 192—194.

⁴¹ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 34.

⁴² См.: *Jones Gareth W.* Op. cit. P. 31, 48.

⁴³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 5. (1713—1719). № 3246. К сожалению, ассамблеи почти не привлекали внимание современных исследователей. Краткую характеристику их см. в кн.: *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 199—206. Мемуарные описания ассамблей см.: *Берхгольц Ф.В.* Дневник... 1721—1725. М., 1902—1903; *Вебер Х.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Кн. 1. С. 1057—1168; Кн. 2. С. 1334—1457, 1613—1704.

⁴⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 5. (1713—1719). № 3246.

⁴⁵ Кроме того, своего рода салон существовал в доме фаворита Алексея Михайловича Артамона Матвеева и его жены-англичанки. В этот дом съезжались гости обоего пола. См.: *Гуревич Л.* История русского театрального быта. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 10.

⁴⁶ Царский указ в семи пунктах перечислял то, что должны были совершать участники ассамблеи; эти пункты подлежали неукоснительному исполнению по силе указа до тех пор, пока не войдут в обычай.

⁴⁷ *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. С. 161—174.

⁴⁸ См.: Там же. С. 200—201.

⁴⁹ *Kollmann Nancy S.* The Seclusion of Elite Muscovite Women // Russian History. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 170, 174. Вопрос о месте женщины в русском обществе XVIII века затрагивает Виртшафтер в упоминавшейся выше очень важной работе. См.: *Wirtschaftler Elise K.* Op. cit. P. 13—19.

⁵⁰ См.: *Haumant Emile.* La culture française en Russie. 1700—1900. 2nd ed. Paris, 1913. P. 83.

⁵¹ См.: *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Л., 1990. С. 410.

⁵² См.: Там же. С. 168—173.

⁵³ См.: *Кулакова Л.И.* М.М. Херасков // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 321—322; *Западов А.В.* Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. Л., 1961. С. 9; *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 291—298.

⁵⁴ Цит. по: *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 304.

⁵⁵ См.: *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С. 205—206. В «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомостям» за 17 апреля 1780 года (с. 419) помещено объявление о маскараде, состоявшемся 22-го числа в доме Вольного экономического общества. Цена за вход составляла рубль с каждой пары гостей.

⁵⁶ *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 293—304.

⁵⁷ См.: Там же. С. 143—145; Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 16. 25 февраля. Прибавление. С. 201; см. также № 21. 13 марта. С. 258—259.

⁵⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 42. 26 мая. Прибавление. С. 565.

⁵⁹ Праздное время в пользу употребленное. 1759. Ч. 1. С. 365—366.

⁶⁰ *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 432—435.

⁶¹ См.: *Гуревич Л.* Указ. соч. С. 7—26; *Елеонская А.С.* Творческие взаимосвязи школьного и придворного театра в России // Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 7—14. Собственный театр был в 1713—1723 годах и у царицы Прасковьи Федоровны. Находился он в Измайлово.

⁶² См.: *Гуревич Л.* Указ. соч. С. 26—30; *Елеонская А.С.* Указ. соч. С. 7—11.

⁶³ См.: *Асеев Б.Н.* Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII в. М., 1977. С. 231—232.

⁶⁴ Прилично одетые русские и иностранные купцы с женами были допущены в театр указом Елизаветы от 15 июня 1751 года. См.: *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русский театр от истоков до середины XVIII в. М., 1977. С. 192.

⁶⁵ См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 162—163; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Указ. соч. С. 192, 221—228.

⁶⁶ См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 182; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* История русского драматического театра. Т. 1. От истоков до конца XVIII в. М., 1977. С. 265—267, 277—278.

⁶⁷ См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 162; *Майков Л.Н.* Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 310—313; *Varnecke B.V.* History of the Russian Theatre. New York, 1951. P. 110.

⁶⁸ См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 178—179; *Майков Л.Н.* Указ. соч. С. 315.

⁶⁹ Ср. сатирическое описание невежественных театралов у Лукина. См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 177—178.

⁷⁰ См.: *Ibid.* P. 175—178; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Указ. соч. С. 248, 266—267.

⁷¹ *Майков Л.Н.* Указ. соч. С. 315; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Указ. соч. С. 267—269.

⁷² История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1 С. 52, 172—174, 330.

⁷³ *Станюкович Т.В.* Кунсткамера петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 58, 68—73, 162—164, 198—199. Ср.: *Материалы для истории Академии наук.* СПб., 1885—1900. Т. 1—10.

⁷⁴ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л., 1964. Ч. 1. С. 44—45, 85—86, 117, 157.

⁷⁵ См.: *Зайцева А.А.* «Кабинеты для чтения» в Санкт-Петербурге конца XVIII — начала XIX в. // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 30; *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР. М., 1970. С. 43. Библиотеки существовали также при Академии художеств, академических гимназиях и при Горном училище. См.: *История Библиотеки Академии наук СССР.* Ч. 1. С. 128.

⁷⁶ См.: *Зайцева А.А.* Указ. соч. С. 30—37, 43—45.

⁷⁷ О московском обществе XVIII века см.: *Забелин И.Е.* Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // *Опыты изучения рус-*

ских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 351—506; *Он же*. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетия // Сб. Общества любителей российской словесности на 1891 г. М., 1891. С. 557—582.

⁷⁸ Действия Яновского не могли не вызвать нареканий со стороны других представителей духовенства. Семенова приводит язвительные замечания митрополита Киевского Сильвестра Холмского, относящиеся к 1731 году. См.: *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С. 204—205.

⁷⁹ См.: *Старикова Л.* Театральная жизнь старинной Москвы: эпоха, быт, нравы. М., 1988. С. 258—263.

⁸⁰ См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 168.

⁸¹ См.: *Пыляев М.И.* Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990. С. 40—41.

⁸² См.: *Lentin A.* Introduction // *Shcherbatov M.M.* On the Corruption of Morals in Russia, Cambridge, 1969. P. 40; *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартисты. М., 1867. С. 125.

⁸³ См.: Московские ведомости. 1756. № 11. 31 мая; № 16. 18 июня.

⁸⁴ Цит. по: *Старикова Л.* Указ. соч. С. 251.

⁸⁵ Цит. по: *Забелин И.Е.* Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия. С. 405.

⁸⁶ См.: *Tooke W.* History of Russia: From the Foundation of the Monarchy by Rurik to the Accession of Catherine the Second. Vol. 2. L., 1800. P. 430.

⁸⁷ См.: *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 125—130.

⁸⁸ См.: *Старикова Л.* Указ. соч. С. 252.

⁸⁹ См. противоречивые сведения о Мэддоксе: *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 391. Примеч. 23; *Tooke W.* Op. cit. P. 404; *Cross A.* By the Banks of the Neva: Chapters in the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997.

⁹⁰ См.: *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 326—327; *Tooke W.* Op. cit. P. 427—428.

⁹¹ См.: *Старикова Л.* Указ. соч. С. 266—268; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Указ. соч. С. 278—280. О ранней истории московского театра см. также: *Асеев Б.Н.* Указ. соч. С. 118—134; *Гуревич Л.* Указ. соч. С. 7—30.

⁹² См.: *Burgess M.* Op. cit. P. 182.

⁹³ См.: *Tooke W.* Op. cit. P. 404—406. Объявления о свободных ложах публиковались в «Московских ведомостях» (см.: *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 103). Премьеры в Петровском театре (как, например, представление «Женитьбы Фигаро» 15 января 1787 г.) вызывали всеобщий интерес; по свидетельству очевидца, в такие дни там «яблоку негде было упасть» (*Старикова Л.* Указ. соч. С. 268).

⁹⁴ *Благово Д.* Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений... СПб., 1885. С. 207.

⁹⁵ См.: *Brewer J.* Op. cit. P. 396—400.

⁹⁶ См.: *Tooke W.* Op. cit. P. 404—406, 451—452; *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 103—104; *Старикова Л.* Указ. соч. С. 251—252, 263, 266—278.

⁹⁷ См.: *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета... 1755—1855. М., 1998. С. 66—67, 568—569.

⁹⁸ *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 66—67.

⁹⁹ История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 60.

¹⁰⁰ См.: *Sanders J. Thomas. The Third Opponent: Dissertation Defenses and the Public Profile of Academic Life in Late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd. 41. H. 2. S. 245—246; Кизеветтер А.А. Московский университет (исторический очерк) // Московский университет. 1755—1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 43—44, 60—61.*

¹⁰¹ См.: *Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 15, 47—52; История Московского университета. Т. 1. С. 60.*

¹⁰² См.: *Московские ведомости. 1756. № 20. 2 июля. Прибавление. С. 30; История Московского университета. Т. 1. С. 65.*

¹⁰³ *Абрамов К.И. Указ. соч. С. 42—43; Marker G. Op. cit. P. 172. Первую русскую публичную библиотеку организовал московский типограф В.В. Киприанов в 1727 году. См.: Абрамов К.И. Указ. соч. С. 33—34. Absolutism and Ruling Class. P. 304.*

¹⁰⁴ Как пишет Ле Донн, «после 1762 г. для провинциальных жителей открылось две новых сферы деятельности: личное управление крепостными хозяйствами и социальные мероприятия, сопутствовавшие образованию гражданского общества внутри правящего класса» (*LeDonne J. Absolutism and Ruling Class. P. 304*).

¹⁰⁵ См.: *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 461.*

¹⁰⁶ См.: *LeDonne J. Absolutism and Ruling Class. P. 26—27; Романович-Славянский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Изд. 2-е. Киев, 1912. С. 437—454; Roosevelt P. Op. cit. P. 200.*

¹⁰⁷ См.: *Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 72—76; Всеволодский-Гернгросс В.Н. Указ. соч. С. 272—275.*

¹⁰⁸ *Всеволодский-Гернгросс В.Н. Указ. соч. С. 273—274; Varnecke V.V. Op. cit. P. 96—108; Лазарчук Р.М. Из истории провинциального театра (Вологодский публичный театр конца XVIII — начала XIX в.) // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 156—171; Она же. Из истории провинциального театра (Театральная жизнь Вологды 1780-х гг.) // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 52—69.*

¹⁰⁹ *Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русский театр от истоков до середины XVIII в. С. 218—219, 240—241.*

¹¹⁰ См.: *Freeze Gregory L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass., 1977. P. 102. См. в другом месте описания устроенных в Казанской гимназии публичного акта (1759) и публичного торжества (1760), включавшего спуск Меркурия по тонкому канату с вершины искусственной горы: Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 173 (май). С. 68—69, 74—76.*

¹¹¹ См.: *Абрамов К.И. Указ. соч. С. 42; История Библиотеки Академии наук СССР. С. 128; Marker G. Op. cit. P. 172.*

¹¹² См.: *Hans N. The Moscow School of Mathematics and Navigation, 1701 // Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 29. № 73. P. 532—536.*

¹¹³ *Пыляев М.И. Старый Петербург. С. 222—224. Непривычность этого явления обыгрывается в так называемом «раннем “Недоросле”», где глуповатая Улита путает «клуб» с «клопом».*

¹¹⁴ См.: *Пыляев М.И. Указ. соч. С. 226; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 1—82. СПб., 1890—1904. Т. 82. С. 947—948.*

¹¹⁵ Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 168, 304. Это общество могло быть тем или иным образом связано с Древнейшим и могущественнейшим орденом благодати и раздолья убогому (Most Ancient and Puissant Order of the Beggar's Benison and Merryland) — шотландским тайным объединением любителей групповой мастурбации, вуайеризма и порнографической литературы. Филиал ордена, возможно, был основан в Петербурге приезжими англичанами в екатерининскую эпоху. См.: Cross A. Op. cit. P. 34—36.

¹¹⁶ См.: Пыляев М.И. Указ. соч. С. 228—229.

¹¹⁷ Столетие Санкт-Петербургского английского собрания. 1770—1870. СПб., 1870. С. 1—2.

¹¹⁸ См. список членов собрания в приложении к кн.: Столетие Санкт-Петербургского английского собрания. Устав собрания не содержит пункта, запрещающего принимать женщин, однако за всю историю клуба ни одна женщина не была допущена в его ряды.

¹¹⁹ См.: Столетие Санкт-Петербургского английского собрания. С. 3—5, 8, 12; Пыляев М.И. Указ. соч. С. 226.

¹²⁰ См.: Столетие Санкт-Петербургского английского собрания. С. 13—14, 25—26.

¹²¹ См.: Там же. С. 3—4.

¹²² См.: Там же. С. 8.

¹²³ См.: Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 161; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 82. С. 947—948. Согласно сведениям Э. Кросса, московский Английский клуб был основан в 1782 году. См.: Cross A. Op. cit. P. 40—41.

¹²⁴ Некоторые источники называют основателем общества не князя А.Б. Долгорукого, а князя А.Б. Голицына. См.: Пыляев М.И. Старая Москва. С. 52; Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 159—160; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 82. С. 947—948; Tooke W. Op. cit. P. 448—451.

¹²⁵ Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 130. Ср.: История русской музыки. М., 1985. Т. 3. С. 404.

¹²⁶ Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 304. Ср.: Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. 1700—1863. СПб., 1892. С. 49.

¹²⁷ Н.Б. Значение фран-масонства для флота // Море. 1907. № 11—12. С. 315.

¹²⁸ См.: Законы установленного в 1792 года сентября в 1 день в губернском городе Ревеле Клуба Согласия. СПб., 1792. В этой брошюре содержится устав клуба, состоявшего из людей военного, гражданского, ученого и купеческого сословий. Членами клуба могли быть только добронравные мужчины, и только высоконравственные женщины могли допускаться на его открытые банкеты — см.: С. 3—5, 15, 23—24.

¹²⁹ Цит. по: Donnert E. Anfänge der Petersburger Freien Ökonomischen Gesellschaft // Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharinas der II. Berlin, 1976. S. 140. О Вольном экономическом обществе см., кроме того: Ходнев А.И. История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865; Абрамов К.И. Указ. соч. С. 43.

¹³⁰ Об обществах, созданных по инициативе Екатерины и Новикова, см.: Jones W.Gareth. Op. cit. P. 82—95; Баренбаум И.Е. История книги. 2-е изд. М.,

1984. С. 57. О других обществах см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 56. С. 286; Чулков Н. Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 456—458; Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева // Радишев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 212—289. Ср. также составленный И. Ф. Богдановичем в начале 1790-х годов детальный план Общества русских писателей: Библиографические записки. 1861. Т. 3. № 7. С. 194—199.

¹³¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855. С. 588—589. См. также: Берков П. Н. Указ. соч. С. 365; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 207—208. Среди прочих студенческих кружков назовем Собрание воспитанников университетского благородного пансиона, основанное в 1799 году. См. о нем: Сушков Н. В. Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе. М., 1848. С. 12—13, 64—73.

¹³² Дружеское Ученое Общество с достолюбезным высокопочитанием приглашает сим и просит именнейших любителей наук и покровителей учености удостоить своим присутствием торжественное его открытие, имеющее быть в доме его высокородия, Петра Алексея Татищева, ноября 6 дня, 1782 года. М., 1782. С. 7. Эта редчайшая брошюра воспроизведена в кн.: Лонгинов М. Н. Указ. соч. С. 4—9.

¹³³ См. о Дружеском ученом обществе: *Krasnobaev B. I.* Eine Gesellschaft Gelehrter Freunde am Ende des 18. Jahrhunderts: 'Druzheskoe uchenoe obshchestvo' // *Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs* / Hrsg. Éva H. Balázs, Ludwig Hammermayer, Hans Wagner, and Jerzy Wojtowicz. Berlin, 1979. S. 257—270.

¹³⁴ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 37. С. 28; История Московского университета. Т. 1. С. 65—66.

¹³⁵ Тучков С. А. Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996. С. 184.

¹³⁶ О взаимоотношениях Шварца с его коллегами см.: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 47—51.

¹³⁷ См.: Там же. С. 51—52; *Шевырев С. П.* Указ. соч. С. 253—254; История Московского университета. Т. 1. С. 65—66. Бумаги Общества см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 17. Д. 49. Л. 1—10 об.

¹³⁸ См.: *Marker G.* Op. cit. P. 146—147; *Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804. СПб., 1888. С. 172—181. Такие же литературные кружки существовали в Ярославле, Тобольске и Николаеве. См.: *Marker G.* Op. cit. P. 143—149. Интересно, что обычай брать себе условные имена был распространен и в европейских кружках такого типа; так поступали и члены *Easy Club* в Шотландии — см.: *Becker Marvin B.* The Emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the History of England, Scotland, and France. Bloomington, Ind., 1994. P. 70.

¹³⁹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 82. С. 947—948; *Федоровская Л. А.* «Азбук мусийского пения» из книг Александра Фомина // Книга в России. XVI — середина XIX в. Л., 1987. С. 180—181; *Степанский А. Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 7.

¹⁴⁰ См.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург. С. 226—228, 286.

¹⁴¹ См.: Там же. С. 436.

¹⁴² Грот, дед известного ученого, до этого служил в Кенигсберге при генерале Н.А. Корфе и вместе с ним прибыл в Петербург еще до 1762 года. Больше всего он известен своими напечатанными проповедями и работами по истории неправославных конфессий в России. См.: *Грот Я.К.* Заметка о пасторе Гроде // Сб. ОРЯС. 1868. Т. 5. С. 289—292.

¹⁴³ *Грот И.Х.* Учреждение основанного в Санкт-Петербурге на смертные случаи общества. СПб., 1780. С. 1—2. Курсив автора. В этой брошюре содержится устав общества и список его членов. Впервые она была издана по-немецки, затем выходила по-русски, по-немецки и по-французски.

¹⁴⁴ См.: Там же. С. 3—18.

¹⁴⁵ См.: Там же. С. 6

¹⁴⁶ См.: Там же. С. 15—40.

¹⁴⁷ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 72. 8 сентября. Прибавление. С. 913—914; № 76. 22 сентября. Прибавление. С. 951.

¹⁴⁸ См.: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М., 2000. Т. 1. С. 350.

¹⁴⁹ Ср.: *Grudzinska Gross I.* The Scar of Revolution: Custine, Tocqueville, and the Romantic Imagination. Berkeley, Los Angeles, 1991. P. 20, 41, 48, 58, 92—93.

¹⁵⁰ См., напр., работу: *Becker Marvin B.* The Emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the History of England, Scotland, and France. Bloomington, Ind., 1994., — где, несмотря на заглавие книги, рассматриваются идеологические и интеллектуальные процессы, сопровождавшие формирование гражданского общества в Европе.

¹⁵¹ См.: *Ibid.* P. 69; *Dülmen Richard van.* Die Gesellschaft der Aufklärer: Zur bürgerlichen Emanzipation und aufklärerischen Kultur in Deutschland. Frankfurt a. M., 1986. S. 150—152; *Roche D.* Literarische und geheime Gesellschaftsbildung im vorrevolutionären Frankreich: Akademien und Logen // *Lesegesellschaften und bürgerlichen Emanzipation: Ein europäischer Vergleich* / Hrsg. Otto Dann. München, 1981. S. 182.

¹⁵² См.: *Seligman Adam B.* The Idea of Civil Society. New York, 1992. P. 187.

¹⁵³ См.: *LeDonne J.* Absolutism and Ruling Class. P. ix; *Ransel David L.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven, 1975. P. 1; *Roosevelt P.* Op. cit. P. 135; *Wirtschaftler E.K.* Op. cit. P. 42, 169.

¹⁵⁴ *Wirtschaftler E.K.* Op. cit. P. 97—99.

¹⁵⁵ *Seligman Adam B.* Op. cit. P. 3.

¹⁵⁶ См., в частности: *Between Tsar and People* / Ed. Clowes, Kassow, and West. Об истории понятия «гражданское общество» см.: *Keane J.* Despotism and Democracy: The Origins and Development of the Distinction Between Civil Society and the State. 1750—1850 // *Civil Society and the State: New European Perspectives* / Ed. John Keane. London, 1988. Довольно значима и упоминавшаяся выше работа *Adam B. Seligman.*

¹⁵⁷ Существует несколько точек зрения на вопрос о месте женщин в европейском обществе XVIII века. Крайнюю из них см. в работах: *Landes Joan B.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca, N.Y., 1988; *Goodman D.* The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment. Ithaca, N.Y., 1994; *Hull I.* Sexuality, State, and Civil Society. Другие исследователи предлагают менее линейную концепцию публичной сферы,

открытой для участия женщин. См., напр.: *Baker K. Defining the Public Sphere in 18th-century France: Variations on a Theme by Habermas // Habermas and the Public Sphere. P. 201—207; Jacob Margaret C. The Mental Landscape of the Public Sphere: A European Perspective // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28. № 1. P. 95—113; Klein Lawrence E. Gender and the Public/Private Distinction in the Eighteenth Century: Some Questions about Evidence and Analytic Procedure // Eighteenth-Century Studies. 1995. Vol. 29. № 1. P. 97—109. См. также замечательную рецензию Дж. Ван Хорна Мелтона на книгу Халл (*American Historical Review. 1997. Vol. 102. № 5. P. 1509—1510*).*

¹⁵⁸ Dictionary of Russian Women Writers / Ed. Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, and Mary Zirin. Westport, Conn., 1994, «Kheraskova, Elizaveta Vasil'evna»; «Kniazhnina, Ekaterina Aleksandrovna»; «Sushkova, Mar'ia Vasil'evna»; «Urusova, Ekaterina Sergeevna». О Храповицкой-Сушковой, печатавшейся во «Всякой всячине», «Трутне» и «Вечерах», см.: *Берков П.Н. Указ. соч. С. 228, 257, 292, 297.*

¹⁵⁹ О взглядах ведущих русских писателей-мужчин на «женский вопрос» см.: *Andrew Joe. Women in Russian Literature. 1780—1863. New York, 1988. О Сви-стунове см.: Шамрай Д.Д. Об издателях первого частного русского журнала. По материалам архива кадетского корпуса // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 379—381, 383—384. Право женщин на равенство с мужчинами и на участие в обществе отстаивается в «Рассуждении о приятностях сообщества» (Ежемесячные сочинения. 1756. Ч. 1. С. 153—179).*

¹⁶⁰ Сведения об этих масонах почерпнуты из книги А.И. Серкова; о взаимоотношениях Английского клуба и петербургских лож см. там же.

ГЛАВА 3

¹ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 60.

² ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 2 об., 5—5 об., 6 об.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же. Ф. III. 111. Л. 16.

⁵ ОР РГБ. Ф. 147. № 123 (М. 1999а). Л. 10—10 об.; ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 4.

⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 111. Л. 32.

⁷ Там же. Ф. III. 110. Л. 7.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 206. Л. 2 об.; *Иванин Н.С. К истории масонства в России // Русская старина. 1882. Т. 36. № 10. С. 72—73; ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 5, 11.*

⁹ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 13—13 об., 14.

¹⁰ Там же. Л. 7 об. — 8.

¹¹ Там же. Ф. III. 111. Л. 24.

¹² Магазин свободно-каменьщикской. 1784. Т. 1. Ч. 1. С. 46, 48—49.

¹³ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 2. Хотя в данном случае мы опираемся на установления ложи Восходящего солнца, принадлежавшей шведской системе, аналогичные правила существовали в ложах английской, или елагинской, си-

стемы. См.: *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 12.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 16. Л. 20 об.

¹⁵ ОР РНБ. Титовское собрание. 4419. Л. 26 об.

¹⁶ Речь втораынадесять, о любви братской. Говоренная в некотором христианском обществе в Англии // Московское ежемесечное издание. 1781. Ч. 3. С. 154.

¹⁷ L'Adoption ou la maçonnerie des femmes en trois grades n.p., 1775. P. 61. Цит. по: *Burke J. M., Jacob M. C.* French Freemasonry, Women, and Feminist Scholarship // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. September. P. 536.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111. Л. 10 об., 11 об.

¹⁹ *Иванин Н.С.* Указ. соч. С. 69; ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111. Л. 15 об.—16; F.III.110. Л. 5.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.159. Л. 2 об.

²¹ О масонстве как семиотической системе и о масонском языке см.: *Jacob Margaret C.* Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe. Oxford, 1991. P. 143—161; *Roberts Marie M.* Masonics, Metaphor and Misogyny: A Discourse of Marginality? // *Languages and Jargons: Contributions to a Social History of Language* / Ed. Peter Burke and Roy Porter. Cambridge, 1995. P. 133—154. См. также работу о русской масонской литературе, затрагивающую, в частности, вопрос о масонской семиотике «тайнства»: *Baehr Stephen L.* Paradise Within: The Masonic Component of the Paradise Myth // *Idem.* The Paradise Myth in 18th-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian literature and Culture Stanford, 1991.

²² ОР РГБ. Ф. 14. № 2. Л. 26—28.

²³ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.129. Л. 5 об., 8.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 14. № 2. Л. 28 об.

²⁵ ЦХИДК. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 5300. Л. 10.

²⁶ Отдел рукописей и редких книг Библиотеки РАН (ОРРК БРАН). № 17.16.37. Л. 121—121 об. О масонских песнях см. содержательную работу: *Позднеев А.В.* Ранние масонские песни // *Scando-Slavica*. 1962. Vol. 8. С. 26—64.

²⁷ *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр. Н.К. Гарбовского. М., 1994. С. 115. См. классическую работу о переходных обрядах: *Gennep Arnold van.* The Rites of Passage. Chicago, 1960. [См. перевод — *Геннеп Арнольд ван.* Обряды перехода / Пер. с фр. Ю. Ивановой, Л. Покровской. М., 2002. — *Примеч. ред.*]

²⁸ *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пг., 1915. С. 234; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 69, примеч. 3.

²⁹ См.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 772.

³⁰ Нижеследующий рассказ основан на бумагах ложи Восходящего солнца (ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111). Ср. опубликованное описание масонского посвятельного обряда: *Из бумаг митрополита Московского Платона. М., 1882. С. 1—27.* См. также: *Соколовская Т.* Обрядность вольных каменщиков // *Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2. С. 86—95.*

³¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q.III.129. Л. 5.

³² Там же. F.III.111. Л. 4 об.

³³ Там же. Ф. III. 110. Л. 7 об.; ОР РК БРАН. № 17.16.37. Л. 121 об.

³⁴ См.: *Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History.* New Haven, 1995.

³⁵ РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Ед.хр. 255. Л. 146. В посвятельном обряде ученической степени эти градации именуется так: «камень дикий», «кубический камень», «чертежная доска» (ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 111. Л. 16 об.—17). Т. Соколовская так истолковывает эти символы: «Дикий камень это — грубая нравственность, хаос; кубический камень — нравственность “обработанная”; чертежная доска — планомерность работы, власть доброго примера» (*Соколовская Т. Указ. соч. С. 98*).

³⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 113. Л. 5 об.

³⁷ Там же. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 14 об.

³⁸ Там же. Л. 2 об., 8 об.—9, 10 об.—11; ср.: *Иванин Н.С. Указ. соч. С. 70*.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 112. Л. 4 об.

⁴⁰ Там же. Ф. III. 113. Л. 5 об., 18 об.

⁴¹ Там же. Ф. III. 111. Л. 31 об.; ср.: *Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 47*.

⁴² См.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 80.

⁴³ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 110. Л. 15.

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 14. № 2. Л. 51—52. В этом собрании масонских законоположений содержится отдельная инструкция из 12 пунктов, определяющая правила обращения с посетителями.

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 14. № 2. Л. 51 об.—52; ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 48. Л. 1.

⁴⁶ См.: *Соколовская Т. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. С. 52—79; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 13—79; Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 103—135, 151—169, 218—262. Исследователи русского масонства были зачастую загипнотизированы масонской риторикой и пытались, вслед за своими героями, отличить «истинное» масонство от «ложного», вместо того чтобы объективно проанализировать расхождения между различными группами внутри ордена. Так, Соколовская пишет, что русские вольные каменщики хотели «вернуть масонству исконную чистоту и простоту» и сохранить «в наибольшей чистоте вольнокаменщическое учение» (*Соколовская Т. Там же. С. 78*).*

⁴⁷ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 4.

⁴⁸ См.: *Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 19*.

⁴⁹ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 61 об.; *Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 18. Примеч. 8. Приводимая Вернадским дата этого происхождения (19 ноября 1774 г.) расходится с указанной в документах.*

⁵⁰ Рейхель, немецкий уроженец, до приезда в Россию служил при дворе принца Брауншвейгского; в 1771—1778 годах он возглавлял Сухопутный кадетский шляхетный корпус.

⁵¹ См.: *Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 32—35; Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 607*.

⁵² Об истории взаимоотношений двух этих систем см.: *Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 19, 32—36; Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 119—135. Отношения Урании с Рейхелевыми братьями отражены в бумагах: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 4 об., 5 об., 11, 21 об., 57—57 об., 80 об.*

⁵³ *Иванин Н.С. Указ. соч. С. 71*.

⁵⁴ Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 118—119.

⁵⁵ В системе строгого наблюдения андреевское масонство соответствовало четвертой степени — «шотландскому градусу». В шведской и Циннендорфовой системах оно соответствовало четвертой и пятой степеням. Братья четвертой степени могли иметь три звания — избранного мастера (Elect Master), ученика и товарища Св. Андрея (Apprentice and Fellow Craft of St. Andrew) и шотландского ученика и товарища (Scotch Apprentice and Fellow Craft). Масон пятой степени именовался шотландским мастером, андреевским мастером или великим шотландским мастером (Grand Scottish Elect). См.: *Macoy R. A Dictionary of Freemasonry*. New York, 1989. P. 83—84, 318—320, 359—362, 366, 396.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 147. № 123 (М. 1999а). Л. 5—5 об.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 5 об.—6 об.

⁵⁹ Точно так же в Елагинском союзе присуждалась степень Роял Арч (Royal Arch), в которую были посвящены всего 79 братьев.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 550. О. III. 44. Л. 3—3 об.

⁶¹ Там же. Л. 9—9 об., 13—15, 21 об., 27.

⁶² О Теоретическом градусе см.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 65—73; *Соколовская Т.* Масонские системы. С. 72—75. В Германии Теоретический градус обладал меньшей организационной самостоятельностью и входил в общую структуру розенкрейцерского ордена. О немецких розенкрейцерах см.: *McIntosh C.* The Rose Cross and the Age of Reason: Eighteenth-Century Rosicrucianism in Central Europe and Its Relationship to the Enlightenment. Leiden, 1992. Достоянна внимания и следующая работа: *Steiner G.* Freimaurer und Rosenkreuzer // *Georg Forsters Weg durch Geheimbünde*. Berlin, 1985.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 147. № 100. (М. 1977). Л. 15.

⁶⁴ Там же. Л. 3.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 47. Л. 77 об., 80—81.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 147. № 100. (М. 1977). Л. 18.

⁶⁷ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 70.

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. III. 47. Л. 45.

⁶⁹ Там же. Ф. III. 48. Л. 19—19 об., 46 об., 118.

⁷⁰ Там же. Ф. III. 47. Л. 97.

⁷¹ См. о розенкрейцерах: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 65—79; *Соколовская Т.* Указ. соч. С. 71—74.

⁷² См.: *Steiner G.* Op. cit. S. 94; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 65—73; *Соколовская Т.* Указ. соч. С. 72; ОР РГБ. Ф. 147. № 294. (М. 2168.2). Л. 29.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 147. № 294 (М. 2168.2). Л. 29, 35, 57.

⁷⁴ Там же. Л. 38 об.—39.

⁷⁵ Там же. (М. 2168.1). Л. 1—4.

⁷⁶ Книга Репнина была написана и опубликована по-французски: *Les Fruits de la grace [sic], ou Opuscules spirituels de deux amateurs de la Sagesse*. Б. м., 1790. Вернадский указывает другое издание этой книги, вышедшее под измененным заглавием. См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 261—262. Мы цитируем приложение к первому изданию, озаглавленное «*Quelques avis historiques sur les F. M.*» (С. 98—100). Неизвестно, принадлежит ли этот текст также перу Репнина.

⁷⁷ Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 609—611, 627. Вернадский перечисляет около шестидесяти русских розенкрейцеров. См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 272—280.

⁷⁸ Большинство исследователей видело в новиковской характеристике английских лож вполне адекватное описание всего раннего русского масонства. См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 20—21.

⁷⁹ Augustine Wilson R. Notes Toward a Portrait of the Eighteenth-Century Russian Nobility // Canadian Slavic Studies. Vol. 4. 1970. № 3. P. 375—376; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Russian Nobility. New York, 1966. P. 111—112, 118; *Idem*. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. New York, 1984. P. 41; Wirtschafter Elise K. Structures of Society: Imperial Russia's «People of Various Ranks». DeKalb, Ill., 1994. P. 74—76. [См. перевод: Виртшафтер Э. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. С. 55—56. — Примеч. ред.]

⁸⁰ Княжнин Я.Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 318.

⁸¹ См.: Шмидт С.О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI — первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Т. 34. № 1—2. P. 11—32. Ср.: Княжнин Я.Б. Послание к российским питомцам свободных художеств // Княжнин Я.Б. Избранное. М., 1991. С. 332—334.

⁸² Болотов А.Т. Жизнь и приключения... Т. 3. СПб., 1872. Стлб. 933.

⁸³ Raeff M. Origins of Russian Intelligentsia. P. 161.

⁸⁴ Такое объяснение базового принципа масонской деятельности свойственно не только русской историографической традиции. См., напр., влиятельную работу: Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, Mass., 1988. Этот взгляд восходит в конечном счете к Канту. См.: Kant I. On the Common Saying: «This May be True in Theory, but it does not Apply in Practice» // Kant's Political Writings / Ed. Hans Reiss, trans. Н.В. Nisbet. Cambridge, 1970. P. 85—86. [См. перевод — Кант И. О поговорке «может быть это верно в теории, но не годится для практики» // Сочинения. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 59—105. — Примеч. ред.]

⁸⁵ Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М., 1916. С. 180; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 5—9. Боголюбов справедливо указывает, что утверждения И.В. Бибера об опасностях, грозивших масонам в царствование Елизаветы, несколько преувеличены. Образчики сведений о деятельности ордена, поступавших в тайную полицию при Елизавете, см.: Летописи русской древности. 1862. Т. IV. Отд. III. С. 49—52. Недавнее исследование по истории русского масонства предоставляет лишние доказательства терпимости правительства Елизаветы к вольным каменщикам. См.: Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 33.

⁸⁶ См.: Friedrichs E. Geschichte der einstigen Maurerei in Rußland. Berlin, 1904. S. 18; Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 101, 110. Примеч. 61; Пекарский П. Указ. соч. С. 3—4; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 9—10, 56. На этом вечере присутствовал молодой масон А.Я. Ильин. См.: ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. О.87. Л. 231 об.

⁸⁷ Лопухин И.В. Записки... М., 1990. С. 57.

⁸⁸ Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 110; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 47, 227. Вернадский утверждает, что Лопухин посещал ложу Гагарина дважды. Екатерина с особенной враждебностью всегда относилась к шведским ложам. Пос-

ле визитов Лопухина она, по всей видимости, приказала их закрыть; когда через несколько лет эти ложи были восстановлены, Екатерина снова запретила их. См.: *Иванин Н.С.* Указ. соч. С. 542—543.

⁸⁹ *Reinbeck G.* Travels from St. Petersburg through Moscow, Grodno, Warsaw, Breslaw, etc. to Germany, in the Year 1805 // A Collection of Modern and Contemporary Voyages and Travels / Ed. Richard Phillips. Vol. 6. L., 1807. P. 127—130.

⁹⁰ См.: *Friedrichs E.* Op. cit. S. 64—65. К сожалению, Фридрихс не сообщает имен друзей Бебера. Отметим, что это тот самый Бебер, свидетельство которого о преследованиях масонов при Елизавете мы разбирали выше, в примеч. 85. Его рассказ о Гренете, таким образом, не следует безоговорочно принимать на веру.

⁹¹ См.: *Лонгинов М.Н.* Указ. соч. С. 246; *Новиков Н.И.* Указ. соч. С. 658—659.

⁹² См.: *Иванин Н.С.* Указ. соч. // Русская старина. 1882. Т. 35. С. 542; *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 36—37.

⁹³ См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 64.

⁹⁴ Так и Болотов пишет, что Новиков неоднократно пытался завербовать его в орден. См.: *Болотов А.Т.* Указ. соч. Стлб. 931—935, 1134. Серков указывает, что Болотов вступил в орден за границей. См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 128. Примечательны также воспоминания известного дипломата и масона де Корберона: *Corberon Marie Daniel Bourree, baron de.* Un diplomate français à la cour de Catherine II. 1775—1780: Journal intime / Ed. L.H. Lablande. Paris, 1901. Т. 1. P. 106—108, 161; Т. 2. P. 3—4, 139, 175, 395—396.

⁹⁵ Все трое входили в ложу Равенства, основанную в сентябре 1774 года и в 1775 году собиравшуюся в доме князя М.М. Щербатова в Красном селе под Москвой. См.: ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Ч. 2. Ед.хр. О.87. Л. 72; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 953.

⁹⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. О.87. Л. 22, 70, 72—72 об.

⁹⁷ См.: Там же. Л. 72 об.

⁹⁸ Там же. Л. 164, 172 об.—173, 227—227 об., 247. См. также: *Савва И.В.* Из дневника масона 1775—1776 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1908. Т. 4. С. 10—15. В рукописи Ильина две пагинации. При цитировании дневника мы используем иную пагинацию, чем И.В. Савва, поскольку она представляется более точной.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Ч. 2. Ед.хр. О.87. Л. 172, 209—209 об.

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.110. Л. 8 об.

¹⁰¹ О механизме такой сакрализации см.: *Genep A. van.* Op. cit. P. 168.

¹⁰² *Goffman E.* The Presentation of the Self in Everyday Life. New York, 1959. P. 142. [См. перевод — *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. — *Примеч. ред.*] Сходное наблюдение сделал задолго до Гофмана Георг Зиммель: «Отъединенность тайного общества имеет аксиологическое значение; его образуют не затем, чтобы преследовать особые цели, а чтобы показать всем остальным свое превосходство». См.: *Simmel G.* The Sociology of Georg Simmel / Ed. and trans. Kurt H. Wolff. Glencoe, Ill., 1950. P. 364. См. также замечательную работу: *Hardtwig W.* Eliteanspruch und Geheimnis in den Geheimgesellschaften des 18. Jahrhunderts // Aufklärung und Geheimgesellschaften: Zur politischen Funktion und Sozialstruktur der Freimaurerlogen im 18. Jahrhundert / Ed. Helmut Reinalter. München, 1989. S. 63-86.

¹⁰³ Зиммель указывает, что привлекательность «тайного» не зависит от того, что, собственно, скрывается; скорее «подчеркнутое исключение посторонних существенно усиливает чувство обладания» (*Simmel G.* Op. cit. P. 332).

¹⁰⁴ *Лопухин И.В.* Указ. соч. С. 23.

¹⁰⁵ См.: *Simmel G.* Op. cit. P. 349—350.

¹⁰⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 550. О. III. 32. Л. 1.

¹⁰⁷ Там же. F. III. 111. Л. 15 об.—16.

¹⁰⁸ *Mullan J.* *Sentiment and Sociability: The Language of Feeling in the Eighteenth Century.* New York, 1988. P. 124.

¹⁰⁹ См.: *Тучков С.А.* Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996. С. 173—174.

¹¹⁰ См.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 275.

¹¹¹ См.: ОР РНБ. Ф. 550. F. III. 112. Л. 4.

¹¹² Там же. F. III. 113. Л. 4—4 об.

¹¹³ ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. О. 87. Л. 85—85 об.; См.: *Савва И.В.* Указ. соч. С. 2. Этот Триаковский был сыном известного поэта и теоретика литературы.

¹¹⁴ См.: ОР РНБ. Ф. 550. F. III. 110. Л. 10 об.

¹¹⁵ *Corberon, baron de.* Op. cit. T. 1. P. 107.

¹¹⁶ *Вегелин И.Ф.* Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 1033—1034.

¹¹⁷ ОР РНБ. Ф. 550. F. III. 111. Л. 25; F. III. 112. Л. 12.

¹¹⁸ См.: Там же. F. III. 113. Л. 10 об.—13. Описание мастерского посвятельного обряда и изложение истории Пирама Абифа (или Адонирама) см.: *Сokolovskaya T.* Обрядность вольных каменщиков. С. 99—103. См. также: *Curl James S.* *The Art and Architecture of Freemasonry.* London, 1991. P. 32—34.

¹¹⁹ ОР РНБ. Ф. 550. F. III. 113. Л. 18 об. Получив фартук, масон товарищеской степени узнавал, что о значении трех белых роз ему сообщат только тогда, когда его сочтут достойным, — иными словами, после посвящения в мастерскую степень. См.: Там же. F. III. 112. Л. 4 об.

¹²⁰ Там же. F. III. 111. Л. 25; F. III. 112. Л. 12 об.; F. III. 113. Л. 19 об. «Три предверия», по всей видимости, соответствуют трем воротам, которые вели из Двора язычников во Двор Детей Израилевых, а оттуда во Двор жрецов, где начиналась двенадцатиступенчатая лестница, поднимавшаяся к храмовому крыльцу. В большинстве масонских текстов храм делился на три части — крыльцо, святилище и святая святых. Хотя эта схема варьируется и трем степеням каменщиков могли отводиться разные помещения, неизменно братья высшей степени помещались в самое средоточие храма. О функционировании мифологии храма в масонских преданиях см.: *Curl James S.* Op. cit. P. 80—104.

¹²¹ *Mackey Albert G.* *An Encyclopedia of Freemasonry.* Philadelphia, 1874. P. 154; *Masoy R.* Op. cit. P. 105—106.

¹²² См.: ОР РНБ. Ф. 550. F. III. 113. Л. 17.

¹²³ ОР РГБ. Ф. 147. № 90 (М. 1967). Л. 15.

¹²⁴ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 29.

¹²⁵ ОР РНБ. Ф. 550. О. III. 44. Л. 28 об.

¹²⁶ ОР РГБ. Ф. 147. № 123 (М. 1999в). Л. 3. Этот документ находится в одной из трех красных тетрадей, имеющих номера 1999а, 1999б, 1999в и содержащих официальные бумаги шотландской ложи, работавшей в конце 1780-х годов под руководством Великого мастера Иосифа Поздеева.

¹²⁷ Там же. (М. 1999а). Л. 8.

¹²⁸ Герунг И.Ф. Должности братьев З. Р. К. древняя системы / Говоренные Хризофионом в собраниях юниоратских. С присовокуплением некоторых речей других братьев. М., 1784. С. 94—95. Эта книга была первоначально написана Герунгом по-немецки в качестве возражения на антирозенкрейцерское сочинение барона фон Книгге (*Knigge F. von. Über Jesuiten, Freymaurer und deutsche Rosencreutzer*. 1781). См.: Steiner G. Op. cit. S. 96—97.

¹²⁹ См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 56—57.

¹³⁰ См.: Там же. С. 41—44. Высокопоставленный шведский масон писал Куракину в собраниях юниоратских Капитула рядовые братья «ничего не знают и не должны знать». Г.П. Гагарин, стоявший во главе этого Капитула, клялся сообщать о его существовании «лишь надежнейшим приверженцам нововведенной системы, избранным, просветленным братьям».

¹³¹ См.: Иванов Н.С. Указ соч. С. 539; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 58—64.

¹³² Барсков Я.Л. Указ. соч. С. 260; Ср.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 51—53; Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 147. Переходя в розенкрейцерские степени, теоретические братья меняли свои условные имена; так, Новиков стал «Коловионом» из «ед. аб. апсога». См.: Ryu In-Ho L. Moscow Freemasons and the Rosicrucian Order: A Study in Organization and Control // *The Eighteenth Century in Russia* / Ed. J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 220.

¹³³ См.: Stevenson D. *The Origins of Freemasonry: Scotland's Century, 1590—1710*. Cambridge, 1988. P. 96—105; Yates Frances A. *The Rosicrucian Enlightenment*. London, 1972.

¹³⁴ Corberon, baron de. Op. cit. T. 2. P. 3—4, 139, 175.

¹³⁵ См.: ОР РГБ. Ф. 147. № 100. (М. 1977). Л. 3—4.

¹³⁶ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.47. Л. 158—159. Эти настроения разделял и Вегелин. См.: Вегелин И.Ф. Указ. соч. С. 1037—1038.

¹³⁷ ЦХИДК. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 5300. Л. 12. В этом деле содержатся многочисленные письма, полученные Куракиным в Стокгольме в 1777—1779 годах и освещающие историю введения шведского масонства в Россию. Письмо Куракина, кроме прочего, позволяет заключить, что Елагин отказался от предложенной ему высокой должности не из страха прогневать Екатерину (как считает Вернадский), а из опасения оказаться пешкой в чужих руках. См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 40.

¹³⁸ Массон Ш. Секретные записки о России... М., 1996. С. 73—74. См. также: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX в. СПб., 1994. С. 101.

¹³⁹ См.: Simmel G. Op. cit. P. 360.

¹⁴⁰ О символических значениях «всевидающего ока» см.: Mackey A. Op. cit. P. 57.

¹⁴¹ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.47. Л. 159.

¹⁴² См.: Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 160, 199.

¹⁴³ Ryu In-Ho L. Op. cit. P. 218—221; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 76.

¹⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 147. № 294. (М. 2168.2). Л. 27—28. Употребленное нами слово «собрания» примерно передает значение использованного в рукописи символа «ООГи».

¹⁴⁵ *Simmel G.* Op. cit. P. 372.

¹⁴⁶ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 76—77.

¹⁴⁷ См., напр., крайне показательные отрывки из масонской песни «Остави свой чертог»: *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 55.

¹⁴⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111. Л. 12 об.—13 об.

¹⁴⁹ О «внутреннем человеке» см.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 137—148. См. также тексты речей, произнесенных в ложе в Орле: ОР РНБ. Ф. 550. F.III.47. Л. 36 об.—47; F.III.48. Л. 103—106.

¹⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 550. O.III.123; O.III.124; O.III.159; O.III.160. Несколько речей Гамалеи, произнесенных в ложе Девкалиона, были опубликованы в «Магазине свободно-каменьщическом». См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 257—258.

¹⁵¹ ОР РГБ. Ф. 147. № 294. (М. 2168.2). Л. 40, 57 об.

¹⁵² ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111. Л. 11 об.

¹⁵³ Там же. F.III.110. Л. 5 об.

¹⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 147. № 100. (М. 1977). Л. 3; № 294. (М. 2168.2). Л. 35.

¹⁵⁵ *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 214. О положении Фердинанда в ордена см.: *Hammermayer L.* Der Wilhelmsbader Freimaurer-Konvent von 1782 // *Wolfenbütteler Studien zur Aufklärung.* Bd. 5/2. Heidelberg, 1980.

¹⁵⁶ *Ешевский С.В.* Указ. соч.

¹⁵⁷ См. об этих событиях: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 51—54.

¹⁵⁸ *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. 238—239. В письмах Трубецкого реализуется и другое значение символической оппозиции «внешнее — внутреннее», соответствовавшей в масонских текстах различию между сутью ордена (т.е. его тайным учением) и его внешней организационной структурой.

¹⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 147. № 295. (М. 2169). Л. 41.

¹⁶⁰ Интересно в этой связи, что иоанновские степени обычно обозначались как «символические». См.: *Mackey A.* Op. cit. P. 782—783.

¹⁶¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q.III.129. Л. 2—4 об.

¹⁶² Там же. Q.III.153. Л. 52 об. Мы воспроизводим только часть этой схемы, но в точности сохраняем границы и порядок расположения всех ячеек. Каждая вертикальная разделительная линия обозначает очередной рубеж масонской секретности.

¹⁶³ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111. Л. 11—11 об.

¹⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 550. F.III.111. Л. 10 об.

¹⁶⁵ *Вегелин И.Ф.* Указ. соч. С. 1033.

¹⁶⁶ О Мелиссино см.: *Ryu In-Ho L.* Op. cit. P. 202, п. 8. О московских масонах см.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 126—130. Значительное количество их «тайнств» содержится в официальных бумагах Теоретического градуса. См.: ОР РГБ. Ф. 147. № 100. (М. 1977). Л. 38—110.

¹⁶⁷ См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 133—337. Более подробное описание елагинского собрания мистических сочинений см.: *Пекарский П.* Указ. соч. С. 51—59, 92—115. В ложах системы Мелиссино и московских масонов все

тайнства предназначались только для глаз избранных братьев; точно так же книгу Елагина могли прочесть только члены капитула Второго Елагина союза.

¹⁶⁸ См.: *Corberon, baron de*. Op. cit. P. Ixiv—Ixv; *Darnton Robert*. *Mesmerism and the End of the Enlightenment in France*. Cambridge, Mass., 1968. О связях Корберона с месмеризмом см.: Там же. С. 76—77, 116, 180—182. См. также: *Berlin Isaiah*. *The Magus of the North: J.G. Hamann and the Origins of Modern Irrationalism*. New York, 1993.

¹⁶⁹ *Тарасов Е.* К истории русского общества второй половины XVIII столетия: Массон И.П. Тургенев // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Т. 51. № 6. С. 156—157, 174.

¹⁷⁰ *White H.* *The Forms of Wildness: Archaeology of an Idea // The Wild Man Within: An Image in Western Thought from the Renaissance to Romanticism / Ed. Edward Dudley and Maximillian E. Novak*. Pittsburgh, 1972. P. 4—5.

¹⁷¹ Об «активных центрах» общества см. полезную книгу: Center: *Ideas and Institutions / Ed. Liah Greenfeld and Michel Martin*. Chicago, 1988.

¹⁷² О различной природе социальной маргинальности см.: *Douglas M.* *Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo*. London, 1966. (В особенности с. 94—113, 121); *Turner V.* *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Ithaca, N.Y. 1969. (В особенности с. 108—111).

ГЛАВА 4

¹ См.: *Пыпин А.Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 97.

² *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 93.

³ *Державин Г.Р.* Записки. М., 2000. С. 22.

⁴ *Попов Н.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*. 1859. Т. 2. Отд. 3. С. 22. См. также: *Боголюбов В.Н.* Н.И. Новиков и его время. М., 1916. С. 179; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 98; *Соколовская Т.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1907. С. 7.

⁵ См.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 91; *Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности*. 1862. Т. 4. Отд. 3. С. 51—52. Здесь же (с. 49—51) см. записи о допросах масона М. Олсуфьева в середине 1750-х годов.

⁶ См.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 98—99.

⁷ См.: *Мартынов И.Ф.* Ранние масонские стихи и песни в собрании библиотеки Академии наук СССР (К истории литературно-общественной полемики 1750-х гг.) // *Russia and the World in the Eighteenth-Century / Ed. R.P. Barlett, A.G. Cross, and K. Rasmussen*. Columbus, 1988. С. 437—439. Также см.: *Мартынов И.Ф.* Масонские рукописи в собрании Библиотеки АН СССР // *Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР*. Вып. 2. Л., 1978. С. 243—253.

⁸ См.: *Мартынов И.Ф.* Ранние масонские стихи и песни в собрании библиотеки Академии наук СССР // *Russia and the World in the Eighteenth-Century. Columbus*, 1988. P. 439; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 96—98. Автор пользовался рукописью, хранящейся в: Центральная научная библиотека — Кабинет редкой книги Государственного Эрмитажа (ЦНБ-КРК ГЭ). Инв. № 150554. Л. 230 об.—233.

⁹ ЦНБ-КРК ГЭ. Инв. № 150554. Л. 230 об.

¹⁰ Там же. Л. 230 об.—231 об.

¹¹ Пародии на масонство, трактующее последнее как мир перевернутых этических ценностей, существовали в ту пору в изобилии. Об этом см.: *Позднеев А.В.* Ранние масонские песни // *Scando-Slavica*. 1962. Vol. 8. С. 26—64.

¹² ЦНБ-КРК ГЭ. Инв. № 150554. Л. 231—232.

¹³ Там же. Л. 231—231 об.

¹⁴ Там же. Л. 232 об.

¹⁵ Там же. Л. 233.

¹⁶ Там же. Л. 231—233.

¹⁷ *Мартынов И.Ф.* Указ. соч. С. 439. Возможно, «Псалму» стоит рассматривать в ряду полемических откликов на известную «Сагиру на петиметра» И.П. Елагина (1753). Елагин, как и его литературный союзник А.П. Сумароков, не скрывал своей принадлежности к ордену; этим, вероятно, и объясняется яркая антимасонская направленность приведенного текста. Анализ полемики см. в: *Мартынов И.Ф., Шанская И.А.* Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге. (Сборник А.А. Ржевского) // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 131—148.

¹⁸ Библиографические записки. 1861. Т. 3. № 3. С. 70. Историю рукописи, по которой «Псалма» была опубликована, см.: *Мартынов И.Ф.* Масонские рукописи в собрании Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Вып. 2. Л., 1978. С. 249.

¹⁹ В «Изъяснении», во-первых, упоминается, что масоны поют «парижские песни», и, во-вторых, содержатся две строчки, почти совпадающие с текстом «Псалмы»: «Что же значит такое Масон по французски? / Не иное что другое — каменщик по русски». См.: ЦНБ-КРК ГЭ. Инв. № 150554. Л. 231.

²⁰ О связи галлофобии с теорией масонского заговора см.: *Зорин А.Л.* Образ врага. Ода В.П. Петрова «На заключение с Оттоманскою Портою мира» и возникновение мифологии всемирного заговора против России // *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

²¹ В составе «Письмовника» текст опубликован с незначительными изменениями по сравнению с приведенной выше рукописной версией.

²² Подробнее о Курганове и его книге см.: *Баренбаум И.Е.* История книги. М., 1984. С. 55; *Станюкович Т.В.* Кунсткамера петербургской Академии наук. М.:Л., 1953. С. 164; *Западов А.В.* Ив. Новиков, Комаров, Курганов // История русской литературы. М.:Л., 1947. Т. 4. С. 308—310.

²³ По мнению А.В. Позднеева, защита ордена от хулителей — едва ли не самая ходовая тема ранней масонской литературы. См.: *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 39—43.

²⁴ ОРРК БАН. № 17.16.37. Л. 120—120 об.

²⁵ Об источниках сумароковского текста см.: *Мартынов И.Ф.* Ранние мasonicкие стихи и песни в собрании библиотеки Академии наук СССР // *Russia and the World in the Eighteenth-Century*. Columbus, 1988. С. 439—440. Стихотворение впервые было опубликовано только в кн.: *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 8. С. 323—324 — однако задолго до этого разошлось в списках. См.: *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 48. О репутации Сумарокова см.: *Karlinsky S.* *Russian Drama from Its Beginning to the Age of Pushkin*. Berkeley, Los Angeles, 1985. P. 70—71, 100—101.

²⁶ *Пиксанов Н.К.* Мasonicкая литература // *История русской литературы*. М.; Л., 1947. Т. IV. С. 63.

²⁷ См.: *Bullock Steven C.* *Revolutionary Brotherhood: Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730—1840*. Chapel Hill, N.C., 1996. P. 80—81; *Jacob M.C.* *Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe*. New York, 1991. P. 5—6, 23—28, 76—77, 152—153, 168; *Roberts J.M.* *The Mythology of the Secret Societies*. London, 1972. P. 68—85.

²⁸ *Екатерина II.* *Обольщенный*, комедия в пяти действиях // *Сочинения имп. Екатерины II* / Сост. А.Н. Пыпин. СПб., 1901. Т. I. С. 291—293.

²⁹ Там же. С. 294.

³⁰ Там же. С. 299.

³¹ Там же. С. 292.

³² Там же. С. 320—326, 328.

³³ Там же. С. 334.

³⁴ Там же. С. 330, 337.

³⁵ Там же. С. 340. Отточия в оригинале.

³⁶ См.: *Семека А.В.* *Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства* // *Журнал министерства народного просвещения*. 1902. Ч. 39. № 2. С. 343—400.

³⁷ *Екатерина II.* *Шаман Сибирский*, комедия в пяти действиях // *Сочинения имп. Екатерины II* / Сост. А.Н. Пыпин. СПб., 1901. Т. I. С. 396.

³⁸ «Обманщик» ставился чаще других екатерининских комедий — около 12 раз. Это может показаться весьма скромным, однако стоит учитывать, что в русском театре XVIII века среднее число постановок на одну пьесу — 10 раз. Для сравнения: комическая опера А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779) — одна из самых популярных в своем жанре — шла более 80 раз в театрах обеих столиц. См.: *Всеволодский-Гернгросс В.* *История русского драматического театра*. М.; Л., 1977. Т. I. С. 451—452, 456. Также «Обманщик» ставился по-немецки в Петербурге и Гамбурге. См. комментарий А.Н. Пыпина к кн.: *Екатерина II.* Указ. соч. По некоторым сведениям, комедии Екатерины пользовались успехом у петербургских театралов. См.: *Лонгинов М.Н.* Указ. соч. С. 256—258.

³⁹ См.: Там же. С. 258.

⁴⁰ См.: *Боголюбов В.Н.* Указ. соч. С. 364. Издания комедий в России см. в: *Сводный каталог*. Т. I. № 2141—2144, 2146. Немецкие переводы были выпущены К.Ф. Николаи в 1788 году в Берлине. См.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 310. Историю создания, публикации и представления екатерининских комедий на сцене см. в комментариях А.Н. Пыпина к кн.: *Екатерина II.* Указ. соч.

⁴¹ *Зеркало света*. 1786. 9 февраля. Ч. I. № 1. С. 13—15. Курсив в оригинале.

⁴² Растущий виноград. 1786. Февраль. С. 1—6. Курсив в оригинале.

⁴³ Там же. С. 43—44. В том же году журнал напечатал пространную статью «Разсуждение о начале вольных каменщиков, или Фармасонов»: Растущий виноград. 1786. Октябрь. С. 44—72; Ноябрь. С. 62—76; Декабрь. С. 35—46. Следы рецепции комедий Екатерины также можно найти в: Новая ежемесячные сочинения. Ч. 2. 1786. Август. С. 70—82; Ч. 3. 1786. Сентябрь. С. 76—77.

⁴⁴ *Всеволодский-Гернгросс В.* Указ. соч. Т. 1. С. 452. [Эмин Н.Ф.] Мнимый мудрец: Комедия в пяти действиях. СПб., 1786.

⁴⁵ Там же. С. 8, 27.

⁴⁶ Там же. С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 3, 8—10, 52.

⁴⁸ Об этом см.: *Karlinsky S.* Op. cit. P. 86—87, 91.

⁴⁹ В январе 1786 года Екатерина признавалась доктору Циммерману, что в «Обманщике» выведен Калиостро, а в «Обольщенном» — его жертвы. См.: Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II с Доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год. СПб., 1803. С. 45—46. См. также ответ Циммермана: Там же. С. 50—53. Русская публика также не имела сомнений в адресате екатерининских комедий; князь П.Д. Цицианов писал В.Н. Зиновьеву, что в «Обманщике» высмеиваются те, «кои верят шарлатанам и паче верили Калиостру». См.: *Цицианов П.Д.* Письма князя Павла Дмитриевича Цицианова к Василию Николаевичу Зиновьеву // Русский архив. 1872. Кн. 2. Стлб. 2113.

⁵⁰ О Калиостро см.: *Gervaso R.* Cagliostro: A Biography. London, 1974. О пребывании Калиостро в России и Курляндии см.: *Карнович Е.П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1893. С. 98—124; *Гейкин К.Г.* Воспоминания сенатора барона Карла Гейкинга // Русская старина. № 91. 1897. Сент. С. 532—535; *Wilding P.* Adventurers in the Eighteenth Century. New York, [1937]. P. 296—302; *Зотов В.* Калиостро, его жизнь и пребывание в России // Русская старина. 1875. № 12. Январь. С. 50—83. Мнение самого Калиостро о его визите в Россию см. в: *Confessions du comte de C*** avec l'histoire de ses voyages en Russie, Turquie, Italie, et dans les pyramides d' Egypte.* [Paris], 1787. P. 55—66.

⁵¹ Е.П. Карнович выражал сомнение в том, что Калиостро жил в доме Елагина. Между тем это легко можно установить по объявлению в газете, в котором сообщается об отъезде Калиостро с женой из столицы. См.: Санкт-Петербургские ведомости. № 15. 21 февраля 1780. Прибавление. С. 191 (то же объявление было напечатано в: № 16. С. 204). См. также ироническое описание жизни Калиостро у Елагина в письме Екатерины к Гримму: Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1744—1796) // Сборник Императорского русского исторического общества. 1878. № 23. С. 212—213.

⁵² В архиве Елагина сохранилось 18 рецептов, полученных от Калиостро. См.: РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Ед.хр. 238. Л. 51—62. В этом же фонде можно найти многочисленные нумерологические схемы и графики, а также инструкции по вытягиванию выигрышных лотерейных билетов — Калиостро за соответствующую плату иногда делился этой премудростью с другими. См.: Там же. Л. 1—24. Также см.: *Dumas F.R.* Cagliostro. New York, 1967. P. 69—72.

⁵³ Ср. разные версии этого эпизода: *Friedrichs E.* Geschichte der einstigen Maurerei in Rußland. Berlin, 1904. S. 80; *Wilding P.* Op. cit. P. 300.

⁵⁴ См.: *Гейкинг К.Г.* Указ. соч. С. 533—534; *Зотов В.* Указ. соч. С. 64—65.

⁵⁵ См.: *Карнович Е.П.* Указ. соч. С. 114—115; *Wilding P.* Op. cit. P. 300—301.

⁵⁶ См.: *Карнович Е.П.* Указ. соч. С. 119.

⁵⁷ Подробности этой истории см. в кн.: *Wilding P.* Op. cit. P. 312—318. Русские переводы текста Калиостро вышли под заглавиями: Мемориал графа Калиостро против господина генерал прокурора обвинявшего его, писанной им самим. М., 1786; Оправдание графа де Калиостро по делу кардинала Рогана о покупке славного склаважа во Франции. СПб., 1786. См.: Сводный каталог. Т. 2. № 2754, 2755. Оперативность выхода обоих переводов свидетельствует о серьезной обеспокоенности русских защитников графа.

⁵⁸ См.: *Дуалло.* Возражение со стороны графини де Валуа-ла Мотт, на Оправдание графа де Калиостро. СПб., 1786; Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год, и произведенных им тамо магических действий. СПб., 1787. С. 35—36, 63; *Мошинский А.Ф.* Калиостр познанный в Варшаве, или Достоверное описание химических и магических его действий, производимых в сем столичном городе в 1780 году. М., 1788. [Предисл., б.п.]. Оригинальный текст «Описания...» был опубликован в Берлине в том же году. Калиостро, гостивший у сочинительницы и ее семьи в Митаве, каким-то образом обманул ее. В своей книге фон Рекке обвинила итальянца не только в шарлатанстве, но и в скрытых связях с иезуитами. О ней и ее книге см.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 284—287. А.Ф. Мошинский был другом князя Понинского, гостеприимством которого бежавший из России Калиостро пользовался в Варшаве, и помогал авантюристу в его лабораторных опытах, пока не убедился в несостоятельности своего учителя. См.: *Wilding P.* Op. cit. P. 302—303. Следы скандала, связанного с именем Калиостро, можно найти также и в: *Гилбоа.* Алхимист без маски, или Открытый обман умовообразовательного золотоделания, взятый из сочинения г. профессора Гилбоа. М., 1789. См. также: *Клушин И.А.* Алхимист // Русская комедия и комическая опера. М.; Л., 1950. С. 465—483.

⁵⁹ Как раз во время визита Калиостро в Россию императрица написала памфлет «Тайна против-нелепого общества (Anti-Absurde), открытая не причастным оному», в котором высмеивала масонство как форму шарлатанства (впрочем, прямых отсылок к Калиостро здесь нет). Текст был опубликован в 1780 году на французском, русском и немецком языках и широко разрекламирован в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях». См. комментарии А.Н. Пыпина к: *Екатерина II.* Указ. соч. Т. 5.

⁶⁰ См.: *Боголюбов В.Н.* Указ. соч. С. 357; *Семека А.В.* Указ. соч. С. 397—400. На чем основано это суждение, неясно, поскольку в письмах Екатерины к Брюсу этого периода нет даже упоминаний Новикова. См.: *Екатерина II.* Письма и рескрипты Екатерины II к московским главнокомандующим // Русский архив. 1872. Кн. 1. С. 258—274.

⁶¹ Известия о приключениях Калиостро в Париже можно найти, например, в: *Зеркало света.* 1786. № 5. 5 марта. С. 102; 1786. № 15. 15 мая. С. 324. В предисловии к «Мемориалу графа Калиостро...» переводчики признавались, что выискали книгу, дабы удовлетворить интерес русской публики к делу об алмазном ожерелье. Еще одним возможным импульсом для написания антимасонских сочинений мог послужить Екатерине скандал вокруг баварских иллиминатов в 1784—1785 годах, живо обсуждавшийся во всей Европе. См.: *Roberts J.M.* Op. cit. P. 118—145.

⁶² Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1744—1796) // Сборник Императорского русского исторического общества. 1878. № 23. С. 212—213, 362, 366—367, 373—375, 377—379. Гримм посылал императрице сочинения Калиостро, которые она, судя по всему, прочитала. См.: Там же. С. 375.

⁶³ Ср. отрывок из письма Циммермана Екатерине: «Две Русские комедии, под названием *Обманщик* и *Обольщенный*, сделают эпоху в Европе. Уже не Юг просвещает Север, а Север просвещает Юг; уже с берегов Невы приходит к нам просвещение». Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II с Доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год. СПб., 1803. С. 51—52. Полный свод эпистолярия вокруг екатерининских комедий и Калиостро см. в: *Chetteoui W.-R. Cagliostro et Catherine II: La satire imperiale contre le mage*. Paris, 1947.

⁶⁴ См.: *Francesco G. de. The Power of the Charlatan*. New Haven, 1939. P. 196—204. Слухи о чудодейственных целителях проникали и в русскую печать. Так, «Московские ведомости» в апреле 1784 года публиковали сообщение о деятельности Грэма. См.: *Alexander J.T. A Russian Reflection of Dr. James Graham's 'Strange Establishment'* // Newsletter of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. 1992. № 20. P. 28—31. О самом известном шарлатане века — венском враче Ф. Месмере см.: *Darnton R. Mesmerism and the End of the Enlightenment in France*. Cambridge, Mass., 1968.

⁶⁵ Эта тема еще ожидает своего исследователя. Несколько кратких замечаний можно найти в: *Карнович Е.П.* Указ. соч. С. 113.

⁶⁶ Московские ведомости. 1784. № 95. 27 ноября. Прибавление. Без паг.

⁶⁷ *Державин Г.Р.* Сочинения / Примеч. Я.К. Грота. СПб., 1870. Т. 3. Ч. 3. С. 505.

⁶⁸ См.: *Karlinsky S.* Op. cit. P. 124—125.

⁶⁹ *Екатерина II.* Письма и рескрипты Екатерины II к московским главнокомандующим // Русский архив. 1872. Кн. 1. С. 290. См. также письмо от 3 января 1790 года, где упоминается еще один мошенник из Польши: Там же. С. 335.

⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 147. № 90. (М. 1967). Л. 19—19 об.

⁷¹ *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. 241.

⁷² Там же. С. 252—255. Хосе де Рибас, неаполитанский авантюрист на русской службе, участвовал в работе нескольких петербургских лож в начале 1780-х годов. Георг Розенберг, вынужденно покинувший когда-то родную Германию, входил в число русских масонов, совершивших путешествие в Швецию, что повлекло за собой его исключение из ордена в 1781 году. Ф.П. Фрезе, бывший заметной фигурой русского масонства на протяжении нескольких десятилетий, работал в Медицинской коллегии, затем стал обер-директором Санкт-Петербургского опекунского совета. С другой стороны, в 1788 году адмирал С.И. Плещеев вступил, находясь в Авиньоне, в братство Нового Израиля, однако, вернувшись в Россию, изменил свои взгляды и утверждал, что был обманут. См.: *Лонгинов М.Н.* Указ. соч. С. 290. Об обществе Нового Израиля и его связях с русскими масонами см.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 80—83.

⁷³ *Corberon M.D.B. de. Un diplomate français à la cour de Catherine II, 1775—1780: Journal intime* / Ed. L.H. Lablande. Paris, 1901. Vol. 1. P. 147.

⁷⁴ Записки А.Т. Болотова // Русская старина. 1872. Приложение. Т.3. С. 935.

⁷⁵ См.: [*Вегелин И.Ф.*] Указ. соч. С. 1034—1036; *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. 218.

⁷⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета. 1755—1855. М., 1855. Т. 2. С. 576, 586.

⁷⁷ Среди прочих антимасонских сочинений стоит упомянуть: Масон без маски, или Подлинный таинства масонския. СПб., 1784 — перевод книги: *Wilson T. Le Maçon démasqué, ou le vrai Secret des F. M. mis au jour dans toutes ses parties avec sincérité et sans déguisement.* London, 1751; Мопс без ошейника и без цепи, или Свободное и точное открытие таинств общества именующагося Мопсами. СПб., 1784 — перевод одной главы из книги «L'ordre des francs-maçons trahi, et le secret de Mopses révéélé», приписываемой Г.Л. Перо (G.L. Pérau), в которой утверждалось, что отличительной чертой масонских обществ и подобных им является склонность к гомосексуализму и разврату. Обе книги анонсировались в «Санкт-Петербургских ведомостях»: 1784. № 96. 29 ноября. С. 922; 1784. № 97. 3 декабря. С. 933; 1785. № 13. 14 февраля. С. 126.

⁷⁸ См.: [Эли С.С.] Братския увещания к некоторым братьям свбднм. кмншкм. Писаны братом Седдагом. М., 1784. Установлено, что «Братские увещания...» переведены с немецкого; см.: Сводный каталог. Т. 3. № 8589. Книгопродавец, анонсировавший сочинение Эли в печати (см.: Санкт-Петербургские ведомости. № 67. 22 августа 1785. С. 690), предлагал также сразу два русских перевода одного и того же немецкого издания: Записная книжка для друзей человечества. СПб., б. д. [1781?]; Карманная книжка для В*** К*** и для тех, которые и не принадлежат к числу оных. М., 1783. Названия немецкого оригинала см. в: Сводный каталог. Т. 1. № 2321; Т. 2. № 2852. О целевой аудитории подобной литературы см.: *Лотарева Д.Д.* Некоторые источниковедческие проблемы изучения масонской книжности в России в конце XVIII — первой половине XIX в. // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.)*. М., 1994. С. 154.

⁷⁹ [Эли С.С.] Указ. соч. С. 26—27. Последнее обвинение формулировалось у Эли следующим образом: «...не политическая ли тайна П.С. ...был[а] их намерением?» (Там же). Что означает аббревиатура «П.С.», неясно.

⁸⁰ Там же. С. 36—38. На последней странице первого издания «Братских увещаний...» был помещен список масонских сочинений, которые можно было купить вместе с книгой Эли: 1) *Штарк И.А.* Апология, или Защищение ордена Вольных Каменщиков. Писанная братом **** членом Шотландской ** ложи, в П**. М., 1784. И.А. Штарк был известен в масонских кругах России в 1760-х годах. Книга первоначально вышла по-немецки в 1770 г., а перевод выдержал два издания в 1784 году; 2) Карманная книжка для В*** К***... М., 1783.; 3) *Кёппен К.Ф.* Крата Репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов. М., 1779. Описание «Общества египетских жрецов» было наполнено очевидными отсылками к практикам масонского ордена. «Крата Репоа...» печаталась три раза в течение XVIII века и, по-видимому, находила отклик у читателей. См.: Новиков Н.И. и его современники: Избранные сочинения. М., 1961. С. 190—193, 498—499. 4) *Пено Б.Ж.* Фил. Авр. Феофраста Парацельса, Химическая псалтырь, или Философическия правила о камне мудрых. М., 1784. Большая часть книг была конфискована московскими властями и уничтожена в 1786 году; оставшиеся экземпляры продолжали открыто продаваться в магазинах. См.: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 125.

⁸¹ Издатель к читателю // *Магазин свободно-каменьщиков*, содержащий в себе: речи, говоренныя в собраниях; песни, письма, разговоры и дру-

гия разные краткия писания, стихами и прозою. 1784. Т. 1. Ч. 1—2. С. i—ii. Автором вступления мог быть С. Эли. См.: Сводный каталог. Т. 4. № 180. Это предисловие, отпечатанное на форзаце тома вместе с цензурным разрешением, а также большой тираж журнала (возможно, он доходил до 1200 экз.) сослужили дурную службу Новикову, тщетно пытавшемуся после ареста в 1792 г. доказать, что издание было предназначено только для самих масонов.

⁸² Магазин свободно-каменьщической. 1784. Т. 1. Ч. 1. С. 109—111, 118.

⁸³ Там же. Ч. 2. С. 73. Курсив автора.

⁸⁴ Там же. С. 98—99.

⁸⁵ Там же. С. 14—15. Курсив автора.

⁸⁶ Использование политических метафор, связанных с античностью, чрезвычайно актуально для властной риторики той эпохи. См. об этом: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. Ч. 2. О гражданском гуманизме раннего Нового времени см.: *Роскок J.G.A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975. Об истории понятия «гражданин» см.: *Retat P.* Citoyen — Sujet, Civisme // *Handbuch der politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820* / Ed. R. Reichardt and E. Schmitt. Heft 9. München, 1988. P. 76—105.

⁸⁷ Магазин свободно-каменьщической. Т. 1. Ч. 2. С. 12.

⁸⁸ [Эмин Н.Ф.] Указ. соч. С. 58—59.

⁸⁹ Там же. С. 30.

⁹⁰ Там же. С. 31.

⁹¹ Новиков Н.И. и его современники: Избранные сочинения. М., 1961. С. 150—151. Об «Обществе...» см.: *Jones W.G.* Op. cit. P. 82—95.

⁹² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 32. 21 апреля. С. 302—304.

⁹³ *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 271—272.

⁹⁴ *Державин Г.Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 38—39. См. также комментарий Я.К. Грота: Там же. С. 215—217. Анализ текста см. в: *The Literature of Eighteenth-Century Russia: A History and Anthology* / Ed. and trans Н.В. Segel. Vol. 2. New York, 1967. P. 262—279.

⁹⁵ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 62.

⁹⁶ См.: *Екатерина II.* Сочинения / Сост. А.Н. Пыпин. СПб., 1901. Т. 5. С. 186—243. По одному источнику, общество «Ignoranti Bambinelli» действительно существовало и включало в себя саму Екатерину, Л.А. Нарышкина, А.С. Строганова и А.П. Шувалова. См.: *Екатерина II.* Сочинения / Ред. В.К. Былинин и М.П. Одесский. М., 1990. С. 517. Примеч. 2.

⁹⁷ Сочинения имп. Екатерины II / Сост. А.Н. Пыпин. СПб., 1901. Т. 5. С. 213—214. Курсив в оригинале.

⁹⁸ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. Стлб. 48. Курсив в оригинале. «Мартышками» (*Cercopithecus*) называют 20 видов и 8 родов обезьян. «Зеленая мартышка» — *Cercopithecus aethiops*. Под «пификом», скорее всего, имеется в виду *Pithecias* — вид обезьян, никак не связанный с мартышками (*Cercopithecus*). *Napier J.R. and P.H.* The Natural History of Primates. London, 1985. P. 119—120, 128, 139.

⁹⁹ Растущий виноград. 1786. Июль. С. III.

¹⁰⁰ Под «бреднями Аполониуса», скорее всего, имеются в виду сочинения неопифагорейца и мистика Аполлония Тианского (род. около 4 г. до н.э.).

¹⁰¹ Растущий виноград. 1786. Июль. С. IV—VII. Курсив в оригинале.

¹⁰² См.: [Тукалевский В.] Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века // Журнал министерства народного просвещения. 1911. Ч. 33. № 5. С. 20—25; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 162—163. По сведениям И.П. Елагина, книга Сен-Мартена почти сразу по выходе стала популярной у русского читателя. См.: Записки о масонстве И.П. Елагина // Русский архив. 1864. Кн. 1. С. 94.

¹⁰³ Московские ведомости. 1785. № 32. 19 апреля. С. 423—424. Сокращенный вариант анонса был републикован в № 86.

¹⁰⁴ См.: Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 243—244.

¹⁰⁵ Елагин И.П. Указ. соч. С. 95; Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 130, 162—163, 170. Курсив в оригинале.

¹⁰⁶ Marcard H.M. Zimmermann's Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II. und mit dem Herrn Weikard. Bremen, 1803. S. 134—135. Князь Репнин имел при дворе репутацию «ревностного апостола мартинизма». См.: Массон Ш. Указ. соч. С. 69. Кроме самого Репнина, в мартинизме подозревали и его подчиненных. См.: Храповицкий А.А. Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С. 292.

¹⁰⁷ Jones W.G. Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge, 1984. P. 208.

¹⁰⁸ Растущий виноград. 1786. Март. С. 6—13. Гийом Постел (1510—1588) — французский ученый, самопровозглашенный пророк экуменизма. О его связях с мартинизмом ничего не известно. Подробнее о нем см.: Nataf A. The Wordsworth Dictionary of the Occult. Ware, Hertfordshire, 1994. s.v. «Postel». Настоящим основателем мартинизма был учитель Сен-Мартена, испанский мистик Мартинес де Паскуалли. Об отношении мартинизма и масонства см.: Roberts J.M. Op. cit. P. 103—105.

¹⁰⁹ Екатерина II. Обманщик, комедия в пяти действиях // Сочинения имп. Екатерины II / Сост. А.Н. Пыпин. СПб., 1901. Т. 1. С. 250. Сочинение Сен-Мартена и вообще мартинизм высмеивались также в «Мнимом мудреце». См.: Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 279.

¹¹⁰ Цицианов П.Д. Указ. соч. Стлб. 2113. Знал ли Цицианов о том, что его корреспондент встречался с Сен-Мартеном в Лионе и даже совершил вместе с «philosophe incognito» путешествие в Париж, неизвестно.

¹¹¹ Там же. Стлб. 2119—2121. «Les merveilles du ciel et de l'enfer» — сочинение шведского мистика Э. Сведенборга «Arcana coelestia» (1749—1756).

¹¹² Подробнее о восприятии в России Французской революции см.: Штранге М.М. Русское общество и французская революция, 1789—1794. М., 1956. С. 47—88.

¹¹³ См.: Там же. С. 101—103.

¹¹⁴ Московские письма в последние годы екатерининского царствования // Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 277—278. О популярности французского революционного стиля см.: Из записок Д.П. Рунича // Русская старина. 1901. № 1. С. 53—54.

¹¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1790. № 16. С. 247; № 20. С. 315. Цит. по: Штранге М.М. Указ. соч. С. 49—51.

¹¹⁶ См.: Roberts J.M. Op. cit. P. 168—174.

¹¹⁷ См.: *Jacob M.C.* Op. cit. P. 23—32.

¹¹⁸ *Roberts J.M.* Op. cit. P. 193.

¹¹⁹ *Roberts J.M.* Op. cit. P. 210—211.

¹²⁰ *Bieberstein J.R. von.* Die These von der freimaurerischen Verschwörung // *Freimaurer und Geheimbünde im 18. Jahrhundert in Mitteleuropa* / Ed. H. Reinalter. Frankfurt a. M., 1983. S. 85, 93. См.: *Roberts J.M.* Op. cit. P. 210.

¹²¹ См.: *Штранге М.М.* Указ. соч. С. 78, 96—97.

¹²² *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. 104. Трубецкой, сам масон, очевидно, не знал, что Николя де Бонневиль, один из редакторов «*Bouche de fer*», действительно, принадлежал к масонскому ордену и отстаивал в ложах революционные позиции. См.: *Kates G.* The «*Cercle Social*», the Girondins, and the French Revolution. Princeton, 1985. P. 89—92. Дж. Робертс утверждает, что масонами были оба издателя «*Bouche de fer*» — Бонневиль и аббат Фоше. См.: *Roberts J.M.* Op. cit. P. 159—160.

¹²³ *Тургенев А.М.* Записки А.М. Тургенева // *Русская старина.* 1887. № 1. С. 88.

¹²⁴ *Faivre A.* Friedrich Tieman und seine deutschen und russischen Freunde // *Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs* / Ed. E.H. Balázs et al. Berlin, 1979. S. 299.

¹²⁵ *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 30; Полное собрание сочинений А.Н. Радищева. М., 1907. Т. 2. С. 301. Екатерина в своих замечаниях на полях «Путешествия...» употребляет слово «мартинисты» в обоих значениях: 1) адепты мистико-теософского учения; 2) «полумудрецы сего века, как то: Руссо, Аббе Рейналь и тому гипохондрию подобные...». Там же. С. 560. Насмешки над целомудрием мартинистов можно найти и в кн.: *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 62.

¹²⁶ *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. 15. Об интеллектуальных и личных отношениях Кутузова и Радищева см.: *Лотман Ю.М.* «Сочувственник» А.Н. Радищева А.М. Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу // *Лотман Ю.М.* Собрание сочинений. Т. 1: *Русская литература и культура Просвещения.* М., 2000.

¹²⁷ *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. 22.

¹²⁸ Там же. С. 96—97.

¹²⁹ Там же. С. 200, 203. Стоит заметить, что никакими свидетельствами о деятельности иллюминатов в России мы не располагаем. Историю иллюминатства см. в кн.: *Dülmen R. van.* Der Geheimbund der Illuminaten. Stuttgart, 1975.

¹³⁰ *Барсков Я.Л.* Указ. соч. С. ix—xi.

¹³¹ Почему мартинистами называли именно эту группу масонов (Лопухин, Кутузов, Трубецкой, Новиков, И.П. Тургенев), а не всех их собратьев по ордену или многочисленных поклонников Сен-Мартена, не совсем ясно. Скорее всего, этому способствовало посвящение радищевского «Путешествия...» Кутузову, прочно связавшее в глазах властей Радищева и московских вольных каменщиков.

¹³² *Лопухин И.В.* Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990. С. 28.

¹³³ *Тургенев А.М.* Указ. соч. С. 88.

¹³⁴ [*Батурич П.С.*] Исследование книги О заблуждениях и истине. Сочинено особливим обществом одного Губернского города. Тула, 1790. С. 63—64, 79, 214—215. Авторство П.С. Батурина, чиновника среднего звена и сочинителя

комедий, было установлено много позже выхода книги. О нем см.: Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Т. 1. С. 68—70.

¹³⁵ См.: *Штранге М.М.* Указ. соч. С. 111. В 1792 году при дворе возник слух о существовании якобинского клуба в Петербурге. См.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 278.

¹³⁶ См.: *Лопухин И.В.* Указ. соч. С. 29—30. Оригинал брошюры см.: Там же. С. 31—37.

¹³⁷ См.: Там же. С. 38. Все три русских издания вышли в Москве (1796, 1798, б.д.). См.: Сводный Каталог. Т. 3. № 7405—7407. Об И.П. Тургеневе, директоре Московского университета в 1796—1803 годах, см.: *Тарасов Е.* Указ. соч.

¹³⁸ См.: *Roberts J.M.* Op. cit.

¹³⁹ См.: *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 116.

¹⁴⁰ См.: *Jones W.G.* Op. cit. P. 206—215.

¹⁴¹ См.: *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 606—662, 671—672.

¹⁴² См.: *Лонгинов М.Н.* Указ. соч. С. 348—352.

¹⁴³ См.: Там же. С. 289, 354—355; *Боголюбов В.Н.* Указ. соч. С. 442—444.

¹⁴⁴ См.: *Лонгинов М.Н.* Указ. соч. С. 304; *Серков А.И.* Указ. соч. С. 950. По сведениям А.И. Серкова, в Петрозаводске одна ложа работала вплоть до 1797 года. См.: Там же. С. 981.

¹⁴⁵ См.: *Екатерина II.* Письма и рескрипты Екатерины II к московским главнокомандующим // Русский архив. 1872. Кн. 1. С. 538—539; *Friedrichs E.* Op. cit. S. 89—91; *Иванин Н.С.* К истории масонства в России // Русская старина. 1882. № 9. С. 544.

¹⁴⁶ См.: *Epstein K.* The Genesis of German Conservatism. Princeton, 1966. P. 506—535.

¹⁴⁷ *Agethen M.* Geheimbund und Utopie: Illuminaten, Freimaurer und deutsche Spätaufklärung. München, 1984. S. 63—64. См.: *Gould R.F.* Op. cit. Vol. 4. P. 103, 108; *Jacob M.C.* Op. cit. P. 172, 176, 210—211; *Kates G.* Op. cit. P. 91; *Reinalter H.* Aufgeklärter Absolutismus und Revolution: Zur Geschichte des Jakobinertums und der frühdemokratischen Bestrebungen in der Habsburgmonarchie. Vienna, 1980. S. 186—218; *Roberts J.M.* Op. cit. P. 221; *Weisberger R.W.* Speculative Freemasonry and the Enlightenment: A Study of the Craft in London, Paris, Prague, and Vienna (East European Monographs. 1367). New York, 1993. P. 105—107.

¹⁴⁸ См.: *Лонгинов М.Н.* Указ. соч. С. 362—364.

¹⁴⁹ Другое мнение можно найти в: *McGrew R.E.* Paul I of Russia, 1754—1801. New York, 1992. P. 195—196.

¹⁵⁰ См.: *Friedrichs E.* Op. cit. S. 91—98; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2. С. 135—152. По мнению А.И. Серкова, Павел мог вступить в орден в августе 1776 года в Германии. См.: *Серков А.И.* Указ. соч. С. 620, 994. Существовала даже особая версия убийства императора, согласно которой казнь была совершена масонами за нарушение Павлом каменческих обетов и отказа от покровительства ордену. См.: *Шумигорский Е.С.* Указ. соч. С. 152.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Табакерка хранится в Hillwood Museum в Вашингтоне. Ее фотографию и краткое описание можно найти в: *Taylor K.V.H. Russian Art at Hillwood. Washington, D.C., 1988. P. 38—39.*

² См.: *La Vopa A.J. Conceiving a Public: Ideas and Society in Eighteenth-Century Europe // Journal of Modern History. 1992. № 64. March. P. 79—116.*

³ *Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass., 1992. P. 488.*

⁴ *Raeff M. Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Pedagogical Leadership, and the Enlightenment in Eighteenth-Century Russia // Alteuropa — Ancien Régime — Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung / Ed. H.E. Budeker and E. Hinrichs. Stuttgart, 1991. P. 109.*

⁵ См.: *Taylor Ch. Invoking Civil Society // Taylor Ch. Philosophical Arguments. Cambridge, Mass., 1995.*

⁶ См.: *Wirtschaftler E.K. Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, Ill., 1997. P. 97—99.*

⁷ *Seligman A.B. The Idea of Civil Society. New York, 1992. P. 5.*

⁸ См.: *Netting A.G. Russian Liberalism: The Years of Promise, 1842—1855. Ph.D. diss., Columbia University, 1967.*

⁹ См.: *Соколовская Т.О. Раннее александровское масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2. С. 153—163.*

¹⁰ См.: *Соловьев О.Ф. Русское масонство, 1730—1917. М., 1993. С. 121.*

¹¹ См.: *Vakounine T. Le répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles). Collection historique de l'Institut d'Etudes Slaves. № 19. Paris, 1967; Пытин А.Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 522—532.*

¹² См.: *Vakounine T. Op. cit. P. 42; Пытин А.Н. Указ. соч. С. 380—384; Соколовская Т.О. Указ. соч. С. 176—180.*

¹³ *Hartley J.M. Alexander I. London, 1994. P. 149—154.*

¹⁴ Уничтожение масонских лож в России 1822 г. // *Русская старина. 1877. № 3. С. 463; № 4. С. 641—644, 650.*

¹⁵ См.: Там же. С. 650—652.

¹⁶ См.: *Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990. С. 82; Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 131—132. Проблема соотношения декабризма и масонства долгое время привлекала внимание русских ученых. Историю вопроса см. в кн.: *Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 110—125. Впрочем, сам автор пытается рассматривать эти общественные явления отдельно друг от друга, что не может не вызвать недоумения.**

¹⁷ См.: *Norton B.T. Russian Political Masonry and the February Revolution of 1917 // International Review of Social History. 1983. № 28. Pt. 2. P. 240—258; Smith N. Political Freemasonry in Russia, 1906—1918: A Discussion of the Sources // Russian Review. 1985. Vol. 44. № 2. P. 157—173; Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 126—262.*

¹⁸ *Брачев В. Тайные масонские общества в СССР // Молодая гвардия. 1994. № 3. С. 140—158; Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994; Серков А.И. Придет ли к нам «Великий Вос-*

ток»? // Родина. 1993. № 11. С. 85—87. Неполноту приведенного списка оправдывает, во-первых, весьма скромное количество документальных источников и, во-вторых, склонность многих авторов к недобросовестному освещению фактов или даже их сознательной фальсификации (особенно — в названной статье В. Брачева). О возрождении масонства в постсоветской России см.: *Серков А.И.* Указ. соч.; *Zolotov O.* Russian Masons True to their Homeland // *Moscow News*. 1994. № 8. 25 February — 3 March. P. 15. Возникновению новых лож сопутствует новая волна истерии вокруг «жидомасонства». См.: *Laqueur W.* The Appearance of the Protocols and the Great Masonic Plot // *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. New York, 1993. Пример возрожденной масонфобии см. в кн.: *Платонов О.А.* Терновый венец России: История масонства, 1731—1995. М., 1995. Автор обвиняет западных масонов, ЦРУ, Трехстороннюю комиссию и пятую колонну, действовавшую внутри советской верхушки, в разрушении СССР.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблесимов А. 145, 207
Алеевцев В.Я. 50
Александр I, император 172, 173
Алексеев И.А. 27
Алексей Михайлович, царь 189
Амвросий, митрополит Московский 76
Аничков Д.С. 76
Анна Иоанновна, императрица 129, 130
Антоновский М.И. 83
Аполлоний Тианский (Аполониус) 153, 213
Апраксины 27
Арбениев А.И. 67
Ардт И. 125
Ашитков И. 95
- Бажанов Г. 48
Балашев А.Д. 172
Баренбаум И.Е. 134
Баркер-Бенфилд Г. 51
Барков И. 128
Баррюэль А. де 17, 18, 157
Бёбер И.В. 109, 171, 172, 200, 201
Безбородко А.А. 67, 69, 160
Беккариа Ч. 46
Белли А. 74
Бёме Я. 125, 153
Берк Дж. 31, 180
Бецкой И.И. 46
Бибиков А.И. 27
Бланд 80
Блудова Ф.С. 129
Богданович И.Ф. 27, 66, 67, 83
Богданович П. 64
Боголюбов В. 200
Боголюбов Ф.П. 28
Болотов А.Т. 63, 146, 201
Болтин И.Н. 80
Болховитинов Е.А. 85
Бонневилль Н. де 214
Брачев В. 217
Брюль Ш.-А. 24
Брюс Я.А. 109, 144
Бутурлин Н.И. 24, 28
- Бюлфингер Г.Б. 71
- Ванжура Э. 69
Вегелин И.П. 114, 125, 146, 147
Вегелин И.Ф. 179
Вейкард Х.М. 154
Веревкин А.И. 30
Веревкин М.И. 78, 96
Вернадский Г.В. 198—200, 203
Вигель Ф.Ф. 67
Виктор Амадей III, король 165
Виллермоу Ж.—Б. 158
Винтер И.И. 27
Виртшафтер Э. 60, 88
Волков Г.Г. 27
Волков Ф.Г. 28, 78
Волконские 80
Вольтер 30, 61
Вольф Х. 51
Воронихин А.Н. 27
Воронцов Р.И. 86
Воронцовы 25
Вутноу Р. 188
- Гагарин Г.П. 27, 82, 109, 110, 200, 203, 204
Гамалея С.И. 28, 45, 121, 122
Гаман И.Г. 126
Гарднер Ф. 80
Гасснер И. 143
Гейкинг К.—Г. 32
Герман Я. 71
Герунг Й.Ф. 203
Гёте И.В. 14
Гильденштетт А.И. 72, 73
Глинка С.Н. 23
Глисон А. 59
Голенищев-Кутузов П.И. 171
Голицын В.В. 65
Голицыны 25, 80
Головин Н. 130
Головин Ф.А. 65
Головкины 73
Гофман И. 111, 201
Гофман Л.А. 165

- Градищи Ф. 28
Грейг С.К. 82, 89, 171
Гренет 109, 201
Гримм М. 144, 208, 210
Гриффитс Д.М. 46
Гроот Э.Ф. 26
Грот И. 85, 195
Грот Я.К. 151, 212
Гротти М. 74, 75
Гроций 50
Грудзинска Гросс И. 87
Грэм Дж. 144, 210
Гундт фон 102
Густав III, король 15, 109
- Даль В.И. 59
Дарнтон Р. 19
Дашкова Е.Р. 67, 89
Девьер А.М. 65
Демидов 80
Державин Г.Р. 66, 77, 129, 151
Джейкоб М. 18, 20, 31, 180
Джонс У.Г. 40, 55, 64
Дмитревская (Мусина—Пушкина) А.М. 86, 89
Дмитревский И.А. 86
Дмитриев И.И. 64
Долгорукие 27
Долгорукий А.Б. 82
Долгорукий Ю.В. 74
Домашнев С.Г. 72
- Егер 95
Екатерина II, императрица 6, 9, 19, 32, 46, 47, 56, 62, 63, 67, 70, 77, 80, 83, 87—89, 112, 119, 137, 139, 140, 142—145, 151—154, 159, 161, 163—167, 175, 188, 193, 200, 201, 203, 208—210, 212, 214
Елагин В.Г. 111
Елагин И.П. 24, 27, 28, 39, 101, 109, 118, 125, 142, 154, 203, 205, 206, 208, 213
Елизавета, императрица 22, 67, 68, 70, 71, 83, 89, 108, 129, 130, 190, 200, 201
- Жуковский В.А. 80
Жакур Л. де 53
- Жевахов 6
Жеребцов А.А. 171
- Занде Ф.Л. 26
Захаров И.С. 28
Зиммель Г. 120, 201, 202
Зиновьев В.Н. 52, 53, 155, 208
- Иван VI, император 129
Иванов И.Н. 27
Измайлов 114, 117
Ильин А. 110, 111, 112, 113, 124, 201
Ильин П. 110
Иосиф II, император 16
- Йейтс Ф.* 10, 175
- Калиостро А. 32, 126, 142—145, 155, 156, 180, 208—210
Каменецкий К. 67
Камерон 29
Канитц Ю. фон 47
Кант И. 200
Карамзин Н.М. 80
Карл, герцог Зюдерманландский 15
Карнеев Е.В. 27
Карнеев З.Я. 23, 104, 119, 120
Карнович Е.П. 208
Кейт Дж. 21, 177
Кельхен И. фон 28
Кинетти 68
Кинтор 177
Книгте Ф. фон 203
Книпер К. 70
Княжнин Я.Б. 83, 89, 107
Княжнина Е.А. 89
Ковалинская 145
Кожевников П. 28
Козеллек Р. 18
Козицкий Г.В. 83
Кокушкин В.П. 24
Колокольников В.Я. 164
Корберон де 24, 114, 117, 126, 146, 201
Корф Н.А. 195
Кочубей В.П. 109, 110, 174
Кошен А. 16
Краббе Л. 24

- Крестинин В.В. 85
 Кречетов Ф.В. 83
 Кромвель Т. 156, 158
Кросс А.Г. 179
 Крылов И.А. 48, 59
 Кунст И. 69
 Куракин А.Б. 26, 27, 47, 95, 110, 116—118, 178, 203
 Куракин Б.А. 27
 Куракин С.Б. 27
 Куракина Н.А. 27
 Куракины 178
 Курганов Н.Г. 134
 Кустос Дж. 15
 Кутузов А.М. 159, 160, 214
 Кушелев Е.А. 173
 Кюстин А. де 86, 87
- Лабзин А.Ф. 171
 Ла Мотт 144
 Лафатер И.К. 158
 Левин И. 29
Ле Донн Дж. 60, 88, 192
 Леопольд II, император 165
 Лепехин 85
 Лессинг Г.Э. 14
 Лефорт Ф. 79
 Лишкин 73
 Ловелл 22
 Лолли 68
 Ломоносов М.В. 66, 72
 Лопухин И.В. 109, 111, 159—161, 164, 166, 200, 201, 214
 Лопухин П.В. 109
 Лукин В.И. 24, 27, 28, 38, 80, 190
 Луко О. 69
 Людовик XIV, король 49
- Маджи И. 145
 Майков В.И. 67
МакМаллан Дж. 112
 Мальбранш Н. 50
 Мария-Антуанетта, королева 143
 Мария-Терезия, императрица 15, 16
Маркер Г. 64, 189
 Марсани 68
 Массон Ш.Ф.П. 53, 119
- Матвеев А. 189
 Медем А.Э. де 180
 Мелиссино И.И. 84, 85, 90
 Мелиссино П.И. 24, 79, 90, 108, 116, 125, 126, 165, 204
 Мелле 38
 Мельгунов А.П. 23, 27
 Меншиков А.Д. 65, 79
 Месмер Ф.А. 126
 Меттерних К. фон 173
 Миних Б.К. 130
 Михайлов Н. 28
 Мольер 70, 142
 Монтескье Ш.Л. 46, 87
 Мошинский А.Ф. 209
 Музовский В. 86
 Мусин-Пушкин А.И. 27
 Мэддокс М. 75
- Нарышкин Л.А. 66, 212
 Нарышкин С.К. 22
 Нарышкины 25
 Наталья Алексеевна, царевна 69, 70
 Невзоров М.И. 164
 Нелединский Г.Н. 45
 Нелединский-Мелецкий Ю.А. 27
Неттинг Э.Г. 188
 Николай К.Ф. 207
 Николай I, император 174
 Новиков Н.И. 6, 9, 55, 56, 64, 77, 83, 90, 94, 106, 108, 109, 123, 125, 144, 146, 154, 163, 164, 166, 171, 175, 186, 193, 201, 203, 212, 214
 Нордстет И. 58
- Овчинников М. 73
 Одоевские 80
 Ойстрах Г. 49
 Оппенгейм М. 29
 Орлов В.Г. 73, 83
 Остерман А.И. 68, 130
- Панаев И.И. 24, 183
 Панин Н.И. 26, 27, 28, 154, 178
 Панин П.И. 26, 178
 Панины 178
 Панкратьев П.П. 27

- Перелчин Н.И. 67
Павел I, император 82, 166, 178, 215
Паскаль Б. 50
Паскуалли М. де 213
Пашкевич В.А. 100
Перо Г.Л. 211
Пестель И.Б. 160
Петр I, император 7, 8, 53, 57, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 79, 88
Петр III, император 24, 67, 77, 108
Платон 153
Плещеев С.И. 210
Пнин И.П. 49, 184
Поздеев И.А. 203
Позднеев А.В. 206
Полянский В.И. 30
Поморский Н. 39
Понинский 209
Попов А. 28
Постел Г. 154, 213
Потемкин Г.А. 68
Потоцкий Ф.Ф. 24
Прати А. 28
Пржездецкая (Радзивилл) 32
Прозоровский А.А. 6, 56, 160, 164, 165
Пронишев А.П. 110
Пуфендорф С. 50
Пушкин А.С. 80
Пыляев М.И. 75
Пыпин А.Н. 207, 209
- Радишев А.Н. 80, 83, 158, 159, 161, 214.
Раев М. 57, 60, 107, 169
Разумовские 178
Разумовский А.Г. 68
Разумовский К.Г. 22, 26, 178
Разумовский Л.К. 27
Рамзей Э. 102
Рансел Д. 27
Расин Ж. 70
Рахманов А.М. 30
Рейнбек Г. 29
Рейхель 101, 198
Реке Ш. фон 143, 209
Репнин Н.В. 27, 106, 108, 154, 166, 199, 213
Ржевский А.А. 67, 123, 146
- Рибас Х. де 146, 210
Ритто Дж. 28
Робайсон Дж. 32, 33
Робертс Дж. 136, 157, 214
Роган де 126, 144
Роди(м)онов И. 27
Розенберг Г. 146, 210
Розман Г. 186, 188
Рубан В.Г. 67
Рязановский Н. 57
- Савва И.В.* 201
Салтыков С.В. 67, 74
Салтыковы 25
Сведенборг Э. 153, 213
Свистунов П.С. 89
Сегюр Л.-Ф. де 53
Селигман Э. 88, 170
Семенова Л.Н. 191.
Сен-Мартен Л.К. де 153, 158, 159, 213, 214
Сенека Л.А. 48, 50
Серков А.И. 23, 27, 31, 177—180, 196, 201
Сикстель 80
Сильвестр Холмский, митрополит 191
Скавронская 80
Соймонов М.Ф. 82
Соколовская Т. 182, 198
Сперанский М.М. 80
Спиноза Б. 50
Старобинский Ж. 52
Стивенсон Д. 12, 175
Стражев И.М. 28, 30, 96
Строганов А.С. 27, 66, 69, 142, 212
Сумароков А.П. 60, 61, 66, 70, 89, 135, 206
Сырейшиков Е.Б. 39
- Татишев П.А. 27, 84, 90, 147
Тацит 48, 50
Тейлор Ч. 170
Телепнев 74
Тиман Ф. 158
ТрEDIAковский Л.В. 113
Трубецкие 25
Трубецкой Н.Н. 73, 117, 123, 146, 158, 159, 164, 166, 204, 214

- Трубецкой П.Н. 74
Трубецкой Ю.Н. 73, 123
Тузов В.В. 67
Тук В. 75
Тургенев А.М. 158
Тургенев И.П. 24, 28, 43, 126, 161, 162, 164, 166, 214
Тучков С.А. 84, 112
- Уайт Х.* 126
Уленгуг 79
Уманов П. 28
Урусов 74
Ухтомский 78
- Фаркюгарсон Г. 79
Феодосий Яновский, архиепископ 73, 191
Феофан Прокопович, архиепископ 70, 79
Фергюсон А. 87
Фердинанд Брауншвейгский, герцог 122, 204
Фесслер Г.И. 172
Филидор 76
Филипет Э. 28
Филипп V, король 15
Филипп Дж. 22
Фирхаус Р. 19
Флад Р. 125
Фомин А.И. 85, 90
Фонвизин Д.И. 151
Фоше 214
Франц II, император 165
Франц, герцог Лорренский 15
Фрезе Ф.П. 146, 210
Фриде фон 24
Фридрих, кронпринц 14
Фюре Ф. 17, 18
Фюрст О. 69
- Хабермас Ю.* 18, 57, 187
Хатчесон Ф. 50
Херасков И. 95
Херасков М.М. 67, 89
Хераскова Е.В. 67
Херасковы 73
Хосе I, король 15
- Храповицкая-Сушкова М.В. 67, 89, 196
Храповицкий А.В. 67, 80
- Циммерман 154, 208, 210
Циннендорф 101, 102
Цицеронол (Цицеронолия) Х. 145
Цицианов П.Д. 155, 208, 213
- Чернов П.В. 110
Чернышев З.Г. 22, 26, 28, 84, 167, 170, 171, 178
Чернышев И.Г. 26, 178
Чернышевы 73, 178
Чертков В.А. 78
Чичерин Н.И. 80
Чуди 22
- Шафиоров П.П. 71
Шаховской Н.Н. 28
Шварц И.Г. 30, 39, 76, 84, 90, 123, 125, 146, 147
Шевырев С.П. 76
Шекспир У. 70
Шереметевы 74, 88
Шефтсбери А. 50, 51
Шешковский С.И. 6
Шиацто Дж. 28
Шидловский 145
Шмидт 38
Шоу У. 11
Шредер Г.Я. 96, 146
Шрепфер И.Г. 143
Штарк И.А. 165
Шувалов А.И. 108, 130
Шувалов А.П. 212
Шувалов И.И. 22, 66, 67, 89, 129, 164
Шустер 79
- Щербатов М.М. 24, 46, 53, 73, 89, 201
- Эли С.С. 147, 211, 212
Элиаде М. 96
Эмин Н.Ф. 141, 142
Эшмол Э. 12
- Юлий Цезарь 61
Юнг Э. 67
Юсуповы 80, 178

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1	
ЖИЗНЬ В ЛОЖАХ	
Масонские ложи	21
Масоны	25
Масонские практики	33
«Обработка дикого камня»	40
Глава 2	
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В XVIII СТОЛЕТИИ	
Русская «публика»: к определению понятия	55
Книгопечатание	62
Встречи хорошего общества	65
Клубы, кружки и общества	78
Глава 3	
УБЕЖИЩЕ ДОБРОДЕТЕЛИ, ХРАМ ПРЕМУДРОСТИ	
Масонское пространство	91
Степени и системы	98
Тайное общество	108
Глава 4	
ОБРАЗ МАСОНА	
Прислужники Сатаны	128
Шарлатаны	137
Мартинисты	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
Примечания	175
Именной указатель	218

Дуглас Смит
РАБОТА НАД ДИКИМ КАМНЕМ

МАСОНСКИЙ ОРДЕН И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В XVIII ВЕКЕ

Редактор *И. Жданова*
Дизайнер серии *Д. Черногаев*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 14. Тираж 1500. Заказ № 4660
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

HISTORIA ROSSICA

РАБОТА НАД ДИКИМ КАМНЕМ:

Масонский орден и русское общество в XVIII веке

Масоны в России XVIII века в своем большинстве не были ни искателями высшей истины, ни проектировщиками политического переустройства. Вступление в масонскую ложу было способом индивидуального социального самоутверждения. Вольный каменщик чувствовал себя членом элитарного союза избранных — аристократии духа, призванной своим моральным примером внести упорядоченность в аморфное российское общество. Такую концепцию американский историк Дуглас Смит обосновывает в сравнительном контексте общеевропейской истории масонства. Исследование опирается на разнообразные источники, включая сохранившиеся в архивах подлинные документы российских масонских лож. В книге показана связь между ритуальной стороной масонства и представлениями людей о своем месте в меняющемся обществе, изучены мотивы и проявления масонофобии. Выводы автора дают стимул к переосмыслению взаимоотношений между самодержавной монархией и ее подданными в России эпохи Просвещения.

ISBN 5-86793-478-0

9 785867 934781 >